РОДИНА

12 — 1993

ISSN 0235-7089

Дети декабриста С. Г. Волконского. 1845.

ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ...

Фотографии Геннадия Бодрова

ВАША КАРТА БИТА?

Но вдруг, но вдруг нам всем еще повезет в этой большой игре, именуемой жизнью...

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

В МАЛОМ
ПР.
только
на валюту

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

№ 12—1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

СОКРОВЕННЫЕ РЕЦЕПТЫ

Средневековые иконописцы писали иконы быстро, а вот учились этому долго, с малых лет постигая ремесленные навыки. Сколько должен был знать мастер! И как краски тереть, и как левкас варить, и как золотить. Все это он постигал в «дружине» — артели иконописцев, получая секреты мастерства из рук в руки.

Работа начиналась с выбора досок. Их готовили специальные мастера — деревщики, чаще всего использовавшие липу и сосну, реже — ель или дуб. Привозные иконы из русского Пантелеймонова монастыря на Афоне конца XIX — начала XX века написаны на тяжелых, дивно пахнущих смолой кипарисовых досках. Для икон большого размера соединяли несколько досок, склеивая их и врезая на тыльной стороне поперечные бруски-шпонки— чтобы предотвратить коробление. От времени дерево, конечно, изгибалось, и сейчас, глядя на лицевую сторону древней иконы, можно без труда определить, из скольких досок состоит ее основа.

Богоматерь Иверская. Георгий Зиновьев, Сергей Рожков. 1678 год. Верхоспасский собор. Музей-заповедник «Московский Кремль», Москва.

Но в тот момент, когда она писалась, будь то XI или XVII век, перед иконописцем лежал ровный гладкий щит. На его лицевой стороне делали неглубокую выемку — ковчег, на углубленной плоскости которого и создавали изображение.

Поверхность доски, пропитанную горячим рыбьим клеем, обтягивали тканью — паволокой.

Затем, замешивая мел и клей, иконописец готовил грунт — левкас (от греческого «леукос» — белый). Поскольку от его состава зависело качество иконы, рецепты проклейки и левкашения досок писались «тарабарской грамотой». Например, слова «левкасить кистью» выглядели так: «сешталикь гилью». Текст шифровался следующим образом: гласные не менялись, а согласные располагались друг под другом в два ряда, причем нижний ряд — в обратном порядке:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п

В слове, которое нужно было зашифровать, верхняя буква заменялась нижней и наоборот.

Левкас, нанесенный на доску, выскребали ножом и полировали... пучками сухого хвоща. Затем на белую как мрамор гладкую поверхность мастер наносил рисунок будущей композиции — совершалось «знамение». В записках северного русского мастера конца XVI века говорится, как приготовить «карандаш» для нанесения рисунка. Березовые палочки в палец толщиной обуглить в горячей печи под опрокинутым горшком в течение часа, а затем оставить гаснуть на дворе на железной доске. «И сие острогав, иконные писцы знаменуют». Знаменщик — обычно это был руководитель артели, опытный иконописец — использовал и жидкую темную краску; часто рисунок процарапывался по левкасу иглой. Иногда знаменщик обозначал буквами, каким цветом писать части изображения. Порой на иконе сквозь жидко положенную краску проступают буквы: **к** — киноварь, **п** — празелень, **в** — вохра. Так сразу определялся колорит иконы, да и не требовалось лишних указаний «травщикам» — иконописцам артели, которые писали все доличное — горы, деревья, травы.

Но начинали писать икону со «светов», то есть с золотого фона и золотых нимбов. Для золочения использовали приготовленные «су-

сальниками» — золотого дела мастерами — тонко раскованные листочки золота. В старинных рецептах его приготовления оговаривается: «...сусальное золото творити единожды без людей». Тонкие золотые листочки хорошо наклеиваются на поверхность, натертую... чесночным соком или писным суслом. Чтобы золото ярче блестело, его полировали медвежьим зубом.

Итак, света положены. Икона попадает к травщикам, которые уже приготовили краски: охру, киноварь, бакан, белила, празелень. Краски были неодинаковыми по своей природной основе и географическому происхождению. Разными путями попадали они в мастерские иконописцев. Киноварь и охру в XVII веке можно было дешево купить на рынке. В 1667 году киноварь стоила 2 деньги за золотник[1]. Среди наиболее распространенных красок иконописи — охр (они имеют широкий цветовой спектр от светло-желтого до красно-оранжевого) — различали «вохру немецкую добрую... вохру русскую... и вохру... худую коломенскую». И киноварь, и охры — краски, которые изготавливали из природных минералов, мелко их растирая. Из производимых на Руси красок в XVII веке широко применяли черлень псковскую, белила московские и кашинские, ржевский бакан, крутик.

Рождество Богоматери, из праздничного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 год. Кирилло-Белозерский музей-заповедник, г. Кириллов.

Черлень — красная краска. «Чрлен стяг, бела хорюговь, чрлена чолка[2], сребрено стружие — храброму Святославличу!» — это из «Слова о полку Игореве». Родственно этому названию краски и древнеславянское имя июля — червень. Именно в июле добывали нужное насекомое — красильный червец, из которого и делали краску. Известный немецкий путешественник, адъюнкт Российской Академии наук П. С. Паллас (1741—1811), путешествуя по России в 70-х годах XVIII века, писал, что с середины июня до середины июля «бабы и дети обыкновенно упражняются перед жатвой в собирании червца», который находится в корнях некоторых растений. Насекомое сушилось на сковороде, затем мелко растиралось. Русский черлень покупали немецкие, армянские и турецкие купцы. Черлень добавляли в краски, которыми писали лики. В описании иконописного подобия Тихвинской Богоматери XVII века встречаем: «устне ко всенепорочные червленою красотою побагрене».

Из растения, которое на Руси называли «синило», делали краску крутик индигово-синего цвета. Поскольку это растение часто встречалось в южной полосе вплоть до Калуги, стоила краска в XVII веке дешево, как киноварь, — 2 деньги за золотник. Поставляли тогда крутик и оптовыми партиями. Так, в 1649 году на соболя в Архангельске было выменено 96 пудов 28 фунтов крутику по оптовой цене 16 рублей 2 алтына за пуд.

Дорогими красками были привозные: зелень, которую делали из тертого малахита, голубая ярь венецейская, венецейский бакан, лазорь.

Бакан — краску малинового или лилового оттенка — готовили из древесины дерева, которое росло в Индии и Бразилии и по-русски называлось «варзия».

Лазорь... Этот чистый синий цвет сияет в рублевской «Троице». Краску получали из полудрагоценного минерала лазурита, лучшие месторождения которого находятся в Средней Азии, в Бадахшане. В конце XIV — начале XV века иностранных купцов и дипломатов поражало великолепие Самарканда — столицы Тимура, богато украшенной лазуритом. Минерал продавался на экспорт, в том числе и русским купцам.

В начале XVIII века Петр I, поощряя развитие русской промышленности, не забыл и про красильное дело. В 1716 году губернаторам были разосланы списки красок с ценами на каждую и с указанием, «дабы во всех городах те краски и им цены были объявлены и в народ публиковать, кто где такие, или им подобные сыщет», нашедшим же «давать деньги по рассмотрению». Уже через два года Садовой слободы Павлу Васильеву, «который умеет делать краску бакан», дана привилегия ставить в казну по 20 пудов бакану в год. Одновременно был отдан приказ: «Венецейского из-за моря не возить».

Иконописцы, зная особенности красок, смешивали их, чтобы получить новые цвета. «Синь да желть — то станет празелень. Сурик да желть — то станет золотая. Синило да белило — то станет голубая», поучала рукопись второй половины XVII века, «а сурику в кислом ни в чем не твори, не любит».

Красочный порошок разводили на квасе или воде, добавляя небольшое количество яичного желтка. Этот связующий компонент готовили так: у свежего яйца разбивали скорлупу «с четверть яйца или с шестину» и выливали содержимое на ладонь. Белок отделяли от желтка, а желток вновь вливали в скорлупу. Затем желток размешивали пальцем и доливали воду до верха скорлупы. Если иконописец хотел сохранить связующее подольше, то немного солил его.

Но разводили краски не только на яйце. Связующим, в зависимости от краски, был и осетровый клей, и камедь — вишневая смола, выступающая на стволах этих плодовых деревьев, и даже ладан — благоухающие смолы хвойных деревьев восточных стран.

Смешивали краски со связующими веществами в раковинах, черепках, деревянных ложках, у которых отрезали ручки, и даже на ногтях, заменявших иконописцам палитру.

...После того как написано было все доличное, мастера принимались писать фигуры святых в соответствующих одеяниях — «ризах». Самым ответственным было написание ликов. Живопись личного многослойна. Сначала накладывали санкирь — краску темного зеленовато-коричневого тона. Затем шло вохрение: каждый последующий слой охры все более разбелялся, занимая все меньшую площадь. В промежуточном слое прокладывали киноварную подрумянку. Завершали личное небольшими светлыми мазками — оживками. Особенно ценили живопись личного с постепенными, неуловимыми переходами от теневых тонов к высветлениям. «Дымом писано», «облачное письмо», — говорили о такой живописи.

Наложены последние мазки краски, но икона еще не закончена. Ее надо покрыть олифой, тогда неблестящие темперные краски приобретут мягкий блеск, станут глубже и выразительнее. У каждого мастера существовали свои секреты приготовления олифы. В вареное льняное или маковое масло добавляли смолистые вещества, например янтарь. Теплую олифу наносили на икону ладонью несколько раз, чтобы она легла ровным слоем. В XVII веке лучшей олифой считалась олифа «костромского варенья». В 1666—1667 годах в Оружейную палату покупали у костромского посадского человека Першки Трубина олифу по 3 рубля 16 алтын за ведро.

Введение во Храм, из праздничного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 год. Кирилло-Белозерский музей-заповедник, г. Кириллов.

Качество иконы, ее долговечность во многом зависели от ремесленных навыков иконописца. Тем более что готовую икону оценивали сведущие люди, среди которых обязательно был священник. По постановлению Стоглавого собора 1551 года, иконописцам, создававшим иконы невысокого качества, запрещалось заниматься этим ремеслом под страхом «царской грозы» и судебного разбирательства. Ну а в конце XIX — начале XX века количество и качество создаваемых икон диктовал рынок. В крупных иконописных селах Палехе и Холуе Ивановской губернии и Мстере Владимирской губернии иконы писались, как отмечали современники, «целыми заводами в 100, 200, 500 и т. д. штук (одного святого)». Каждый образ проходил через 5—10 мастеров. Такие иконы продавали офеням, а те, в свою очередь, торговали ими на рынках и ярмарках по всей России.

Знание технических, ремесленных навыков было, конечно, обязательным, но далеко не единственным требованием к иконописцу. О том, каким статусом обладал на Руси мастер иконного дела, какую общественную оценку получал его труд, наш следующий рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Золотник — 1/96 часть фунта, т. е. чуть более 4 г.

2. Чолка — окрашенный в красный цвет конский волос в виде бунчука, войсковой знак.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский А. И. Очерки по истории русского искусства. Т. 1. М., 1910.
2. Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. М., 1903.
3. Щавинский В. Очерки по истории техники живописи в Древней Руси. М., 1935.
4. Филатов В. В. Русская станковая темперная живопись, техника и реставрация. М., 1961.
5. Реставрация станковой темперной живописи. Под ред. В. В. Филатова. М., 1986.

«СПАСИ И СОХРАНИ»

Спас Нерукотворный. XVI век. Сергиевопосадский музей-заповедник, г. Сергиев Посад.

Альбом «Спаси и сохрани», выпущенный издательством «Панорама» осенью нынешнего года, включает 198 икон XII—XX веков из крупнейших музейных собраний Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Кириллова, Сергиева Посада. Уже сам по себе факт появления такого издания, выполненного на прекрасной мелованной бумаге, с отличным качеством художественного оформления и печати, — хороший повод, чтобы порадоваться за отечественное книгоиздание, за тех, кто не утратил интереса к выпуску вещей серьезных в интеллектуальном отношении и высокохудожественных по форме и содержанию.

Однако ценность альбома не только в его эстетических достоинствах.

За минувшее 70-летие у нас были утрачены многие духовные и нравственные ценности, выросли целые поколения людей, не просто неверующих, но и не понимающих сущности православия, которое на протяжении вот уже десяти веков составляет духовную основу жизни русского народа. Альбом вводит читателя в особый мир русской православной иконы, помогает постичь глубину ее содержания.

Альбом состоит из трех частей. В первой из них — «Нерукотворный образ» — описан земной путь Спасителя и даны краткие комментарии к основным церковным праздникам. В ней рассказывается, как чудесным образом еще во время земной жизни Иисуса Христа появилась первая икона с его изображением. Лик Нерукотворного Спаса запечатлен на древних русских знаменах и иконах. Репродукции некоторых из них представлены в альбоме.

Годовой цикл великих — двунадесятых — праздников (новый церковный год начинается с сентября) открывается Рождеством Богородицы 8(21) сентября. В альбоме даны прекрасные иконы, посвященные Рождеству Богородицы, Введению во Храм, Благовещению, из многих знаменитых русских монастырей.

Величайший христианский праздник — Рождество Христово — отмечается Русской Православной Церковью 25 декабря (7 января). В альбоме кратко излагаются евангельские тексты о рождении Иисуса Христа; Сретение, Крещение, Преображение Господне, а также все другие этапы земной жизни Спасителя, отраженные в иконографии, проходят на страницах альбома.

Благовещение, из праздничного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 год. Кирилло-Белозерский музей-заповедник, г. Кириллов.

Рождество Христово, из праздничного ряда иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. 1497 год. Кирилло-Белозерский музей-заповедник, г. Кириллов.

Вторая часть альбома — «Утоли моя печали» — об особо любимой и почитаемой на Руси Богородице. По древнему преданию, первые иконы Богоматери написаны одним из четырех евангелистов — апостолом Лукой, сумевшим запечатлеть Ее подлинные черты. В Православной Церкви существует до 800 наименований икон Богоматери. Более трети из них прославлены различными чудесами. Иконография Божьей Матери разнообразна, каждая икона раскрывает нам какую-либо сторону Ее благодеяний роду человеческому. «Путеводительница», «Всех скорбящих Радость», «Целительница», «Взыскание погибших», «Нечаянная Радость» — многие из этих икон не только воспроизведены в настоящем альбоме; здесь же описывается история их появления, рассказывается о чудесных знамениях, с ними связанных.

«Праведники вовеки живут» — так называется третья часть альбома, в которой рассказывается об ангелах, византийских и русских святых, почитаемых на Руси.

Величайший из пророков — Иоанн Креститель завершает историю Ветхого Завета и открывает эпоху Нового Завета. Он свидетельствовал о пришествии на землю Сына Божия, воспринявшего человеческую плоть. Иоанн крестил Его в водах Иордана и был очевидцем явления Святой Троицы в день Крещения Спасителя.

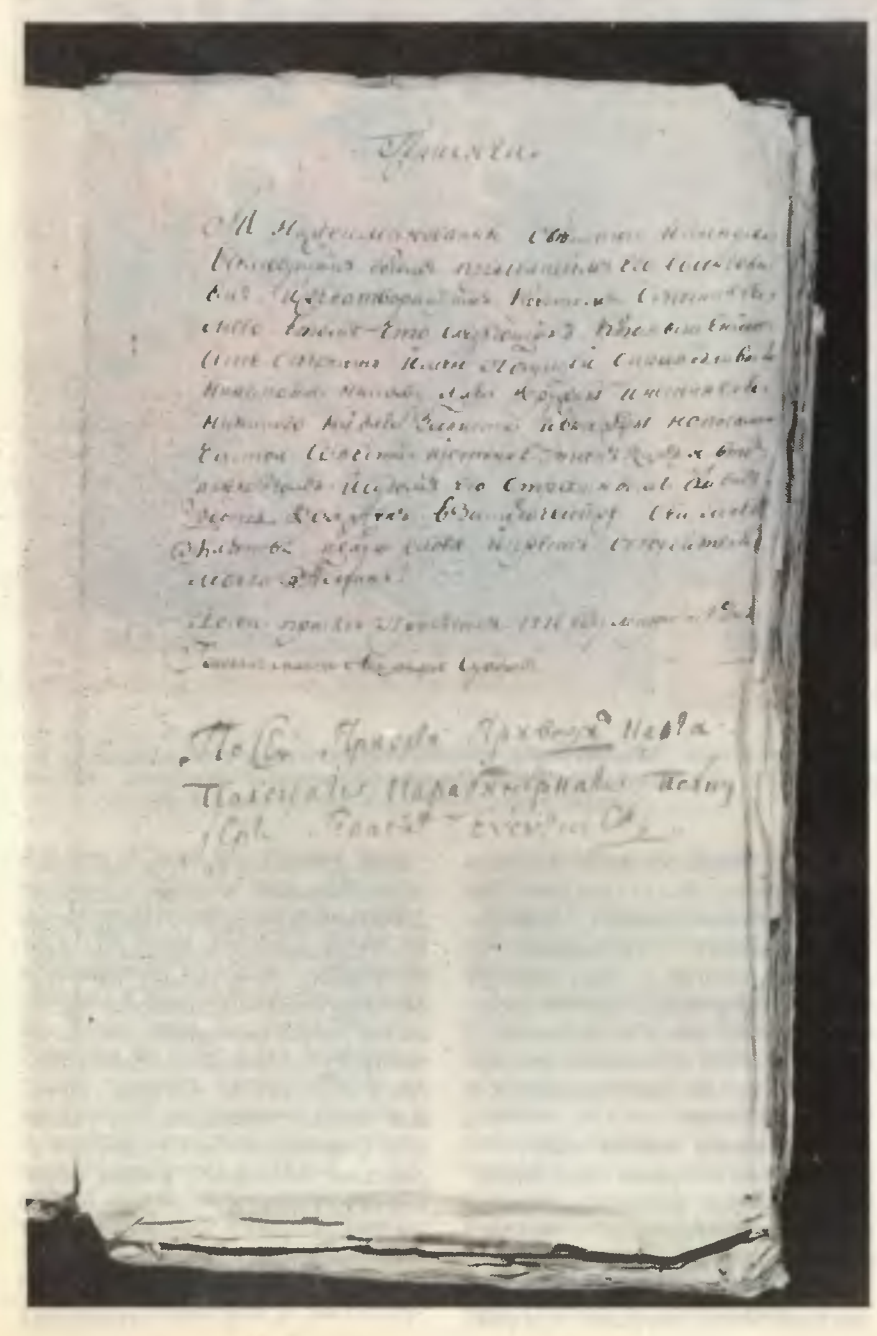
Неподдельный интерес вызывают повествования о Вере, Надежде, Любови и матери их Софии, Георгии Победоносце и других великомучениках, почитаемых на Руси. Многие страницы альбома посвящены рассказу о великом игумене земли Русской преподобном Сергии Радонежском, его благочестивой жизни, деяниях и его учениках, о преподобном Серафиме Саровском, его земной жизни, обретении его мощей...

ВЛАДИМИР КОЛОСОВ,
главный редактор издательства «Панорама»

АЛЕКСАНДР КАНУННИКОВ

«ПОЛОЖИТЬ ЛЕВУЮ РУКУ НА ЕВАНГЕЛИЕ...»

К истории присяги в русской армии

Воинская присяга как особый ритуал появилась в России при Петре I, в пору создания регулярной армии. До этого существовала общегосударственная присяга через крестное целование на верность государю при восшествии последнего на престол. К кресту приводились все сословия, в том числе и военнослужилые: дворянство, стрельцы и казаки, главной обязанностью которых была служба в войске и защита границ. Принятие ими присяги подразумевало обязательство несения военной службы. Один из современников начала царствования Петра, например, писал: *«А к черкасскому гетману Ивану Самойловичу послан с Москвы думный дворянин Иван Афанасьевич Желябужской, ево и всех черкас ко кресту приводить. И гетман Иван Самойлович со компанию и со всеми черкасы целовали в черкасском городке Батурине крест... ему Великому Государю... Петру Алексеевичу»*[1].

Наряду с этой, общей, существовала еще и присяга для выборных должностных лиц, представлявшая собой все то же крестное целование. В «Статьях разбора ратных всякого чина людей» от 19 декабря 1694 года, например, указывалось: *«У смотру и разбору... выбрать окладчиков вновь и нововыборных окладчиков в соборных церквах привесть к вере по евангельской заповеди Господни на том, что им про свою братию, про служилых людей, против сказок их, сказывать правду, не тая ничего»*[2]. В известной мере эту клятву можно рассматривать как прообраз введенной Петром I и получившей позднее широкое распространение в гражданском и военном законодательстве системы присяги на выборные должности.

Традиции русской патриархальной общины привели к возникновению такой своеобразной формы присяги, как круговая порука. В уже упоминавшихся нами выше «Статьях разбора ратных людей» разъяснялось: *«Таких же гулящих людей, которые сысканы будут... писать в солдатскую службу и поручныя записи по них имать же, а по которым порук сторонних людей не будет и им велеть ручаться меж себя, друг по друге»*[3].

Такого рода присяга могла применяться лишь в новых полках солдатского строя, комплектовавшихся за счет вольной и насильственной вербовки людей. Практика круговой поруки утвердилась затем в новой армии и вплоть до реформы 60—70-х годов XIX века оставалась непременным элементом комплектования войск. Она представляла собой поручную запись, подписанную с одной стороны присягающими, с другой — ручителями, если таковые были, с объяснением их ответственности за поручаемых. Ее текст, правда несколько более поздний, выглядел следующим образом: *«1700 году... дня. По указу Великаго государя, нас, Преображенскаго полку драгунов, ручали в том, что нам великому государю службу чинить верно и над казной его, великаго государя, дурна и хитрости никакой не учинить, лошадей и ружья, и строевого платья не продавать и не терять, и с службы не бегать, вином и табаком не торговать, зернью и в карты не играть и с воровскими людьми не знаться, и пьяным не напиваться»*[4].

Круговая порука позволяла правительству не только снизить количество побегов среди вербуемых до их прибытия в полки, но и взыскивать с членов артели унесенное сбежавшим жалованье, казенные вещи, а также брать в службу коголибо из его родственников или поручителей.

По мере того как основным источником комплектования армии становились рекрутские наборы, круговая порука была перенесена на них: *«Даточных, взятых в рекруты, которые будут в приеме... чтоб они со станции и с дороги, куда посланы будут, не бегали, утверждать круглою порукою друг по друге по 20 и больше»*[5].

Присяжная система допетровской Руси не канула в Лету с вступлением страны на путь реформ. Она, в переработанном виде, вошла в новое законодательство, созданное Петром I и его последователями[6].

Вместе с тем организация постоянной армии потребовала создания особого свода военных постановлений. Работа над ним началась еще в конце XVIII века. В ней в разное время принимали участие лица из ближайшего окружения царя: П. Гордон, Б. П. Шереметев, Я. В. Брюс, А. Вейде, А. Д. Меншиков и другие. Учреждая регулярную армию по образцу иностранной и вводя для нее законы, Петр I, естественно, должен был обратиться к опыту Западной Европы, так как существовавшее законодательство ни в коей мере не отвечало потребностям военного строительства в России. В связи с этим в 1696 году в Венгрию и Саксонию, а в 1698-м во Францию и Англию был послан А. Вейде. Результатом поездки явилось составление последним в 1698 году воинского устава, значительная часть которого вошла позднее в первый российский военный устав — Артикул воинский. В немалой степени разработке нового устава способствовала поездка самого царя по европейским странам в составе «великого посольства», где он мог лично ознакомиться с устройством армий. Все это затем отразилось на создании русского военного законодательства, которое в значительной степени представляло собой заимствования из западноевропейских уставов[7], что относится и к положению о воинской присяге. Это положение составной частью вошло в Артикул воинский, а затем, вместе с последним, в Воинский устав 1716 года.

Присягающий обязан был, произнося текст присяги, или клятвенного обещания, как еще называли ее, *«положить левую руку на Евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя большими персты»*. Солдаты, «понеже их множество», поднимали только руку перед предлежащим Евангелием и повторяли текст присяги вслед за читающим, после чего целовали Евангелие[8].

Сам текст в значительной степени был заимствован из ст. 110 старошведского устава короля Густава II Адольфа, с теми лишь исключениями и добавлениями, которые сделал Петр, чтобы придать присяге более обобщенный характер[9].

Универсальность ее подчеркивалась в самом уставе: *«Понежесия присяга вообще всякому чину положена, того ради надлежит тому, кто к присяге их приводит, выписывать, которому чину, что принадлежит, а унтер-офицерам и солдатам все»*[10].

В зависимости от чина и должности присягающего в текст присяги вносились некоторые изменения, должные отразить круг его обязанностей. Сравнение текстов присяжных листов показывает, что изменения присутствовали в клятвенных обещаниях генералитета и штаб-офицеров, в обер-офицеры, так же как унтер-офицеры и рядовые, приносили присягу по ее полному тексту. Это объясняется, видимо, тем, что поле деятельности последних ограничивалось пределами роты или эскадрона.

После торжественного ритуала принесения присяги в строю присягающие подписывали индивидуальные клятвенные обещания, или присяжные листы. Офицерское клятвенное обещание, представлявшее собой лист гербовой бумаги с тем же текстом, который зачитывался перед строем, подписывалось присягающим и священником, приводившим к присяге. Кроме того, внизу могли стоять подписи кого-либо из начальствующего состава, чиновника канцелярии и офицеров части. После подписания присяжные листы отправлялись в Военную коллегию.

По Воинскому уставу Петра присяга должна была приноситься генералитетом в Военной коллегии, а штаб-, обер-, унтер-офицерами и солдатами — «при полку или роте, при распущенном знамени»[11]. Но уже в указе о рекрутах от 29 октября 1719 года говорится: *«...а пока те рекруты отправлены будут из губерний... в начале тем офицерам* (приемщикам. — *А.К.*), *приняв их, тотчас привести к присяге по Воинскому уставу»*[12]. Такой порядок был затем подтвержден в генеральных учреждениях о наборе рекрутов в 1757 и 1766 годах, где добавлялось, что рекруты проходят начальную подготовку, а перед приемом присяги им зачитываются статьи устава о наказаниях за воинские преступления, в том числе и за нарушение присяги.

Что же касается присяги для офицеров, то, когда к присяге приводилось несколько человек, она могла проходить с выносом знамен и построением полка; когда же присягу приносил один человек — она могла быть проведена на квартире полкового командира, где, как правило, и хранились знамена.

В петровское же время были изданы отдельные указы о приведении к присяге находившихся в России пленных шведов, пожелавших вступить в русскую службу, и иностранцев. Они должны были также приносить устную и письменную присягу, а текст ее несколько отличался от присяги для россиян. Присягающий обязан был указать свою национальность и подданство. Устная присяга могла быть зачитана на родном языке присягающего, если он плохо владел русским или не знал его совсем. Но письменный ее вариант должен был быть записан на двух языках: родном и русском, после чего оба текста подписывались и скреплялись печатью присягавшего. Иностранец, вступая в русскую службу и принимая российское подданство, приносил присягу в Иностранной коллегии. Те же, кто только вступал в службу, оставаясь подданным другого государства, должны были приносить присягу при полках[13].

Следующим событием в формировании присяжной системы в русской армии явился именной указ от 10 ноября 1721 года «О учинении присяги на каждый чин», которым предписывалось, *«чтоб в повышении чина всякому на каждой чин присягать»*[14].

С этого времени и до 1917 года обязательная присяга на каждый новый чин стала непременным условием воинской службы в русской армии. Она ничем не отличалась от присяги, утвержденной в уставе 1716 года.

В годы, последовавшие за смертью Петра I, каких-либо значительных изменений в порядке принятия присяги не произошло. Правительства лишь подтверждали действие петровских постановлений. И только в текст присяги было включено имя наследника престола.

Первая серьезная попытка усовершенствовать порядок ее принятия относится ко времени правления Екатерины II.

До этого текст клятвенного обещания был рукописным. 20 мая 1765 года, по определению Военной коллегии, *«велено всем, находящимся в воинской службе, на воинския, вновь пожалованныя, чины и при определении в службу... как при Коллегии, так и при командах, присягу чинить по напечатанной в Воинском артикуле форме»*[15]. Для чего в типографии было напечатано «потребное число» форм, *«по которым и велеть всем находящимся в воинской службе и на воинския, вновь пожалованныя, чины, и при определении в службу, присяги чинить, а для единственнаго порядка, чтоб оные присяги при всех командах содержаны были в бережении, а излишняго расхода бумаге не было, переплесть оныя с белою бумагою во особливые книги, в которых и подписываться, кто по той присяге котораго году, месяца и числа приводим был, а священнику засвидетельствованным»*[16].

Эти печатные присяжные листы были разосланы по командам, в каждую: генеральских — 5, полковничьих — 15, подполковничьих, премьер- и секунд-майорских — 30, обер-офицерских — 50, унтер-офицерских — 205[17].

С этого момента в практике принятия присяги в русской армии появляются печатные формы, рассчитанные на несколько человек.

Вновь установленный порядок, как показывают документы, не всегда соблюдался. В армейской практике продолжали существовать как индивидуальные присяжные листы, так и групповые, как рукописные, так и новые печатные формы.

Вторая попытка внести изменения в ритуал принятия присяги относится ко времени правления императора Павла I и связана с изменением статуса знамени.

Нельзя сказать, что предшественники Павла I недооценивали значения знамени в жизни армии. Еще в петровском уставе на прапорщика в бою возлагалось: *«не надлежит ему знамя свое оставлять под смертною казнию, но подобает ему оное в левой руке держати, а правою рукою оборонятися даже до смерти, не оставляя онаго, понеже вся рота при нем содержится. И того ради надлежит ему в том при знамени присягу чинить, а егда опасной случай в ретираде (или отводе) учинится, тогда знамя от древка отодрать надлежит и у себя схоронить или около себя обвить, и тако себя со оным спасать»*[18].

Вместе с тем знамя оставалось обычным табельным имуществом, на которое распространялись сроки годности.

При Павле же был введен принцип вечности знамен: были отменены табельные сроки выдачи знамен, за каждым полком были утверждены свои знамена, в уставе полевой пехотной службы включена глава об освящении новых знамен и отдаче старых. Кроме того, на знаменах начали делать надписи за отличия в сражениях.

К системе мер по поднятию статуса знамен относится и указ Павла I генералу от артиллерии Мелиссино от 30 апреля 1797 года, по которому предписывалось: *«всех воинских чинов, определяющихся в службу или удостоенных повышения в оной, какого бы чина и звания не были, приводить к присяге всякой раз не иначе как под знаменами, наблюдая при том, чтобы приводимый к присяге, имея распростертую в верх руку, другою держался бы за знамя»*[19]. Здесь уже знамя выступает как святыня, на которой клянутся как на Евангелии.

Ритуал принятия присяги под знаменами прочно утвердился в армейской жизни и просуществовал до 1917 года.

Не меняя общего порядка присяги, устав, как уже говорилось выше, предусматривал возможность ее принятия лицами разных национальностей и вероисповеданий: *«Рекруты... немедленно приводятся к присяге духовными лицами того вероисповедания, к коему они принадлежат, и на языке, который им известен»*[20]. Кроме того, в уставе были приняты специальные статьи о приведении к присяге новобранцев из Западных и Прибалтийских губерний, с учетом особенностей национальных, религиозных, правового положения, которым были наделены жители той или иной губернии. В августе 1827 года был принят Устав о рекрутской повинности евреев, подробно регламентировавший порядок приведения к присяге рекрутов из евреев, исходя из особенностей их вероисповедания. Напомним, что до этого на российскую службу принимались только крещеные евреи, то есть принявшие православие.

В новый рекрутский устав была также включена статья, выпадающая из нашего представления о николаевской эпохе как времени жесточайшей муштры и шпицрутенов. В ней оговаривалось, что *«рекруты, по заблуждению своему уклоняющиеся от присяги, поступают на службу без присяги, токмо случай сей отмечается в формулярных их списках»*[21]. Обращает на себя внимание отсутствие какого-либо упоминания о наказании за подобный проступок, между тем как в совсем недавнем прошлом такой отказ незамедлительно приводил в действие репрессивный аппарат государства.

Свой окончательный вид, в котором она просуществовала до 1917 года, присяжная система приобрела в ходе реформ, последовавших после поражения России в Крымской войне.

Прежде всего из устава исчезло понятие круговой поруки, к которой приводили рекрутов в дореформенный период, его заменила индивидуальная первичная присяга *«на кресте Спасителя и на святом Евангелии»*, даваемая призываемым в том, что он будет *«служить верою и правдою государю Императору, Его Наследнику и Отечеству»*[22].

Далее вернулись к положению петровского устава о приводе к присяге при ротах. Теперь, после прибытия в часть и прохождения того, что мы бы сейчас назвали «курсом молодого бойца», новобранцы приводились к присяге на верность службы под знаменами: *«для сего, в назначенный командиром день, выводится в строй часть, если можно, в полном составе, причем новобранцы строятся отдельно.*

По прибытии знамен, командир части в нескольких словах разъясняет новобранцам значение долга службы и присяги, а затем приказывает прочесть статьи воинского устава о наказаниях, касающихся нарушения обязанностей службы в военное время и статьи... объясняющие, за какие подвиги на поле брани награждают знаком отличия военного ордена, а частям жалуют особыя отличия, после чего новобранцы приводятся к присягв духовным лицом того исповедания, к которому они принадлежат, а в случае неимения такового — командиром части»[23].

В частях, не имевших знамен, присяга принималась в том же порядке: в батареях — перед фронтом орудий, в крепостной артиллерии — на валганге (верхней части крепостного вала, прикрытой бруствером. — *А. К.*) главной крепостной ограды. Во всех остальных частях — перед фронтом части.

Прибывшие в часть новобранцы, до принятия присяги, назывались молодыми солдатами, а после принятия — рядовыми[24].

Уставом оговаривался ритуал присяги для тех частей, комплектование которых проходило по особым правилам. Так, например, чины роты дворцовых гренадер приводились к присяге в Военной галерее Зимнего дворца, под знаменем роты[25].

Таким образом, к 90-м годам XIX века система воинской присяги в России приобрела свой окончательный вид. Совершенствуясь на протяжении почти двух столетий, впитав в себя как национальные, так и западноевропейские черты, она приобрела всеобъемлющий характер для жизни армии и, несмотря на кажущуюся громоздкость, успешно функционировала до 1917 года, воздействуя на чувства патриотизма и верности долгу военнослужащих, какое бы положение в армейской структуре они ни занимали.

Текст присяги по Воинскому уставу 1716 года

Я (имя рек) обещаюся всемогущим Богом, служить Всепресветлейшему Нашему Царю Государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых, Воинских Артикулах, что оные в себе содержать будут, все исполнять исправно. Его Царскаго Величества государства и земель Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны Его Величества или Его войск, також де Его государства людей или интереса Государственнаго что услышу или увижу, то обещаюсь об ондм по лучшей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить, но только паче во всем пользу его и лучше охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где Его Царскаго Величества войск, государства и людей благополучия и приращению касается, в караулах, в работах и в прочих случаях, должное чинить послушание, и весьма повелению их не противиться. От роты и знамя, где надлежу**, хотя в поле, обозе и гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, непременно, добровольно и верно так, как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог всемогущий.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840. С. 3.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. III. С. 186.
3. Там же. С. 193.
4. Бобровский П. О. История л-г Преображенского полка. Т. 1. СПб., 1900. С. 364.
5. ПСЗ. Т. III. С. 526.
6. ПСЗ. Т. IV. С. 94; ПСЗ. Т. XIV. С. 847.
7. Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул Воинский с объяснениями, заметками и цитатами по иностранным источникам. Вып. 1. СПб., 1882. С. IV.
8. ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. С. 319.
9. Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. С. 128.
10. ПСЗ. Т. V. С. 320.
11. Там же. С. 319.
12. Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого. СПб., 1775. С. 153—154.
13. ПСЗ. Т. VI. С. 355—386; Т. XV. С. 939; Т. XVII. С. 841.
14. ПСЗ. Т. VI. С. 452.
15. РГВИА. Ф. 54. Оп. 1/194. Св. 90. Л. 122.
16. Там же.
17. Там же.
18. ПСЗ. Т. V. С. 445.
19. ПСЗ. Т. XXIV. С. 598; РГВИА. Ф. 5. Оп. 5/77. Св. 271. Д. 912. Л. 2.
20. Свод законов Российской империи. Ч. 4. СПб., 1838. С. 106.
21. Там же.
22. Свод военных постановлений (далее — СВП). Т. 6. СПб., 1891. С. 5; Друг пехотинца: новый практический учебник для рядовых пехоты. Вильно, 1915. С. 7.
23. СВП. Ч. 2. Кн. 7. СПб., 1892. С. 6, 57.
24. Друг пехотинца. С. 11.
25. СВП. Ч. 2. Кн. 7. С. 45.

* Присяга для генералитета включала полностью текст до слов: «и весьма повелению их не противиться», после чего шел пропуск до слов: «И во всем так поступать...», за исключением слов «в караулах и работах».

** Присяга на чин полковника включала в себя текст полностью, за исключением фразы: «От роты и знамя, где надлежу», которая заменялась словами: «От повереннного мне от Его Царскаго Величества (позднее — Его Императорскаго Величества) полку команды...».

ДЭНИЭЛ ШЛАФЛИ
(университет Сент-Луис, США)

ИЕЗУИТЫ В РОССИИ

В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II, ПАВЛА I и АЛЕКСАНДРА I

Пожалуй, никому в России не доставалось столько упреков и обвинений, сколько «отцам иезуитам». Орден, основанный в XVI веке испанцем Игнатием Лойолой и утвержденный в 1540 году буллой папы римского Павла III, во все времена являл собой символ злодейств и ухищрений — недаром методы их работы с человеческим материалом прочно вошли в русский язык. В 1773 году папа Климент XIV даже издал буллу об уничтожении ордена, но он все-таки продолжал существовать тайно до 1814 года, когда был вновь восстановлен. В то же самое время тема проникновения иезуитов на Русь совершенно не исследована в отечественной литературе. В. Пикуль в одном из своих исторических этюдов торжествующе и навечно «изгнал» иезуитов из России не далее как в царствование Иоанна Грозного. А между тем они вернулись.

Первый раздел Польши в 1772 году «перенес» под скипетр русской императрицы четыре иезуитские коллегии и две резиденции с 201 иезуитом. Не разглашая распоряжения папы Климента XIV о запрещении иезуитского ордена во всем мире, Екатерина пренебрегла советами сенаторов, которые убеждали ее не допускать иезуитов в свое царство, заметив следующее: *«Если верно, что Петр Великий имел хорошие основания для изгнания иезуитов, то я имею превосходные для их удержания при себе».*

Как получилось, что православная Российская империя стала единственной страной на свете, где нашел приют этот символ воинствующего римского католицизма? Ведь еще накануне папского указа иезуиты были изгнаны из Франции, Испании и Португалии, а католические правители габсбургских владений и Польши двинулись против них сразу, как только выступил папа.

Для России в течение более чем двух веков иезуиты символизировали латинскую евангелизацию и завоевание. Когда итальянский иезуит Антонио Поссевино встретился в 1572 году с Иваном IV, он убеждал Россию покориться Риму. Иезуитские коллегии распространились повсеместно на белорусских и украинских территориях, входивших тогда в состав Речи Посполитой. Немало усилий приложили иезуиты для заключения в 1596 году Брестской унии, которая перевела под контроль Рима значительную часть православного населения приграничных областей. Кто способен забыть, что именно иезуиты сопровождали армию Дмитрия Самозванца во время похода на Москву в 1605 году? Нет ничего удивительного в том, что Мусоргский в «Борисе Годунове» изображает иезуитов потирающими руки от удовольствия на фоне обручения Дмитрия и Марины Мнишек. Петр Великий разрешил нескольким чешским иезуитам открыть небольшую школу в московской немецкой слободе, однако уже через некоторое время те были выдворены. Сама Екатерина II завоевывала поддержку против Петра III, выставляя себя в качестве истинной русской патриотки и сторонницы национальной церкви. И вдруг она предоставила убежище заклятым врагам православия!

Но с точки зрения светской политики Екатерина имела «превосходные основания» поступить именно так. В действительности религия ее не интересовала. *«Она не религиозна, но имитирует благочестие»,* — заметил как-то ее приятель Фридрих II Прусский. Иезуиты же были близки Екатерине стойкими монархическими принципами. Они и их коллегии, как полагала императрица, призваны были распространять ученость на новообретенных землях, а также внушать лояльность к новому монарху среди польской шляхты. 12 апреля 1775 года Екатерина призналась барону Гримму, что хоть иезуиты и *«самые кроткие и благонравные жители Белоруссии»,* но *«в действительности эти мерзавцы самые слащавые люди в мире».*

Иезуиты быстро отреагировали на расположение к ним Екатерины и принялись клясться ей в верности почти сразу же после первого раздела Польши. 29 ноября 1773 года ректор главной иезуитской твердыни в Полоцке отец Станислав Черневич отправил императрице письмо следующего содержания: *«Я и все иезуиты римского обряда, самые верные подданные Вашего Величества, припадаем к Вашим ногам подле Вашего августейшего императорского трона».* Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время визита Екатерины, Потемкина и других сановников в Полоцк (май 1780) иезуиты и их воспитанники дружно приветствовали императрицу. В ее честь были освящены церковь и коллегия, а Черневич прочел ей торжественную оду в эпическом стиле. В 1786 году благодарная Екатерина передала иезуитам заведование реформой начальных школ в Белоруссии и контроль над школами униатского Базилианского ордена. Угроза, вызванная Французской революцией и Польским восстанием 1794 года (Екатерина оценивала Костюшко как *«воплощение французских принципов»*), сделала ее еще более благодарной иезуитам за их постоянное присутствие на западном пограничье империи.

Павел I в своей благосклонности по отношению к иезуитам зашел еще дальше. Как известно, он ненавидел Французскую революцию с позиции запрета ношения круглых «якобинских» шляп. Однако если Екатерина была прагматичной и светской правительницей и рассматривала религию не иначе как один из элементов в своих политических расчетах, Павел придерживался мистической и апокалиптической концепции своей царской роли и имел устойчивые симпатии к римско-католической церкви как союзнику против безбожия и прочих разрушительных сил, обрушившихся, по его мнению, на Европу. Он ненавязчиво предложил политическое убежище папе Пию VII и именовал себя великим мастером католического военного ордена Мальтийских рыцарей (после того как этот остров был захвачен Наполеоном в 1798 году).

Иезуиты произвели впечатление на Павла еще в бытность его великим князем. В 1781 году он вместе с супругой, великой княгинею Марией Федоровной, посетил Полоцк. Щедрый прием, учиненный тамошними иезуитами и студентами в полном составе, включал среди прочего и освященный показ «прозрачного изображения коронованной четы». Очевидец сообщал, со слов Павла, *«что он был чрезвычайно удовлетворен и всем доволен».* Уже в качестве императора он посетил иезуитскую коллегию в Орше (1797). В ходе этого визита Павел заявил отцу Габриэлю Груберу: *«Я уверен, что вы могли бы сохранять мою державу подобно тому, как вы это делали до сих пор... Я высоко ценю ваш орден».*

Павел испытывал непосредственную симпатию к энергичному и талантливому австрийцу Груберу, который, подобно многим другим иезуитам со всех концов Европы, объявился в Полоцке после запретительного указа папы. Грубер не только знал толк в гидрологии и прочих науках (математике, архитектуре и языках), он к тому же обладал значительными способностями администратора и дипломата. Он даже смонтировал громоотвод на крыше дома белорусского губернатора. Переехав из Орши в Полоцк, он успешно руководил и тамошней общиной, помогая развитию книгопечатания и внедряя прочие усовершенствования. Дружба между Павлом и Грубером укрепилась еще больше, после того как в 1799 году Грубер вылечил императрицу Марию Федоровну от болезни глаз и от зубной боли. По версии Грубера, Павел даже серьезно обсуждал возможность воссоединения русской православной и римско-католической церквей незадолго до того, как был убит.

Драматическими свидетельствами любви Павла к иезуитам стали два его указа, подписанные 11 и 12 октября 1800 года: *«1) Государь Император указать соизволил: чтобы в Католической церкви Св. Петра Богослужение отправляемо было одними иезуитами. 2) Существующий в Полоцке Новициат Иезуитский орден оставляя в сем месте, дозволили Мы ему умножать Богоугодные его заведения и в других местах Католического исповедания...»*

В том же месяце Павел вернул иезуитам собственность, конфискованную у них в 1773 году, на бывшей польской территории, и поручил им контроль над Виленским университетом (исключая медицинский факультет). Павел мотивировал свои действия в письме к Груберу: *«Я не вижу другого пути сдержать святотатство, иллюминатство и якобинство в моей империи иначе, как вверить обучение юношества иезуитам. Надлежит начать прежде всего с детства и восстановления незыблемых оснований. Иначе все разрушится, ни религия, ни правление не останутся в прежнем состоянии».*

Иезуиты спешно принялись извлекать выгоду из доброго расположения императора. Несколько месяцев спустя, весной 1801 года, они открыли свободную дневную школу, известную как «коллегия Паулины», а в январе 1803 года — закрытый пансион для знатных лиц на Невском проспекте рядом с католической церковью святой Екатерины (церковь до сих пор стоит на прежнем месте, с надписью над входом: Domus mea domus orationis (Мой дом — дом молитвы). Долго закрытая, она в скором времени должна возвратиться в лоно католического культа). Несмотря на то что большинство студентов, быстро и до отказа заполнивших дневную школу, представляли многочисленную иностранную католическую колонию столицы, среди них было и немало православных. Благородный пансион был рассчитан на 60 человек. В 1805 году там было 56 студентов, из них 3/4 православных, включая сыновей многих блестящих фамилий: Голицыны, Толстые, Гагарины, Ростопчины, Шуваловы, Кутузовы, Одоевские, Рюмины, Глинки и Каменские. Будущие декабристы Поджио и Барятинский, как и писатель П. А. Вяземский, записались позднее. Позже в списках студентов мы находим Прозоровских, Новосильцева, Юшкова и Брусилова.

Неудивительно, что эти школы пользовались таким успехом. Задолго до прибытия иезуитов русская знать нанимала иностранных учителей; многие из них в

недавние годы были французскими священниками и спасались бегством от революции на родине, подобно тому аббату, который тщетно пытался приобщить к наукам юного Евгения Онегина. Иные лица духовного звания патронировали многочисленные школы, открытые выходцами из Западной Европы (в качестве примера приведем благородный пансион аббата Николя, открытый в Санкт-Петербурге в 1794 году. Восемью годами позже аббат удостоился похвал от вдовствующей императрицы Марии Федоровны за «усердие и большую заботу»). А в начале XIX века иезуиты предложили России опытных учителей и оригинальную систему образования, основанную на освященном веками Ratio Studiorum (плане занятий) и испытанную повсеместно в Европе и Латинской Америке.

Как в Благородном пансионе, так и в дневной школе придавали особое значение латинской грамматике и риторике. Тщательно разработанный шестилетний учебный план включал также математику, естественные науки, географию, историю, философию и закон божий. Вначале и католикам, и православным полагалось изучать католический катехизис, а в дальнейшем должны были даваться раздельные уроки православными и католическими священнослужителями. В Благородном пансионе особое значение придавалось французскому и латыни, язык же русский вообще не изучался до третьего года обучения, английский и немецкий были избирательно представлены только на четвертом. Учащиеся дневной школы (выходцы из средних слоев) принимались за изучение русского с первого года (одновременно с латынью); французский и немецкий начинали учить со второго года. Здесь также изучали множество практических предметов — баллистику, архитектуру, «практическую механику». Вместо них в Благородном пансионе должны были проводиться уроки танцев, музыки, рисования и фехтования.

Питательной средой для иезуитов служили также многочисленные дипломаты и эмигранты времен Французской революции, встретившие теплый прием в России. В частности, большим влиянием пользовался известный консервативный католический мыслитель Жозеф де Местр; прочие были представлены бывшей фрейлиной Марии Антуанетты герцогиней де Тарент, бывшим французским морским офицером шевалье д'Огаром и неаполитанским послом герцогом Серракаприола. С. С. Уваров так описал эту компанию: *«За короткое время они* (эмигранты. — *Д. Ш.*) *взяли верх над обществом, которое всегда чувствовало к ним инстинктивную симпатию и, более того, было полностью готово последовать их примеру»*.

Хорошим примером популярности иезуитов и их школ стал ужин, устроенный для учеников иезуитской школы по случаю Рождества 1810 года женой обер-гофмаршала графа Н. А. Толстого. Среди гостей оказались императрица Елизавета и сестра Александра I герцогиня Вюртембергская.

Жозеф де Местр пропагандировал дело иезуитов в самых высших сферах российского общества. Он представлял их талантливыми защитниками монархии и оплотом против революции. После того как его сердечный друг А. К. Разумовский стал в 1810 году министром просвещения, Местр смог добиться в 1812 году полнейшей автономии иезуитских школ. Местр также заручился поддержкой «старой», или «аристократической», партии, в частности П. А. и Н. А. Толстых, адмирала П. В. Чичагова и сенатора В. С. Тамара; он оказывал противодействие М. М. Сперанскому вплоть до его отставки в 1812 году. Иезуиты имели и других покровителей. Начиная примерно с рубежа веков многие российские аристократы (в особенности женщины) стали покидать православную веру и переходить в католичество. Среди них оказались Ростопчины, Головины, Толстые, Васильчиковы. Несколько лет спустя такой путь проделала и Софья Свечина, впоследствии хозяйка знаменитого католического салона в Париже. А. С. Стурдза, блестящий и красноречивый поборник православия в последние годы александровского царствования, так объяснял все эти обращения: *«Таким образом пронырство и неосторожность довели господствующую церковь до того, что в сердце ея иезуитская коллегия, как бойница, стала привлекать к себе всю молодежь боярскую, меж тем, как с другой стороны, под завесою тайны, религиозные анархисты подкапывались под основу здания нерукотворенного... Предприимчивость иезуитов возрастала со дня на день. Сардинский посланник граф де Местр служил им оратором при дворе и в высшем круге общества. Начались явные совращения наших бояричей, питомцев иезуитской коллегии; во всех гостиных витийствовали знатные дамы в пользу латинства...»*.

На самом деле новообращенные в католичество вовсе не являлись такими беспомощными жертвами Рима, какими их выставляет Стурдза. Среди них были весьма интеллигентные женщины, которые перешли в иную веру после длительного и серьезного периода учебы и размышлений. Они получили западное образование, писали почти исключительно по-французски, более того, имели мизерные познания в национальной религии и, следовательно, небольшую к ней симпатию (впрочем, это столь же характерно и для многих внешне остававшихся православными). В действительности русские католики ничем не напоминали циничную и фривольную Элен Безухову из «Войны и мира».

Стурдза также преувеличил роль иезуитов в процессе обращения русской знати в католичество: легко увидеть, как он и позднейшие обличители достигали желаемого. Иезуиты недолго задержались на западном пограничье, в местах обитания польской шляхты. К 1814 году мы находим 27 из них на Невском проспекте, где они обучали отпрысков знатнейших фамилий. Еще 50 иезуитов пребывали тогда в Астрахани, 14 — в Одессе, 7 — в Риге, 2 — в Моздоке, 14 — в Саратове и даже четверо в Сибири, — итого 349 сыновей Игнатия Лойолы на всю империю, считая и тех, кто находился на прежней польской территории.

Но успехи иезуитов и католиков быстро развеялись, к тому времени иные религиозные направления были настроены очень решительно. Закрытые Екатериной масонские ложи снова процветали, секта мадам Татариновой продолжала устраивать эмоциональные молитвенные собрания, вдохновленное протестантством Русское Библейское общество пыталось вручить по экземпляру священного писания в руки каждому российскому подданному, а «Сионский вестник» А. Ф. Лабзина распространял учение мистического христианства.

В эти события был вовлечен и сам царь. Под влиянием нового министра просвещения А. Н. Голицына он от неопределенного деистического человеколюбия двинулся в сторону решительного соблюдения христианских обычаев. Эти его настроения, будучи по форме православными, в действительности были протестантскими по духу. В 1814 году он так описал свое новое духовное состояние в письме лютеранскому епископу из Берлина Эйлерту: *«Но пожар Москвы просветил мою душу, и суд божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до сих пор не ощущал. Тогда я познал Бога, как открывает его священное писание; с тех пор я понял и понимаю Его волю и Его закон, и во мне созрела твердая решимость посвятить себя и свое царствование только Ему и распространению Его славы. С тех пор я стал другой; искуплению Европы от погибели обязан я собственным искуплением и освобождением»*.

Новое благочестие Александра нашло политическое выражение в Священном союзе. С разгромом Наполеона христианские монархи Европы намеревались править своими народами в евангельском духе, защищая их от соблазнов демократии и революции.

Иезуиты быстро оказались в положении обороняющихся от выше поименованного «нового христианства». Они проповедовали подчинение Риму как единственно верный путь к спасению. Неудивительно, что они отвергли неопределенный мистицизм и протестантский дух новых веяний. Сам генерал-викарий иезуитов отец Тадеуш Бжозовский навлек на себя официальное недовольство отказом содержать Русское Библейское общество. Одновременно Жозеф де Местр энергично осуждал Священный союз. Со своей стороны, приверженцы «нового христианства» критиковали иезуитов и их оплот — католичество — как нечто чуждое и ограниченное.

Тем временем папа Пий VII в 1814 году официально восстановил Общество Иисуса во всемирном масштабе. Это означало, что Российская империя уже не могла оставаться единственной покровительницей иезуитов на фоне враждебного для них мира. С разгромом Наполеона и реставрацией легитимных монархий многие из католических эмигрантов, прежде поддерживавших иезуитов в России, вернулись в Западную Европу. Когда 15-летний Александр Голицын, православный ученик Благородного пансиона, стал католиком, разразился громадный скандал. К несчастью для иезуитов, сей неофит приходился племянником сразу двоим: А. Н. Голицыну, личному другу царя и одновременно ведущему представителю «нового христианства», и фельдмаршалу М. И. Кутузову, национальному герою. После этого несколько православных студентов были удалены из коллегии, а отец-генерал иезуитского ордена был жестоко изруган А. Н. Голицыным.

В следующем году Александр I предпринял решительные действия, отразившиеся в трех императорских указах от 20 декабря 1815 года: *«Россия, по добродетельному подвигу человеколюбия и терпимости вере, оставила их у себя, дала им убежище, и гонимых успокоила под своим сильным покровом... (но) Они начали сделанную им доверенность употреблять во зло: стали порученных им юностей и некоторыя лица из слабейшаго женскаго пола отвлекать от Нашего и прельщать в свое вероисповедание... Сего ради... повелеваем Мы... выслав немедленно всех иезуитскаго ордена монахов из Санктпетербурга, и воспретя им въезд в обе Столицы Наши... В течение суток заготовить потребное число повозок для отправления всех езуитов в Полоцк»*.

Так был положен конец сколько-нибудь значимой роли иезуитов в России. Они еще продолжали работать некоторое время в иных областях империи, но в это время Россия уже имела и замечательные собственные школы (подобные Лицею в Царском Селе), и национальную культурную жизнь, которая уже не столь безоглядно ориентировалась на западные и в особенности иезуитские образцы. В эти годы также заметно возвышение консервативного, православно-патриотического движения, руководимого такими личностями, как А. С. Шишков, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич, архимандрит Фотий, людьми, которые не уважали и «новое христианство», но в особенности ненавидели иезуитов и католиков.

Наконец, в 1820 году А. Н. Голицын, в то время министр народного просвещения и духовных дел, представил царю доклад, в котором он проследил историю иезуитов в России. Он обвинял их не только в пропаганде перемены веры, но также и в неповиновении католическим иерархам, финансовых злоупотреблениях и жестоком обращении с крестьянами в их белорусских владениях. Несмотря *«на удаление иезуитов из С.-Петербурга, ... они продолжают действовать противозаконно»*. Поэтому Голицын убеждал императора *«иезуитов... выслать, под присмотром полиции, за пределы государства и впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию»*. 13 марта 1820 года Александр начертал на докладе Голицына *«Быть по сему»*, и иезуиты покинули Россию, чтобы никогда впредь не вернуться как организованная сила.

С тех пор изредка отмечались случаи обращения русских в католичество и вступления их в иезуитский орден. Иезуиты в Риме, Париже, Инсбруке, Нью-Йорке и других местах за рубежом занимались русскими исследованиями, а несколько иезуитов даже работали в рядах подпольной католической церкви в России в эпоху Сталина. В недавние годы некоторые иезуиты смогли посетить Россию и осуществить контакты с РПЦ. Но никогда больше они не получат той поддержки и отзывчивости, которую имели в России в конце XVIII и начале XIX века.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ

«Часовой» — самый старый русский журнал в Европе. Основан в 1929-м. Выходит в Брюсселе шесть раз в год. Редактор все это долгое время — неизменно В. В. Орехов. Совершенно непостижимо, как один человек может столь долгое время стоять на посту, издавая этот полезный, нужный русскому делу журнал.
Девиз «Часового»: «За Родину, Честь и Свободу!»
Основан как орган связи Российского Национального Движения. До войны был сугубо военным журналом: в эмиграции жили сотни тысяч военных — офицеров и нижних чинов Императорской и Белой армий. Кроме традиционной военной тематики «Часовой» публикует интересные исторические статьи, рецензии. В последние годы, увы, увеличился и отдел «Незабытые могилы».
Долгие годы выходили в «Часовом» воспоминания генерала Советской армии Маркова, бывшего офицера Белого движения, сумевшего после поражения в Крыму скрыть свое прошлое и попавшего на Запад после последней войны. Очень интересны статьи на историко-военные темы Леонида И. Барата. Сам редактор Орехов начинает свой журнал очень хорошими «Мыслями белогвардейца». В эмиграции вошло в традицию по вопросам гражданской войны обращаться к штабс-капитану Орехову, который всегда имеет правильный ответ и информацию на спорные и малоизвестные вопросы.
«Часовой» — одно из редких европейских изданий, не имеющее ни от кого субсидий и существующее только на средства своих читателей. Поэтому «Часовой» нуждается в поддержке друзей. Всем тем, кто любит Россию, ее прошлое, нужно читать «Часовой».

Валентин Зарубин.
«Из записной книжки».

P. S. От редакции «Родины». Только недавно, после кончины своего бессменного редактора штабс-капитана Белой армии В. В. Орехова, дожившего почти до ста лет, перестал выходить журнал «Часовой».

ГДЕ БЫЛО ОФИЦЕРСТВО В 1914–1920 ГОДАХ?

Приказ № 1 был выпущен Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 г. Военными властями не были установлены авторы этого приказа. Чхеидзе и прочие впоследствии отвергали свое участие в редактировании приказа*.

Затем 9-го мая новым военным и морским министром Керенским была подписана т. наз. «декларация прав солдата». Но еще до утверждения этой декларации не только тыловые части (гл. образом в столицах), но и Действующая армия подверглась обработке многочисленных агитаторов социалистических партий, хлынувших на фронт. Одновременно началась «чистка» высшего командного состава: было сразу же удалено из армии 35 из 68 корпусных командиров и около одной трети начальников дивизий (75 из 240). Были отстранены генералы Рузский, Гурко, Эверт, Каледин, Николай Данилов, Горбатовский, Баланин, Клембовский, Радко-Дмитриев, Лечицкий, Сахаров, Леш и много других. Были зачислены в резерв командующие войсками округов и заменены надежными в политическом отношении и верными новому строю.

Московский военный округ получил подполковник Грузинов, друг А. И. Гучкова, затем последовательно ген.-майор Верховский («красный паж») и полковник ген. штаба Рябцов (впоследствии предавший юнкеров в дни октябрьского выступления большевиков в Москве). В Казанский воен. округ был назначен подполковник Коровиченко, социалист, присяжный поверенный. Киевский округ получил Оберучев, социал-революционер, сосланный в 1905 г. в Сибирь, возвращенный февральским переворотом из ссылки и произведенный военным министром Гучковым прямо в полковники «для уравнения в правах».

Неудивительно, что в этих округах быстро возникла анархия. Как известно, одним из первых революционных мероприятий новой власти было освобождение из тюрем политических и почти всегда вместе с ними уголовных преступников. Последняя категория была впоследствии широко использована большевиками для создания красной гвардии, и из числа сих «героев революции» был создан кадр первых красногвардейских командиров и чекистов. Во многих местах они стали грозой населения. В июне, напр., в Томских запасных частях шла широкая агитация массового грабежа и уничтожения власти. Из солдат-уголовников составлялись шайки вооруженных грабителей, наводивших ужас на население. Предпринятыми мерами начальника гарнизона после боя из состава гарнизона было изъято 2.300 амнистированных уголовников. Подобное же происходило и в других городах России. Так, в феврале в Петрограде было выпущено из тюрем до 10.000 уголовных преступников (см. свидетельство н-ка разведывательного отделения штаба округа полк. Никитина в его книге «Роковые годы»).

Страна ввергалась в полную анархию. Демократия явно показала свою нежизненность, неопытность в управлении государством, нежелание проявить волю и силу для борьбы со страшным врагом — большевизмом.

В течение марта на фронте возникли самочинно солдатские комитеты. Фронт разлагался. Началось братанье с врагом. Из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий браталось 165, из коих 38 обещали врагу «не наступать». Керенскому принадлежит незавидная честь разложения Русской армии, а значит, и гибели России. Ни одна армия не могла существовать, принимая в основу своей жизни демагогический приказ № 1, совершенно разрушивший дисциплину: это понимали не только офицеры, но и многие старые солдаты, но не понимал военный министр и потом «верховный главнокомандующий», помощник присяжного поверенного А. Ф. Керенский. Временное правительство, лишенное всякого государственного опыта, бывшее под непрестанным давлением «революционной демократии», всяких совдепов, стремительно двигало страну к гибели...

Главное командование подняло тревогу в первые же дни переворота, посылало докладные записки Временному правительству, устраивало в Ставке ряд совещаний, но все попытки спасти армию парализовались совдепами, «революционной демократией», которая решила развалить армию, стоящую на ее пути.

Уже 4 мая состоялось в Петрограде заседание главнокомандующих фронтами (кроме Кавказского) совместно с Временным правительством и Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. Выступил с тревожной речью ген. Алексеев, говоривший об угнетении офицерства и о полном падении дисциплины. Ген. Брусилов привел данные о состоянии армии — кавалерия, артиллерия, инженерные войска сохранили до 50% кадровых. В пехоте попадаются полки, где состав переменился 9—10 раз, при этом в ротах осталось от 3 до 10 кадровых солдат. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2—4, да и то раненых. Остальные офицеры — молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду ее неопытности. Докладывал и ген. А. М. Драгомиров, дополняя генералов Алексеева и Брусилова тревожными сведениями. Но в его словах была и критика части офицерства, играющей на низменных чувствах солдатской массы.

На Северном фронте в мае были случаи стрельбы по своим офицерам. Все генералы, в особенности Алексеев и Гурко, остро критиковали приказ № 1. Но все было бесполезно, т. к. и военный министр Керенский, и представители «революционной демократии» Церетели, Скобелев и др. отстаивали «права» свободных солдат, забывая их обязанности и права офицеров.

Последующие совещания в Ставке и на Московском государственном совещании (в августе) также не привели к положительному результату: слишком были различны отношения к России двух противоположных групп — государственников и политиков, соединивших свои силы в служении революции.

А в это время офицерство не только угнеталось, оскорблялось, но и физически уничтожалось. На Московском гос. совещании был перечислен синодик жертв офицеров, павших от солдатской пули: командир гвард. стрелкового полка полк. Быков, того же полка кап. Колобов. Убиты на ст. Калинковичи братья офицеры Абрамовичи. Тяжело избиты и ранены командиры полков 437-го пех. Сестрорецкого и 43-го Сибирского стрелкового. Поднят на штыки своими солдатами командир 299-го пех. Дубенского полка полк. Пургасов и т. д., и т. д.

На совещании в Ставке 16-го июля главнокомандующих и членов правительства ген. Деникин привел много примеров анархии, охватившей войска:

«Я помню хорошо январь 1915 года, под Лутовиско. В жестокий мороз, по пояс в снегу, однорукий бесстрашный герой, полковник Носков, рядом с моими стрелками, под жестоким огнем вел полк в атаку на отвесные неприступные скаты высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли...

Тщетно офицеры, следовавшие впереди, пытались поднять людей. В это время на редуте 3 появился белый флаг. Тогда 15 офицеров с небольшой кучкой солдат двинулись одни вперед... Они не вернулись».

Настолько было невыносимо положение офицеров, что многие предпочитали смерть... И шли на смерть...

Нездоровая политическая атмосфера привела к разделению и в среде офицерства, даже генералитета. Появился новый тип офицера-оппортуниста, «ловчилы», «дипломата», так несвойственный офицерскому

* По нашему миеиию, авторами приказа являлись прис[яжный] поверенный Соколов и Стеклов (Нахамкес) — оба депутаты Совета. Это было в свое время признано и Временным правительством (министром юстиции Переверзевым). — *Ред. «Часового».*

корпусу. Достаточно указать только несколько имен: резко изменившийся и заявлявший, что он с молодых лет сочувствовал социалистам ген. Брусилов, Черемисов, сорвавший наступление отряда ген. Краснова на Петроград, Бонч-Бруевич... В Петрограде и в тылу выявился новый тип офицера, часто с академическим образованием, решивший использовать смутное время для личной карьеры, кн. Туманов, Туган-Барановский, Якубович, Гильдбих, Энгельгардт и другие, сыграли свою печальную роль во главе с ген. Потаповым (впоследствии принимавшим участие в большевицкой провокации «Треста»). На фронте — чистые демагоги-оппортунисты: Черемисов, Егорьев, Сытин, Бонч-Бруевич, адмирал Вердеревский (в годы 2-й мировой войны ставший в Париже совпатриотом) и др. Почти все они, как и следовало ожидать, заняли крупные посты в большевицком командовании.

И все-таки большинство начальников, несмотря на все трудности, шли против течения и анархии, пытаясь спасти Армию и Россию. Появились оппортунисты, к чести офицерства в незначительном количестве, и среди молодых офицеров: на Юго-Западном фронте прогремело имя шт.-капитана л.-гв. гренадерского полка Дзевалтовского, примкнувшего сразу же к большевикам, на Западном фронте проявлял большую революционную активность прапорщик Крыленко (будущий «главковерх», потом главный прокурор СССР, казненный в дни ежовщины, как иностранный шпион!). Видную роль в разложении армии сыграл ген. Поливанов (бывший военный министр, потом председатель законодательной комиссии при военном министерстве, закончивший свою жизнь при таинственных обстоятельствах в Риге в 1920 г. при заключении мирного договора с Польшей).

Часть офицеров, вышедших из социалистической среды, пошла по проторенной дорожке к «Октябрю». Все эти лекандовские, казанские, мироновы, щорсы, генштабисты типа Егорова вернулись к истокам своего бытия. Другая часть просто по шкурным побуждениям пошла по течению, люди типа Шапошникова, Каменева. Кое-кто из-за боязни за близких...

Но выявились и законные носители российской чести — были генералы Алексеев, Корнилов, Деникин, Марков, Дроздовский, Врангель... Все они пошли по крестному пути, храня верность России. За ними пошло и большинство офицеров. Видя гибель армии и отечества, в Ставке возникла мысль о создании ударных батальонов из лучших офицеров и солдат. Несмотря на сильное противодействие совдепов и отчасти правительства, было создано 42 ударных батальона и много штурмовых рот.

Одной из самых удачных частей этого типа было создание Корниловского ударного полка капитаном ген. штаба Митрофаном Осиповичем Нежинцевым. Этот выдающийся офицер предполагал развернуть этот полк в дивизию, но, к сожалению, не успел до октябрьского переворота... Ударные батальоны могли бы сыграть крупную роль в предстоящей гражданской войне, но, к сожалению, эти ценные кадры почти целиком погибли в последних боях 1917 года.

Сформированы были три женских ударных батальона, один из которых получил «боевое крещение» на Зап. фронте, где революционные солдаты стреляли ему в спину во время атаки, а затем защищал вместе с юнкерами Зимний дворец в октябре.

Создан был Офицерский Союз, имевший разветвления в действующей армии. Этот союз во главе с полк. Новосильцевым, членом Государственной думы, и его энергичными помощниками подполковниками ген. штаба Лебедевым и Прониным, всецело поддержал Корниловское выступление, которое было в то время единственным шансом спасения России. О нем существует уже большая литература, в частности во многих номерах «Часового»... его превосходно осветил полк. Бугураев. Следует только прибавить, что организация этого выступления была весьма неудачна. Ген. Корнилов впоследствии сожалел, что он лично не руководил этой операцией. Пагубную роль сыграли железнодорожники, по приказам совдепа загонявшие эшелоны в тупики и ведшие агитацию среди солдат генерала Крымова, непонятная поездка которого в Петроград к Керенскому до сих пор не разъяснена. Какая разница с событиями 1905 года, когда генерал Меллер-Закомельский с отрядом в 200 человек «прочистил» Сибирские железные дороги, установив порядок и разогнав многотысячные революционные массы... или наведение порядка в Москве Семеновским полком во главе с ген. Мином!

В Петрограде пытались создать офицерские группы для помощи наступающим войскам, но из этого ничего не вышло.

Самого же ген. Корнилова поддержало только командование Юго-Западного фронта, остальные «дипломатически» воздержались. Остальное широко известно: арест ген. Корнилова и высших руководителей его штаба, заключение их в Быхове, арест в Житомире ген. Деникина и ген. Маркова, их привоз в Быхов. Преступной рукой главы правительства А. Ф. Керенского были выбиты из строя лучшие патриоты России и дана полная власть тем, кто ее довел до октябрьского переворота.

Но не все солдаты разложились, и было множество примеров исполнения ими воинского долга до конца, офицерство же в массе своей осталось верным терзаемому отечеству. Уничтоженное, беззащитное, оно служило примером верности ему. Например, Петровская бригада (преображенцы и семеновцы) — особенно отличились преображенцы со своим командиром полковником Кутеповым. В последнем бою погиб сын порт-артурского героя, капитан Кондратенко. Отличились в последних тарнопольских боях 3-й и 5-й батальоны самокатчиков, уничтожившие 143-й германский пех. полк. Отличился и 163-й пех. Ленкоранско-Нашебургский полк под командой полк. Дорошкевича.

Победа под Тарнополем (июнь 1917 г.) сменилась позорным бегством из Галиции. При отступлении (вернее, паническом бегстве) русские потери около 20.000 убитыми и ранеными, а пленными — 665 офицеров, 41.300 солдат, 275 орудий, 191 миномет и бомбомет, 546 пулеметов, огромные склады продовольствия и боевых припасов... Это была плата за «демократизацию армии». Были временные успехи на Румынском фронте, но они не влияли на ход войны, явно проигранной «свободной Россией». Нельзя не остановить внимание на исполнении воинского долга следующими полками: 412-й пех. Славянский полк (третьей очереди) сохранил боеспособность и проявил большую доблесть. Даже в сентябре 1917 г. 121-й пех. Пензенский полк воскресил былую славу полка и в штыковой атаке захватил в плен 800 солдат, 18 орудий и 12 минометов, бомбометов и пулеметов, при этом был убит храбрейший командир полка полк. Мансурадзе. До конца храбро дрались 280-й пех. Сурский и 72-й пех. Тульский полки. Но все это не могло задержать общего развала фронта. Сплошным потоком агитаторов тыл «обогащал» фронт.

Последним боевым делом русской армии была атака 681-го пех. полка на Березине, в день захвата власти большевиками. Полк под командой полк. Щепетильникова атаковал немецкие позиции и взял пленных.

Через некоторое время гражданская война поделит их на белых и красных.

Эти боевые действия верных долгу войсковых частей и отборных по личному составу ударных батальонов привели к значительным потерям офицеров и солдат, так нужных России. Лучшие элементы гибли, а худшие укрывались и готовились превратить войну внешнюю в войну гражданскую.

Агенты Ленина проявили изумительную энергию, но и они не добились бы успеха, если бы не удивительная терпимость к ним со стороны Временного правительства. А когда обрисовывалось Корниловское выступление, А. Ф. Керенский вооружил рабочих для «защиты революции» — это оружие было применено большевиками против юнкеров и ударниц, защищавших Зимний дворец, а в нем правительство того же самого Керенского.

Была еще одна интересная идея, осуществление которой могло бы повернуть колесо истории. Это было уже после Корниловского выступления. В XXIV арм. корпусе (командир ген.-лейт. барон Будберг) был произведен опрос желающих воевать «до победного конца». Результаты: в 18-й пех. дивизии откликнулось 1.000 солдат, в 70-й пех. дивизии — 1.400. Генерал барон Будберг считал, что все фронты могут дать не меньше миллиона солдат, готовых продолжать войну. Особенно это было заметно на Юго-Западном и Румынском фронтах. На совещании корпусных командиров 5-й армии ген. барон Будберг предложил создание добровольческой армии в 25—30 корпусов, а все остальное, деморализованное, демобилизовать. Против этого предложения возражал командир XIX корпуса ген. Антипин, усмотревший в этом «нарушение организации армии», уже потерявшей боеспособность. Остальные корпусные командиры «молча соглашались в душе с ген. бароном Будбергом, но не решились это высказать открыто».

Наступивший большевицкий переворот добил последние усилия сохранить Армию. В столицах решалась судьба России...

И. ГОРЯИНОВ

«Часовой», 1973 (июль), № 565 (7).

ГРИГОРИЙ УСЫСКИН,
доктор исторических наук

ПОП ГАПОН

После Кровавого воскресенья Гапону пришлось уйти в подполье. Около двух недель он меняет адреса своего проживания — от квартиры Горького в Петербурге до избы контрабандистов в маленькой литовской деревне недалеко от Тильзита. Здесь он переходит границу.

Все эти январские дни Гапона опекают эсеры. Вернее, один из них — П. М. Рутенберг. Он познакомился с популярным священником 5 января, а 9-го был рядом с ним у Нарвских ворот. После третьего залпа солдат Рутенберг увел Гапона проходными дворами в безопасное место. Он же обеспечил ему паспорт, дал явки, деньги и договорился о совместных действиях на последнем этапе при переходе границы. Гапон не стал дожидаться своего «спасителя» и опекуна. Он самостоятельно покинул Россию и через всю Европу совершил переезд в Женеву.

Позже Гапон рассказывал Рутенбергу, что он два дня скитался по городу, а затем отправился к Плеханову. По воспоминаниям же Розалии Марковны Плехановой, Гапон явился к ним *«прямо с вокзала по приезде в Женеву»*[1]. Скорее всего, так оно и было. Гапон хитрил, он намеренно оторвался от своего опекуна, не воспользовался данными ему эсерами явками в Женеве, а целенаправленно пришел к Г. В. Плеханову. В его намерения входило политическое самоопределение, и первый шаг в кругах русской эмиграции, надо полагать, им был заранее обдуман.

«Неожиданному появлению Гапона Плеханов, конечно, очень обрадовался, — писал Лев Дейч. — *Из разговоров с ним оказалось, что, получив адрес Георгия Валентиновича еще в России, Гапон прямо с вокзала направился к нему. С согласия гостя, Плеханов велел немедленно уведомить своих ближайших товарищей-единомышленников, находившихся тогда в Женеве, о приезде Гапона, и вскоре к нему пришли В. Засулич, П. Аксельрод, Дан и др. Во время последовавшей затем общей беседы Гапон объявил себя социал-демократом. Ввиду огромного интереса, который вызвал к себе Гапон, собравшиеся спросили у него, желает ли он, чтобы отправлено было известие в Центральный орган немецкой социалистической партии о его благополучном приезде за границу, а также о том, что он разделяет воззрения с.-д. партии. Он настоятельно просил послать это известие»*[2].

Об этом же эпизоде пишет Рутенберг. Когда после признания Гапона в приверженности к социал-демократии *«его спросили, что можно ли об этом написать Каутскому и в «Vorwärts», Гапон ответил, что можно не только написать, но даже телеграфировать»*[3]. В рассказе Гапона журналисту Н. Симбирскому, но уже в январе 1906 года, эта история имеет несколько иной оттенок: *«Вечером было созвано собрание. Пришло очень много народу — почти весь «главный штаб», в полном составе редакция «Искры»... Во время беседы Гапон, разбирая подробно программу партии, сказал, что ему чрезвычайно симпатично учение партии. Г-жа А.* (Аксельрод Л. И. — *Г. У.*) *тут же спросила его быстро: «Можно ли об этом телграфировать Каутскому?». Гапон изумился. «Зачем? Разве это так важно? Ну, телеграфируйте, если это важно».*

Священник Г. А. Гапон и градоначальник А. И. Фумон среди членов зубатовской организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» 11 апреля 1904 г.

Каутскому, одному из вождей германских социал-демократов, послали телеграмму. Ее текст остался Гапону неизвестен. Через несколько дней он не без изумления прочел во всех партийных органах Германии, что он, Гапон, вступил в организацию социал-демократов, фракцию «меньшинства».

«Это меня удивило, — говорит Гапон, — *и я спросил своих хозяев: откуда это появилось, ведь я к вам еще не вступал. Я хочу сначала здесь огляделться, потом решить: куда мне вступить удобнее, чтобы не потерять связи с моими рабочими. На это мне дали неопределенный ответ, но уверили, что это также нужно. Но главный конфликт был впереди...»*[4]

Приведем еще одно свидетельство эмигранта русской колонии в Женеве М. И. Сизова, наблюдавшего за развитием событий несколько со стороны: *«...Сперва в «Vorwärts», затем в русском заграничном издании «Искра», появилось сообщение, что Гапон находится за границей и уже успел, так сказать, самоопределиться, заявив через близких к редакциям лиц, что он вообще и ранее, и во время событий 9-го января действовал если не как чистокровный, ортодоксальный социал-демократ, то, во всяком случае, с большой примесью социал-демократических идей. Такое быстрое самоопределение героя вызвало неописуемую радость российских социал-демократов и затаенную зависть враждовавших с ними социалистов-революционеров... Но вдруг, совершенно неожиданно, распространился слух, подтвердившийся впоследствии печатно, о полном сопричислении Гапона к партии социалистов-революционеров. Социал-демократы были посрамлены...»*[5]

Есть основание предполагать, что сам Георгий Валентинович не принимал непосредственного участия в причащении новоиспеченного члена партии. Сохранилась его карандашная запись, сделанная на заседании редакции «Искры»: *«Почему Гапона зачислили в партию? Не потому, что его идеи хороши, а для того, чтобы лишить эсеров [возможности] назвать его своим. Ю. О.* (Мартов. — *Г. У.*) *не знал, как я отнесусь? М. б. потому и не сказал об этом. Fait accompli* (совершившийся факт — *франц.*)*»*[6].

События вокруг Гапона развивались стремительно. 10 февраля 1905 года в № 87 «Искры» был помещен материал под заголовком «Новое письмо Гапона». Материалу предшествовала редакционная реплика: *«В немецких газетах появилось сообщение нами заявление, что Г. Гапон присоединяется к социал-демократии. Мы сделали это по переданной нам личной просьбе Г. Гапона. После этого мы получили нижеследующее письмо».* Озаглавлено письмо весьма претенциозно: «Открытое письмо к социалистическим партиям России». В нем нет ни единого слова о членстве или даже симпатиях к какой-либо партии. Заканчивает Гапон письмо такой фразой: *«Я, естественно, всем сердцем и всей душой буду с теми, кто займется настоящим делом, настоящего освобождения пролетариата и всей трудящейся массы от капиталистического гнета и политического рабства».*

Через неделю после публикации письма Гапона в «Искре», 17 февраля, состоялась встреча Гапона и Рутенберга с Плехановым, Аксельродом и еще одним членом редакции «Искры». Сохранился протокол, где зафиксировано следующее заявление Гапона: он *«себя считает социал-демократом, но в то же время находит, что центром практической деятельности в настоящее время должны служить террор единичный и террор массовый. Если же его взгляд на практическую деятельность расходится со взглядами социал-демократов, то он предпочитает оставаться вне социал-демократической партии»*[7].

Именно к этому времени относится первая встреча Гапона с Лениным. По воспоминаниям Н. К. Крупской, инициатива встречи принадлежала Гапону. Через эсеровскую даму он назначил свидание Ленину в небольшом кафе. Придя со свидания с Гапоном, Ленин рассказывал о своих впечатлениях: *«Тогда Гапон был еще обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было».* В первоначальном газетном варианте воспоминаний Н. К. Крупской вслед за эпизодом о первой встрече была такая фраза: *«Гапон стал часто заходить к нам. Много рассказывал. Владимир Ильич внимательно слушал, стараясь уловить шаги надвигающейся революции».*

Позитивное отношение Ленина к Гапону сложилось еще до их личного знакомства. В № 4 газеты «Вперед» Ленин опубликовал статью, где признавал, что *«человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений».* И вместе с тем, считал Ленин, не внешние атрибуты, а факты, факты и факты могут дать объективную оценку его деятельности. Главную заслугу Гапона он видел в том, что тот сумел выразить чувства и настроения рабочих, их уровень знания и политического опыта. *«И в этом,* — подчеркивал Ленин, — *состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому не ведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати»*[8].

С середины февраля 1905 года между Гапоном и Лениным завязались самые тесные деловые отношения. Они встречаются и беседуют по вопросу о боевом соглашении между социал-демократической партией и партией социал-революционеров для подготовки восстания против царизма. В это время Ленин получает от Гапона «Открытое письмо к социалистическим партиям России» с призывом немедленно войти в соглашение между собой и приступить к подготовке вооруженного восстания. Ленин делает пометки на «Письме» и сам составляет перечень различных партий и групп, с которыми возможны боевые соглашения для восстания.

17 февраля 1905 года в № 7 газеты «Вперед» Ленин публикует статью «О боевом соглашении для восстания», куда включает «Открытое письмо» Гапона. В заключительной части статьи Ленин недвусмысленно говорит о желательности большей определенности в партийных симпатиях автора «Письма»: *«...нам кажется отрицательным явлением и внепартийное положение Г. Гапона. Само собой понятно, что, перейдя с такой быстротой от веры в царя и от обращения к нему с петицией к революционным целям, Гапон не мог сразу выработать себе ясного революционного миросозерцания. Это неизбежно, и чем быстрее и шире будет идти развитие революции, тем чаще будет повторяться такое явление... Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания».*

Печатные воззвания и продолжительные переговоры с разными партиями привели Гапона к решению созвать конференцию из уполномоченных этих партий, которая обсудит и решит выдвинутое им предложение: объединить и сорганизовать революционные боевые силы в России.

20 февраля 1905 года В. И. Ленин получает *«Воззвание Георгия Гапона к петербургским рабочим и ко*

всему российскому пролетариату». Он делает пометку: *«От автора»,* ставит дату и нумерует страницы воззвания. В конце февраля или начале марта Ленин получает приглашение Гапона на конференцию российских социалистических организаций.

Частично распространившиеся «антигапоновские» настроения накануне открытия конференции чуть не испортили отношений Гапона с Лениным. 16 марта В. И. Ленин пишет секретарю Петербургского комитета партии С. И. Гусеву: *«Как налажено издательство листков за подписью «Комитеты восточного района», мы не знаем. Это позор и скандал!! Недавно с.-р. показали нам один такой листок, глупый, против Гапона! Ясно, что это интрига ЦК, но неужели двое из Бюро* (Лядов и Землячка. — *Г. У.), бывших на востоке, не могли ничего узнать и написать нам вовремя, чтобы не ставить нас в идиотское положение перед врагами? Неужели им не стыдно, что они «Вперед» ставят в архинеловкое положение? И не только неловкое, ибо «Искра» пользуется всем беззастенчиво»*[9].

Так кто же поставил в «идиотское положение» Ленина, Крупскую и всю редакцию большевистской газеты «Вперед»? Свидетелем реакции Гапона на «скандальный листок» неожиданно оказался Борис Савинков. *«Однажды,* — писал он в воспоминаниях, — *на одном из гапоновских совещаний, при мне произошел такой случай. Один из поволжских комитетов российской с.-д. партии издал прокламацию, в которой о Гапоне грубо упоминалось как о «нелепой фигуре обнаглевшего попа». Прокламацию эту кто-то принес на совещание. Гапон прочел листок и внезапно преобразился. Он как будто стал выше ростом, глаза его загорелись. Он с силой ударил кулаком по столу и заговорил. Говорил он слова, не имевшие не только никакого значения, но и не имевшие и большого смысла. Он грозил «стереть социал-демократов с лица земли», показав всем рабочим «лживость их и наглость», бранил Плеханова и произносил разные другие, не более убедительные фразы».* Как заметил Савинков, Гапон полностью овладел слушателями, хотя он и произнес речь, *«состоящую почти из одних угроз»*[10].

О самой листовке можно судить по экземпляру, принадлежавшему Г. В. Плеханову и сохранившемуся в его архиве. В тексте имеются пометы Георгия Валентиновича. Плеханов тщательно проработал текст прокламации, готовя материал для «Искры». Его статья «Священник Гапон» вышла 17 марта в № 93. Суть ее — полемика с авторами листовки, разбор их позиции и заблуждений. В самом начале Плеханов указывает, что листовка подписана «комитетами восточного района нашей партии» и напечатана в типографии Центрального Комитета, тем самым явно указывая непосвященным на ее большевистское происхождение. Георгий Валентинович по-отечески журит авторов листовки, которые относятся к Гапону *«крайне строго».* Под их пером, пишет Плеханов, *«он выходит лживым, «обнаглевшим попом», комичной фигурой и т. д.».* Далее Плеханов пункт за пунктом раскрывает действительную роль Гапона в событиях 9 января, который явился, по его словам, *«стихийным» вожаком этого стихийного движения».* И здесь его оценка близко совпадает с мнением Ленина. Цель же статьи, как заключает Г. В. Плеханов, *«не в том, чтобы критиковать нового революционера, а в том, чтобы защитить от несправедливых упреков бывшего священника».*

Заботы Гапона сосредоточились на подготовке конференции. 17 марта, после обращения в Заграничный комитет Бунда, Гапону назначили свидание с двумя представителями этой организации. Один из участников совещания (с инициалами В. К.) после состоявшейся беседы изложил в отчете ЦК не только суть разговора, но и то впечатление, которое Гапон произвел на них.

«По всем ухваткам, наклонностям и складу ума, это социалист-революционер, — отмечал В. К. — *Хотя он называет себя социал-демократом и уверяет, что был таким еще во время образования «Общества фабрично-заводских рабочих». Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т. п., теперь не думает. Есть в его фигуре что-то такое, что не внушает к себе доверия, хотя глаза у него симпатичные, хорошие... Говорит, что чувствует себя плохо: хотел, мол, дело сделать, а попал сразу в атмосферу дрязг и партийных мелочей... От «меньшинства», говорит, не добьешься никакого определенного ответа, шлют резолюцию, в которой ничего не поймешь: нет ни да, ни нет. П.* (Плеханов. — *Г. У.) человек умный, но все равно, что человек обмазанный салом. Кажется, взял в руки, ан нет. «Большинство» прямее. Курил фимиам Бунду: настоящие, мол, социал-демократы в России... Широкое соглашение между 20-ю организациями, — кажется, столько их было в посланном Вам приглашении* (имеется в виду ЦК Бунда. — *Г. У.), Гапон представляет себе так: конференция вырабатывает общий манифест (формулировка общих целей и задач) и выбирает общий комитет, задача которого будет чисто техническая: собирать деньги, устраивать оружейные склады, мастерские взрывчатых веществ, собирать сведения о состоянии боевых сил в каждом отдельном месте и пр.»*[11].

Надо отдать должное Гапону в его настойчивости и упорстве в осуществлении идеи конференции. Его не устраивает неопределенность позиции меньшинства. 22 марта он отправляет в Совет Российской социал-демократической партии письмо следующего содержания: *«Глубокоуважаемые товарищи! В ответ на мое письмо с предложением принять участие в конференции революционных организаций мною было получено от тов. Мартова письмо, устанавливающее некоторые факты наших предварительных разговоров, но не заключающее в себе ответа на обращенное к Вам предложение. Препровождая Вам при этом заявление о перенесении даты конференции на 2 апреля, покорно прошу Вас, дорогие товарищи, дать, по возможности скорее, определенный ответ относительно Вашего участия в конференции. С товарищеским приветом. Георгий Гапон»*[12].

Меньшевики отказались принять участие в конфе-

ренции. Они откровенно мотивировали свой отказ тем, что, по их мнению, *«инициатива подобной конференции должна была принадлежать лицу более компетентному и опытному в революционных делах, чем Гапон».* Льву Дейчу тогда передали, что Гапон *«пришел в негодование, когда прочитал ответ. Он, будто бы, воскликнул, что «уничтожит», чуть ли не «сметет» с лица русской земли всю социал-демократию... Несмотря на нанесенную Гапону отказом обиду, он, однако, не портил своих отношений с социал-демократами и по-прежнему заходил к Плеханову и ко мне».*

Однако Гапон сумел нанести косвенный удар меньшевикам. В № 11 большевистской газеты «Вперед» он опубликовал «Заявление в Интернациональное Социалистическое Бюро». В нем он вновь призывал социалистические партии в России объединиться для боевых действий. При этом он считал для себя *«вопрос об официальном вступлении в ту или иную из социалистических партий несвоевременным и лично для себя пока открытым».* Тут же краткая реплика «От редакции»: *«Читатели видят из этого заявления, что сообщение «Искры» (№ 87), будто бы Гапон примкнул к социал-демократии, оказалось вымыслом».*

«Заявление» Гапона, опубликованное одновременно в газете «Vorwärts», вызвало цепную реакцию и обострило противостояние между «искровцами» и «впередовцами». На стороне меньшевиков в борьбу включился К. Каутский. Его статью *«Гапон и объединение русских социалистов»* опубликовала «Искра» в № 94. *«Нужна вся та наивность, которую Гапон уже успел проявить до настоящего времени,* — считал К. Каутский, — *чтобы взяться за объединительные действия человеку, который сам узнал кое-что о социализме лишь несколько недель тому назад».*

«Искра» не упустила возможности высказаться по поводу реплики газеты «Вперед» и поместила вслед за статьей К. Каутского свою заметку «От редакции»: *«Пользуемся случаем, чтобы повторить, что заявление в некоторых немецких соц.-дем. газетах о присоединении Гапона к социал-демократии было нами сделано по лично выраженному желанию самого Гапона».*

Вся эта межфракционная борьба российской социал-демократии вокруг Гапона и его конференции развертывалась на фоне подготовки к III съезду РСДРП и обостряла ситуацию. Сразу за материалом К. Каутского о Гапоне «Искра» поместила статью Мартова «Партийный съезд или съезд кружков?».

2 апреля 1905 года в Женеве, несмотря на отказ «плехановцев», собралась конференция революционных партий, созванная по инициативе Гапона. Секретарские обязанности, по просьбе организатора, взял на себя один из русских эмигрантов, близких к эсерам. В своих воспоминаниях он скрылся под инициалами А. С.

«Первое же заседание конференции, — писал А. С., — *закончилось расколом и уходом всех социал-демократических организаций. Еще раньше, чем конференция конституировалась, представитель Бунда поднял вопрос об участии на конференции представителя «Латышского социал-демократического союза», так как, по мнению Бунда, «Союз» является фиктивной организацией. Представителя Бунда поддержали большевики и представители окраинных социал-демократических организаций... Несмотря на заступничество эсеров и Гапона, социал-демократы всех национальностей стояли на своем. Произошла тяжелая сцена, кончившаяся уходом представителей большевиков, Бунда, латышской, армянской, польской и (кажется) финляндской с.-д. организаций. Гапон, как и оставшиеся представители организаций, видели в мотиве, выставленном с.-д., только повод для ухода с конференции, в которой не хотели участвовать, но от которой не решались прямо отказаться. Гапон был даже доволен уходом социал-демократов. «Ну и с богом! И не надо! И без них обойдемся!»*[13].

«Искра», подводя итоги «странной» конференции и скептически оценивая участие в ней социал-демократии, оценила их уход как *«водевиль самого веселого свойства».*

Самый подробный отчет об этом событии с позиции «большинства» сделал В. И. Ленин 6 мая 1905 года на 21-м заседании III съезда РСДРП.

В отличие от «Искры», рассказывал Ленин, *«мы, представители и от редакции «Вперед» и от Бюро комитетов большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является игрушкой в руках с.-р. Оказалось, что рабочие партии либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены... Вопрос, из-за которого мы удалились, был вопрос относительно латышей».*

Уходя с конференции, социал-демократы оставили заявление. Речь в нем шла о неправомерности представительства и присутствия фиктивной организации — Латышского с.-д. союза. Это было первой причиной ухода. Вторая причина — отсутствие на конференции целого ряда с.-д. организаций.

Вслед за оглашением текста заявления четырех с.-д. организаций В. И. Ленин рассказал о дальнейших контактах с Гапоном. Очевидно, уход с конференции с.-д. не повлиял серьезно на их отношения.

«Через 1,5—2 недели, — продолжал Ленин, — *т. Гапон передал мне следующее заявление».* Тут в протоколе приводится реплика с места делегата Щенского (И. А. Скрынника): *«Товарищ? Он в партии?».* Ответа нет. Заявление Гапона достаточно лаконично: *«Дорогой товарищ! Препровождая вам две декларации, исходящие от известной вам конференции, прошу сообщить их предстоящему III съезду РСДРП. Считаю долгом оговориться лично за себя, что я принимаю эти декларации с некоторыми оговорками в вопросах социалистической программы и федералистического принципа».* Ленин зачитывает фрагменты из представленных документов. Они, по его словам, представляют *«сколок с с.-р. программы со всевозможными уступками националистическим непролетарским партиям»,* тем самым подтвердив опасения, побудившие представителей с.-д. покинуть конференцию. Ленин делает вывод, что принципиальные разногласия не исключают возможности будущих подобных практических конференций, но в России и

после проверки реальных сил. Съезду же была предложена резолюция о практических соглашениях с социалистами-революционерами.

Безусловный интерес представляет мнение самого Г. Гапона о его контактах с партийными лидерами и об итогах конференции. В письме к рабочему Д. Кузину в Петербург он сообщал: *«Здесь мой авторитет весьма силен, популярность велика, но не особенно меня эта мишура радует. Гвоздем у меня сидит мысль, как бы организовать пролетариат... И я все обдумывал, присматривался я к разным партиям. Был у корня их. Вглядывался пытливым взором и не удовлетворился. В соц.-демократии нет единого духа, причем (за исключением тов. Ленина) большая часть — талмудисты, наглые лгуны, в полном смысле онанисты слов, фраз, с большим самомнением. (Я не имею в виду героев-рабочих, настоящих работников партии социал-демократов.) А некоторые генералы соц.-рев. обладают чудным благородным духом и простотой, но не самоотверженной любовью к народу, к рабочим... Я стою вне партий и всячески стремлюсь привести их к соглашению. Но пока моя попытка не увенчалась успехом. Был момент, когда думалось, что вот-вот выйдет какой-либо толк, разумно, когда на конференции, устроенной по моей инициативе, явились представители всех почти партий социалистических и революционных сил России. Хотя конференция увенчалась небываемым успехом, но я лично недоволен, т. к. четыре соц.-дем. партии ушли из-за пустяка...»*

Гапон не был искренен, когда писал Д. Кузину, что стоит вне партий. Приблизительно в это время, а именно 1 мая по российскому или 14 мая по новому стилю, в одном из парижских кафе утром состоялось что-то вроде банкета. Повод был примечательный — Гапона принимали в партию эсеров. Недавний секретарь конференции А. С. писал в своих воспоминаниях: *«Пребывание Гапона в партии с.-р. продолжалось очень недолго. Чуть ли не с первого абцуга потребовал он, чтобы его ввели в Центральный комитет и посвятили во все конспиративные дела. Ему в этом, конечно, отказали, хотя и в мягкой форме... Кончилось тем, что совсем недвусмысленно дали понять, что он может выступить из партии»*[14].

В это время Гапон не прерывал деловых отношений с Лениным. А. В. Луначарский вспоминал, как Владимир Ильич пригласил его и членов редакции «Вперед» на встречу с Гапоном и Рутенбергом. Впечатление от первой и единственной встречи Луначарский записал спустя 22 года: *«Ничего всемирно-исторического в Гапоне заметить было нельзя... несколько суетлив, много говорил, и, по правде сказать, говорил порядочные пустяки. Речь у него была живая, с сильным украинским акцентом... Толковали о необходимости перебросить в Петербург контрабандой значительное количество оружия и о том, что он с Рутенбергом будто что-то в этом направлении подготовил. Мы все больше слушали».*

Инициатива переговоров с Гапоном об отправке оружия в Россию принадлежала Л. Б. Красину, возглавившему после III съезда РСДРП Боевую техническую группу. Леонид Борисович отправил Н. Е. Буренина в Женеву к Ленину, чтобы тот познакомил его с Гапоном.

Вернувшись из поездки в начале августа, Н. Е. Буренин сообщает В. И. Ленину о результатах переговоров с Николовым (Гапоном). Ни организаций, ни людей в Петербурге и в Одессе, указанных Гапоном, он не нашел. *«Союзовцы,* — писал Николай Евгеньевич, — *были заняты разработкой своей программы вместе с нашим ЦК. Программа, которую Вы видели в Женеве, была послана за границу Николову, но была переработана так, что они ее не узнали, и, хотя она якобы прошла через Вашу редакцию (?!), как сообщил привезший ее товарищ, она их не удовлетворила. Итак, будучи заняты программой, союзовцы и не думали о получении транспорта...»* Речь шла о программе возрождаемого гапоновского «Рабочего союза».

К концу лета у Гапона совсем испортились отношения с эсерами. *«Он начал кидаться от одной организации к другой, от одного лидера к другому! Он одновременно вел переговоры с Бундом, с большевиками, с меньшевиками, с некоторыми отдельными лицами эсеровской партии, с оппозиционной эсеровской организацией (будущими «максималистами»), с Надеждиным, с Матюшенко (с «Потемкина») и т. д. От каждого он скрывал, что имеет сношения с другими. Со всеми лукавил, хитрил, всех за глаза ругал... Самой печальною чертой характера Гапона была хитрость... Это была какая-то особенная хитрость, коварная, лукавая, вероломная, и в то же время наивная по своим приемам»* — так характеризует Гапона А. С. А в качестве примера приводит такую сценку: *«Один из эсеров упрекнул его, что он тайно ведет какие-то переговоры с Лениным. «Да я его и в глаза не видал!» — воскликнул он горячо. — «Но я сам ведь видел, вчера, как он вышел из вашей комнаты». Гапон расхохотался и, хлопнув собеседника по колену, воскликнул весело: «Ну-ну! Ничего-ничего! Виделся — значит, и надо! Ха-ха!».*

В эти дни, очевидно, В. И. Ленин и дарит Гапону только что вышедшую книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции», подписав ее: *«Уважаемому Георгию Гапону от автора. Ленин».* В одной из глав подаренной книги Гапон мог найти косвенное упоминание и о себе: *«Ведь мы, марксисты,* — писал Ленин, — *не должны позволять себе обольщаться* **словами:** *«революция» или «великая русская революция», как обольщаются ими теперь многие революционные демократы (вроде Гапона)».*

Гапон не оставлял мысли выступить вождем-объединителем. По воспоминаниям Л. Дейча, он, окончательно разойдясь с эсерами, готов был войти в с.-д. партию, но при одном условии: *«Пришедши однажды к Плеханову, он сообщил, что готов присоединиться к с.-д., но не может сделать этого потому, что не желает войти ни в одну из существующих фракций. Если бы, мол, состоялось их соединение, он теперь бы вступил в с.-д. партию. При этом Гапон сообщил, что из беседы с Лениным он заключил о желании последнего, чтобы с.-д. объединились».*

Впрочем, и из этой миссии, как и из устроенной им раньше конференции, также ничего не вышло.

В. И. Ленин продолжал поддерживать Гапона в его усилиях снабдить питерских рабочих оружием. *«Чтобы организовать дело,* — писала Крупская, — *он взял у нас нелегальный паспорт и связи и отправился в Питер. Владимир Ильич видел во всем предприятии переход от слов к делу. Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало. Из всего предприятия, однако, ничего не вышло. «Графтон» сел на мель, и вообще подъехать к намеченному острову оказалось невозможным. Но и в Питере Гапон ничего не смог сделать»*[15]. Здесь необходимо уточнение. Гапон до Питера не доехал, а был только в Финляндии. Предполагалась его встреча с Горьким. Но хотя они оба с разных сторон направились к месту свидания у финского сенатора Терңгрена, по странным обстоятельствам эта встреча так и не состоялась.

Как вспоминала Крупская: *«Приехал Гапон совершенно растерянный, совершенно выбитый из колеи... К этому времени Владимир Ильич перестал интересоваться Гапоном: движение в России ушло далеко вперед. 9-е января, Гапон — все это стало уже пережитым, прошлым. Революция вступила в свой дальнейший этап, в котором Гапону не было уже места».*

После октябрьского манифеста, в начале ноября 1905 года, Гапон приезжает в Петербург. Рутенберг встретил его в Вольно-экономическом обществе, во время заседания Совета рабочих депутатов. Гапон беседует с председателем Совета Хрусталевым-Носарем. Разговоры идут вокруг воссоздания гапоновского «Союза». *«Даже самые рьяные сторонники его не согласились оказать ему содействие,* — писал Л. Дейч, — *помимо разрешения «Совета рабочих депутатов». Ему поэтому пришлось обратиться со своим предложением в «Исполнительный комитет» названной организации. Все члены последнего, в том числе и входившие в его состав бывшие «Гапоновцы», высказались против предложения и восстановления «Отделов».*

Гапон собирает митинг бывших своих рабочих в Соляном городке. Держит там страстную речь против Совета, рекомендуя удерживаться от крайностей, призывая к спокойствию и умеренности. О недавних воинственных призывах, о подготовке к вооруженному восстанию Гапон совершенно забыл. Он занимает крайние охранительные позиции.

В начале декабря Гапон возвращается в Европу. Но это уже другой человек. Его интервью и статьи во французских социалистических газетах вызывают резкую критику Г. В. Плеханова. Ссылаясь на беседу Гапона с редактором парижской газеты «Matin», он пишет письмо в редакцию «L'Humanité»: *«Отец Гапон сеет теперь раздор и раскол между петербургскими рабочими. Он делает это во имя своей особой тактики, преимуществ которой будто бы не могут понять крайние партии... Если редактор «Matin» не исказил слов отца Гапона, то вся «тактика» этого последнего сводится к созданию в среде русского пролетариата своего рода лейб-гвардии для г. Витте, лейб-гвардии, которую можно было бы противопоставить социалистическому «течению». Международная соц.-дем. не может одобрить такую тактику и не может доверять человеку, ее практикующему»*[16].

В конце декабря Гапон окончательно перебирается в Петербург. И здесь, шаг за шагом, идет его стремительное падение. Жан Лонге, один из видных французских социалистов, поддерживавших Гапона даже в декабре 1905 года, писал позже в своих воспоминаниях: *«...Падкий на лесть и удовольствия, развращенный шумихой известности, Гапон без руля и без ветрил вступил в бесчестную связь и оказался игрушкой в руках тех, кого он хотел, может быть, сам обмануть».* Начальник петербургской охранки А. В. Герасимов тоже был невысокого мнения о Гапоне: *«Мне скоро стало ясно, что он если даже и видел немало, то плохо ориентировался и неправильно понял многое. В сущности, люди, о которых он говорил, были ему чужды. Он не понимал их поступков и мотивов, которые ими руководят... Это — неопасный враг, бесполезный друг».*

Вернувшись в Петербург в начале марта, Рутенберг окончательно убедился в том, *«что Гапон продал 9-е января, что он полицейский провокатор».* Тогда же он решил привести в исполнение приговор ЦК эсеров и казнить Гапона.

28 марта 1906 года на пустующую дачу в Озерках Рутенберг пригласил нескольких рабочих. Они спрятались в маленькой боковой комнате, за дверью с висячим замком. Чуть позже Рутенберг встретил на условленном месте Гапона и привез его на дачу, будто бы для того, чтобы уточнить условия и сумму, за которую он выдаст Рачковскому нескольких членов боевой организации эсеров.

Гапон говорил цинично, не стесняясь, в полной уверенности, что их никто не слышит. В кульминационный момент объяснения Рутенберг открыл замок и распахнул дверь. Рабочие схватили Гапона, не слушая оправданий...

Его повесили в семь часов вечера 28 марта 1906 года.

Лишь 30 апреля полицейский обнаружил труп. 3 мая, как сообщал в рапорте исправник Колобосов, *«тело убитого Георгия Гапона предано земле на Успенском городском кладбище, что по Владимирской железной дороге, похороны окончились в 1 час 30 минут дня и прошли спокойно...».*

Как же реагировали лидеры социал-демократии на убийство Гапона? Г. В. Плеханов в письме к Л. И. Аксельрод сделал краткую, но выразительную приписку: *«А Гапон-то! Жалкий конец!»*

О реакции В. И. Ленина на это драматическое событие ничего не известно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 15.
2. Дейч Л. Герой на час//Современный мир. 1909. № 1. С. 134, 136.
3. Рутенберг П. М. Убийство Гапона. Л., 1925. С. 19—20.
4. Симбирский Н. Правда о Гапоне и 9-м января. СПб., 1906. С. 170—171.
5. Сизов М. И. Мои встречи с Георгием Гапоном//Исторический вестник. 1912. Т. 127. С. 545-546.
6. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 2. Ед. хр. 728. Л. 1
7. Ленин В. И. Соч. Изд. 2-е. Т. VII. С. 429 (Примечания)
8. Ленин В. И. ПСС. Т. 9. С. 217.
9. Ленин В. И. ПСС. Т. 47. С. 22.
10. Савинков Б. Воспоминания террориста. Л., 1990.
11. Свидание Гапона с деятелями Бунда//Минувшие годы. 1908. № 7. С. 39—44.
12. Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 1022 (Автограф).
13. А. С. Из заграничных встреч. Георгий Гапон//Русское богатство. 1909. № 1. С. 182—183.
14. Там же. С. 184.
15. Крупская Н. К. 9-е января и Ленин//Правда. 1925. 21 января № 17.
16. Плеханов Г. В. О Г. Гапоне//Группа «Освобождение труда» Сб. № 6. 1929. С. 63—64.

ГЕЛИЙ РЯБОВ

«КОНЬ БЪЛЫЙ» РАЗМЫШЛЕНИЯ POSTFACTUM

В 1979 году писатель Гелий Рябов нашел останки царской семьи, зарытые под Екатеринбургом. Через десять лет он впервые рассказал об этом в нашем журнале («Родина». 1989. № 4, 5). Г. Рябов известен как автор сценариев телесериалов «Рожденная революцией», «Государственная граница»... В 1991 году он приступил к съемкам (автор сценария и режиссер-постановщик) десятисерийного фильма «Конь бълый», работа над которым только что завершилась.

Кадры из фильма «Конь бълый». Фотографии Владимира Латухина.

...Прошли заключительные титры, зажегся свет, расходится публика. Я один в огромном сумрачном зале Дома культуры в Новом Тольятти — это недалеко от автогиганта ВАЗ. Самое время подумать...

Например, о том, зачем я снял этот фильм. Сегодня это совсем не риторический вопрос, потому что семьдесят пять лет кино творилось на мифические «народные» деньги, за которые никто и ни перед кем не отвечал. Сегодня же деньги весьма конкретны. В моем случае они принадлежат коммерческому банку социального развития «Ладабанк», и я обязан их вернуть — ну хотя бы по долгу совести.

Итак — зачем.

Легенда рассказывает, что вечером 25 октября 1917 года, когда рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась, генерал Алексеев прошел по Дворцовой площади Петрограда и, остановившись, посмотрел на ярко освещенные окна Зимнего. Там чернь (гнилая пена, взбитая Ильичем и его подельщиками) правила свой бал и гадила в дворцовые вазы.

Алексеев направился в Новочеркасск. Туда приехали, пришли, пробрались офицеры и генералы, студенты и рабочие, крестьяне и интеллигенты — все, кто считал себя русским и кто готов был положить «живот свой» на благо России — ее возрождение и восстановление.

Возникли белые, их движение было направлено против красных.

И здесь самое время — по образу и подобию большинства историков — произнести сакраментальную фразу: началась гражданская война.

Да ведь это неправда.

Хотя долгие годы все мы — сквозь туман и флер прошлого — восхищались и восторгались «страшными красными днями» и «гражданской» — вспомним знаменитое Булата Окуджавы: «Я все равно паду на той, на той далекой, на гражданской...» Она хоть была «гражданской» и имела отношение к гражданам, пусть и страшное отношение, как мы понимаем это сейчас, а тогда...

Тогда из Кремля тек кровавый гной разложения. Он заливал умы и души, и казалось нам, что эти, нынешние, «бровеносцы в потемках» просто изменили «святому делу», пошли «другим путем». И капитан третьего ранга Саблин выводил свой большой противолодочный корабль в открытое море... Мне жаль этого наивного и очень честного человека. И даже не потому, что жизнь его оборвалась от девятимиллиметровой пули «ПМ» у позорной стенки — в расцвете сил, а потому, что так и не узнал он, мученик большевизма, о том, что Ленин был обыкновенным уголовным преступником, а гражданскую войну в России развязали большевики именно взятием Зимнего дворца. И началось бесчестье. И судорога (по Достоевскому).

...И мне не странно, не горько, не страшно, что человек, погубивший Россию (остается только надежда на чудо Господне), пребывает безмятежно в своей предкремлевской резиденции и солдаты президентского полка отбивают сапоги, маршируя каждый час сначала вперед, а потом взад. Они, конечно, хорошие ребята и обязаны выполнять приказ, только вот те, кто отдает такие приказы до сих пор... С ними-то как быть?

Бедная Россия, как ей не везет...

...Фильм «Конь бълый» — художественный. И это значит, что он предлагает зрителю не то, что было реально, а то, что могло бы быть, и это «могло» подтверждается и доказывается, если угодно, системой образов и их построением, и здесь мы неизбежно возвращаемся к классическому определению феномена литературы (что полностью, на мой взгляд, как основа, относится и к искусству кино): типические характеры, действующие в типических обстоятельствах, создают образную структуру, ткань киноповествования, и при поддержке синтетики кино (звук, музыка, шум) овеществляется данный феномен общественного сознания (изображение — как главное — само собой разумеется).

Я обязан об этом сказать. Семьдесят пять лет партия настаивала на том, что сутью литературного произведения (кино-, театрального и любого другого) является «правда». «Было это на самом деле или не было?» — грозно вопрошали на худсоветах всех уровней. Зрители из зала задают этот вопрос прежде всего.

Но тогда как быть с пушкинским: «Над вымыслом слезами обольюсь»?

Кинофильм — новая реальность, и все то, что заключено в нем, действует и развивается по своим, отличным от реальной жизни, законам.

Не в оправдание, но в объяснение предпослал я эпиграф своему фильму: «Ученый муж восхитится событием, случившимся в прошлом. Художнику должно уловить и понять нечто совсем другое: дух истории».

Все это, к сожалению, и сегодня очевидно не многим, и пройдет время, прежде чем критики и публика научатся судить художественное по его собственным законам. Добролюбов писал, что правда есть, конечно же, необходимое условие художественного произведения, но о достоинствах оного мы должны судить прежде всего по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся.

Есть ли все это в фильме «Конь бълый» — судить не мне.

Эпопея по жанру. Я без испуга употребляю это понятие, хотя с горечью констатирую, что мыльные оперы, коими пичкают сегодня многострадальный народ, чтобы он забылся и заснул, не способствуют общественному восприятию жанра эпопеи, или народной трагедии, точнее.

Губернатор Лембке из «Бесов» Достоевского говорил дрожащим голосом, что он, Лембке, не может оставаться толерантным, когда правительство спаивает народ.

Я тоже не могу. Я не знаю, кто спаивает народ «Санта-Барбарой», «Моей второй мамой» или богатыми, которые тоже плачут, — правительство или зашибатели денег, но следует помнить: страдающий народ способен изменить свою судьбу. Народ, опоенный порнухой и безмозглыми разговорами с экрана, — может только взбеситься и утопить в крови идиотов, наживающих на нем деньги. Впрочем, и всех остальных, кто попадется под руку.

Из зала мне сказали: «Не трогайте «Богатых». Все советские женщины, когда они на кухне, смотрят это кино и тоже плачут. Не оскорбляйте наших женщин».

Я не оскорбляю. Я думаю, что это нужно изменить. Но для этого нужно и другое кино тоже. А его пока нет.

Правительство занято спасением колхозов и совхозов, заводов, правительство боится безработицы (массовой) и социального взрыва. Правительству не до кино. Кино — это «развлекалка». А им, озабоченным, народ кормить надо.

Другой вопрос — чем...

Итак — эпопея. Историческая. Трагедия, опять же.

Да найду ли я зрителя?

Трюизм: не следует опускаться до зрителя. Его следует поднимать до уровня серьезного искусства.

Большевикам и коммунистам это никогда не было нужно. Зачем?

Слава и гордость советского кино — «Встречный», «Богатая невеста», «Трактористы», «Истребители», «Ленин в Октябре» и прочая и прочая — несть им числа — воспитали (если признать некий нонсенс, гласящий, что кино призвано «воспитывать») поколение, родившее другое поколение и третье, которое и привело к краху. Чем же мы гордимся?

Секретарями райкомов и обкомов?

Убийцами и кровавыми палачами — по сути?

Директорами заводов и председателями колхозов?

Эксплуататорами и душителями?

«Простым» человеком, представленным во всей номенклатуре бывшего советского кино всегда, везде и беспрекословно «одобряющим»?

То есть рабами, которых козел с усами вел на бойню за морковку или кусок хлеба?

Я робко думаю, что пришла пора поразмыслить над мифами, понять их суть и сбросить их в Лету.

Трудно об этом писать и страшно, но до тех пор, пока не найдется мальчик, который крикнет всем нам громко, принародно: «Король — кровавый, подлый, в дерьме!» — до тех пор не на что нам надеяться.

Я не знаю — на самом деле, — о чем мой фильм. Формально он — о братоубийственной бойне 1917—1920 гг. Но я думаю, что не это главное в нем.

Мне больно. И страшно. Я вижу, как бездарные правители гонят нас всех в помойную яму истории. И словно во сне я поднимаю руку, чтобы защититься и... не могу. Нет сил. И нет нужных слов, которые могли бы убедить, что сегодня — исторически — устал не караул, а парламент; что сегодня нет «такой партии»; что сегодня не могут совершиться перемены, о необходимости которых все время говорят необольшевики, потому что в моем понимании нет никакой разницы между товарищем Президентом, товарищем Спикером, товарищем Генсеком коммунистической рабочей партии и другими ответственными товарищами.

...И все это — в фильме. В самом начале его Колчак говорит: «Власть, которую получила интеллигенция, способная только болтать, колеблется и готова сдаться безответственным элементам. Ни страны, ни армии, ни флота нет более. Я не могу и не хочу наблюдать за развалом...»

Позже, придя к власти, он скажет: «...во главе России — клика Ленина. Этот человек болен, у него поражен головной мозг, он окружен сумасшедшими, убийцами и шахер-махерами, разворовывающими под эгидой большевизма последнее достояние русского народа». Он призовет: «Останемся же русскими во имя сохранения национальных идеалов добра, справедливости и веры в Бога». Он объяснит: «Их цель — мировой пожар в крови, убийство и разврат, но ведь это, господа, и есть интернационал».

Он все это скажет, и объяснит, и утвердит, но...

В последнем своем поезде, идущем в никуда, он с горечью и отчаянием произнесет две фразы: «Замыслы неисполнимы. Страшный замах руки падает волшебно-бессильно». И: «Голос звучит днем и ночью: глупцы... Вы воевали по законам войны... Красных следовало выжечь, как бубонную чуму, беспощадно!»

А полковник Дебольцов — соратник и друг — ответит: «Николай Васильевич, 18 ноября 1918 года вы пришли к власти. 19 ноября вы должны были сказать всем: Россия была и останется императорской!»

...Мне часто кажется и мнится, что проигрыш белых кроется именно в этом: давшие присягу Богу, Царю и России служить до скончания живота своего — все они, и лучшие в том числе, выдвинули импотенциальный лозунг «непредрешенства»: восстановим-де власть Учредилки — она и решит, кому володеть.

Нет. Я верю — и не я один, — что Царь опять на Престол взойдет, потому что — по слову Марины Цветаевой — «это свято, как кровь и пот».

Об этом в фильме нет ничего. Но он, мне кажется, подводит к этой мысли...

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
РУКОВОДИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

ОПАЛЬНЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ

Днем 27 июля 1722 года четыре матроса вынесли на доске на пустынный каспийский берег высокого худого человека. Позади, в ленивых мелководьях Аграханского залива, колыхались темные пятна шлюпок, блестела медь пушек, белели паруса военных судов; впереди, в жарком мареве, дрожал пряно-яркий, невиданный доселе Восток. Петр сделал первый шаг — и узкий след от императорского сапога отпечатался на влажном песке. Петр I начинал свой персидский поход...

Уже через месяц русские войска войдут в добровольно открывший им ворота Дербент. В следующем году, в отсутствие Петра, войска генерала Матюшкина возьмут Баку и высадятся на южном побережье Каспийского моря, а персидский посол в Санкт-Петербурге подпишет договор об уступке России трех каспийских провинций: Гиляни, Мазендерана и Астрабада. Спустя 13 лет, в 1735 году, войска потянутся обратно, чтобы вернуться сюда, в Дагестан и Азербайджан, через сто лет. Никогда уже не продвинутся они так далеко...

Что же послужило причиной ухода русских войск? Забвение при Анне Иоанновне дел и наказов Петра? Предательство национальных интересов бироновской кликой? Как ко всему этому отнеслось общество? Каково участие русских в завоевательных планах Петра?

Не на все эти вопросы можно ответить исчерпывающе. Общий характер и тон отношения русской аристократии к персидским завоеваниям Петра I выражает публикуемая ниже записка В. В. Долгорукого.

Судьба князя Василия Владимировича Долгорукого (1667—1746) была в достаточной мере типичной для «фамильного» русского дворянина в царствование Петра. Начав с чина комнатного стольника при царях Иване и Петре Алексеевиче, он, как и другой его современник, фельдмаршал М. М. Голицын, прошел через офицерские чины в бывшем «потешном», а затем гвардейском Преображенском полку и благодаря собственным заслугам и храбрости быстро продвинулся по военной лестнице. В 1708 году руководил подавлением восставших булавинцев, убивших на Дону его родного брата Юрия, и стал полковником гвардейского Семеновского полка. В 1709 году под Полтавой командовал конницей. Два года спустя на военном совете в окруженном турецкой армией Прутском лагере предлагал царю «проложить штыками дорогу сквозь многочисленные ряды неприятеля» и в этом же далеко не победном году получил высший российский орден Андрея Первозванного. В 1715 году, будучи руководителем следственной комиссии о злоупотреблениях в снабжении армии, не побоялся обвинить всесильного Меншикова.

Однако неосторожные слова, сказанные в порывах откровенности царевичу Алексею, прервали блистательную карьеру: в 1718 году Долгорукий, лишенный всех чинов, орденов и деревень, отправился в соликамскую ссылку. В 1724 году, незадолго до кончины Петра, был восстановлен на службе в чине бригадира. Однако и последующие его назначения мало отличались от ссылки: в 1726 году после присвоения ему звания генерал-аншефа и возвращения орденов Долгорукий был назначен командующим русскими войсками в Персии.

Удача улыбнулась ему лишь на миг: после того как скончалась Екатерина I, группировка Долгоруких, используя свое влияние на малолетнего Петра II, заняла исключительное положение у власти. В феврале 1728 года Долгорукий пожалован генерал-фельдмаршалом и членом Верховного тайного совета, фактически правившего тогда страной. После смерти Петра II и провала попытки ограничения самодержавия Анны Иоанновны (1730) Долгорукий не разделил участи опальных родственников и остался фельдмаршалом. Более того, после смерти фельдмаршала Голицына он на какое-то время стал даже президентом Военной коллегии.

Однако немецкая придворная группировка желала иметь на этом посту своего человека. 23 декабря 1732 года Долгорукий был арестован, а его должность перешла к Миниху. Началась вторая ссылка: Шлиссельбург, Ивангород, Соловки. Однако пожилой фельдмаршал и тут обманул судьбу. Дождавшись воцарения Елизаветы, он успел вернуться к руководству Военной коллегией и прожил еще 5 лет, не дотянув до восьмидесяти лишь год.

Трудно сказать, насколько объективно мнение о Долгоруком испанского посла де Лирия (дипломат при дворе ориентировался на противоположную партию): *«Фельдмаршал князь Долгорукий — человек умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавший военное искусство. Он не умел притворяться и часто доводил искренность до излишества; был отважен и очень тщеславен; друг неискренний, враг непримиримый; нельзя сказать, чтобы он ненавидел иноземцев, но и не жаловал их слишком. Он жил благородно, и я по истине могу сказать, что это такой русский вельможа, который более всех приносил чести своему отечеству».* Но вот характеристика, данная им другому аннинскому фельдмаршалу, И. Ю. Трубецкому, относившемуся скорее к союзникам, чем к противникам испанского посла: *«Фельдмаршал князь Трубецкой был величайшая скотина. Его мало уважали, он ничего не знал в своем деле и был суетен; впрочем, человек добрый; он заикался»*[1].

По сведениям иностранных дипломатов, Долгорукий в развернувшейся в то время при дворе борьбе относился к так называемой «старорусской партии», выражающей интересы не только аристократии, но и значительной части русских дворян. Это не дает основания рассматривать выраженные в записке взгляды как частные. Тем более что уже в апреле 1725 года оставшиеся без тяжелой руки императора русские вельможи приняли решение об ограничении сферы завоеваний только Гиляном[2]. 30 марта 1726 года Верховный тайный совет решился на уступку Персии всех трех новых российских провинций в Южном Прикаспии, но не пошел сразу на вывод войск только потому, что в оставленных провинциях могла утвердиться Турция[3]. Решение об уходе не стало неожиданным, более того, оно опоздало почти на шесть лет.

В начале XVIII века Иран, управляемый династией Сефевидов, находился в состоянии глубокого внутреннего кризиса, чему немало способствовала политика бесцветного и нерешительного шаха Султана Хосейна.

Крушение империи не явилось неожиданностью для главных заинтересованных сторон — России и Турции. Уже в 1717 году российский посланник при персидском дворе Артемий Волынский советовал Петру быть готовым к возможной удачной войне[4]. Но не жажда новых владений, не контроль над прибыльной восточной торговлей определяли русскую политику: более всего тревожила перспектива утверждения в кавказских и прикаспийских землях Турции, а это автоматически открывало еще один фронт в ожидаемой войне с ней.

Восставшая Шемаха придерживалась турецкой ориентации, и уже с конца 1721 года Россия исподволь начала готовиться к походу на иранский Кавказ. После того как весной 1722 года поступили известия об осаде афганцами персидской столицы Исфагана, поход был окончательно решен.

В «эпоху тюльпанов»[5] перед лицом мощных европейских армий Турция могла воевать победоносно только на Востоке. Война турков с Персией началась в 1723 году и оказалось кровопролитной и затяжной. Турция все же утвердилась в Закавказье[6], однако частичные успехи были куплены большой кровью. Опасаясь захвата Прикаспия турками, в Петербурге сознательно медлили с выводом войск. Только в 1732 году по Рештскому договору Россия оставила Гилян, Мазендеран и Астрабад, а в 1735-м, по договору в Гяндже, — и весь Дагестан, вернувшись за Терек.

Цена персидских войн 1722—1732 годов оказалась немалой и для русских. Пятнадцатимиллионная петровская Россия потеряла там за это время 42,7 тысячи человек, или около 18% штатного состава всей регулярной армии в 1730-е годы[7]. Следует учитывать, что рекрутская повинность ложилась всей тяжестью лишь на 70% населения, т. е. на крестьян России. Ни прибалтийские провинции, ни нерусские жители Поволжья рекрутов не поставляли. Те же группы населения вынесли на себе и все расходы, связанные с персидской войной, а они были по тем временам громадны: содержание одного лишь Низового корпуса обходилось России ежегодно в миллион рублей, что при общей величине доходной части государственного бюджета России в 8,8 млн. руб.* составляло 11,4% государственного бюджета. Доходы, получаемые с персидских провинций, составляли едва ли пятую часть расходов на одно лишь содержание в них войск. И это после тридцатилетней эпохи постоянных войн, ведшихся Россией во времена Петра!

Неудивительно, что Василий Владимирович Долгорукий, прекрасно сознававший шаткость собственного положения у власти, решился направить императрице эту записку, лишенную приятных известий и обычного в те времена подобострастия.

Записка публикуется по копии, сохранившейся в разобранных уже в 1740-е годы бумагах Ягужинского, переданных в Сенат. Чтобы сделать ее более понятной для современного читателя, публикатору пришлось приблизить ее орфографию к современной и разбить на абзацы слишком сложные конструкции текста.

НИКОЛАЙ ПЕТРУХИНЦЕВ,
кандидат исторических наук

* Эти миллионы существовали в основном на бумаге, так как налоги выбирались с большой недоимкой, доходившей от 2—7% по подушной подати с крестьян до 25—30% — по некоторым другим видам сборов.

Ея императорскому величеству самодержице всероссийской всеподданнейшие доношение генерал-фельдмаршала князя Долгорукова.

Оборона Решта от иранских войск. 1932.

По последним ведомостям от Неплюева[8] показывается Порта[9] к нам холодна, и по многим предложениям и домогательствам от Неплюева к склонению общих мер с Персиею в тракта, к миру учинит. На что Порта показала себя противна против нашего требования, и объявила себя усильные прогрессы в Персии чинить, и потерянные провинции, кои в Персии Порта в порции[10] своей имела, все отобрать, и желает дальные прогрессы свои в Персии чинить. И для нашего интересу к пользе нашей прибыльнея, что Порта в персицких делах от нас отрекается, для двух резонов.

Первой резон к нашей пользе, что мы от Порты подозрительными не останемся, прежде их мир заключить, или, хотя и миру не заключа, по глупости и упрямству персицкому, для многих своих полезных резонов и не заключа миру выйти из персицких дел без стыда.

Сильнея и богатея нас Порта с стыдом и уроном великим выбита, и какие бедства и канфузию от персицкой войны понесла, о том всему свету уже известно, что прежде лет за шестьдесят турки в Персии завладели многими провинциями, и шах Аббас изо всех персицких провинцей турок выбил, и ни един домой не возвратился — все в Персии пропали, что у турок и персиян в свежей памяти, к тому же и нынешний турецкой упадок как в людех, так и несносной понесенной убыток великой суммы денег; и как всему свету известно, как Порта людьми и деньгами сильна — и та в Персии никакова себе авантажа и пользы не сыскала, с стыдом и убытком и с великою конфузиею осталась, и, видя свои прогрессы прежние и нынешние в Персии, чтоб без рассудка себя во азарт отдала — не чаю. Больше эхо распуская, и тем хочет устращать Персию, чтоб на посланных кондициях мир заключить, кои посланы к шаху для апробации. А хотя бы, паче чаяния, Порта и во азарт вступила, и для славы своей, не хотя себя показать безслава и хотя силу свою показать, или похочет по своему варварскому обычаю буитовщиков своих енычар[11] в Персии погубить, — только одним словом сказать, чтоб Персию всю овладеть — не может ради многих причин.

А ежели бы, паче чаяния, хотя б Порта могла все возвратить, кои отобраны Портою были в Персии провинции: Амандашах, Кермень, Тавриз, Ардебиль и другие, кои за Портою были, что б могло быть к пользе интересу нашего, чтобы мы и до прибытия турецкого удержались в Ряще и в Астаре? Кроме самой нашей худобы:

Первое: потеряв от воздуха людей многое число;

Второе: со стыдом выбьют турки, что они уже претензию на провинцию Астаринскую, Кергеруцкую и Ленкеранскую, кои блиско Ардебиля лежат, заявили, и ежели помянутые провинции у Порты будут, то землею никак проехать можно, и Рящ[12] в их руках будет — и пропустим безстыдно выход из персицких дел, и у персиан против турок силы убавим. Коли мы по Баку уступим, то поморские провинции, кои в нашей порции были, все с шахом противу турок будут, и нашему генералу под рукою саганацких армян, муганского хана и других тому подобных противу турок возбудить, и тако может надеяться, чтоб дальних прогрессов Порта в Персии учинить не может. Правда бы к нашей пользе, не допуская Порту с Персиею до трактатов, также до дальних прогрессов Порте в Персии, чинить, чтоб мы могли трактат с шахом учинить и выступить из Гиляни к Баке; токмо я не надеюсь по глупому суеверию персицкому учинить с нами трактат.

И по моему слабому мнению, не упуская полезнова время, благо бог дал полезной случай по нещастию турецкому из Персии выгнанных, небезстыдной случай из персицких дел выйти и ожидать в Баке без великой опасности, и людей спасть можно.

Лехко рассудить на пример: хотя бы нам от турок и от персиян никакой опасности войскам нашим не было, кроме воздуху, сколько людей потеряно и ныне мрут! по сентябрь у Левашева[13] по репорту в комплект 10 тысяч нет.

Кроме турецкой и персидской опасности и людей великого урону можно ли Низовой корпус тамошними доходами содержать на жалованье, аммуницию, мундиром, провиантом? Сверх бы того сумму немалую в Москву присылать, для чего бы можно нам помянутой корпус содержать как в других местах сыскивают богатство, и какая нам прибыль бы могла быть, кроме несносных бед и разорения! Вошли в персицкие дела — сколько людей потеряли, какую великую сумму, ежели положить в цену артиллерию, аммуницию, мундир, провиант, кроме многотысячным счетом людей потеряно без всякой пользы! к тому же разделение армей надлежит великой опасности, ежели нечаяиной неприятель покажетца. К тому же, ежели бы случай позвал по трактатом послать в помочь цесарю[14], за тем и за Низовым корпусом невеликая б армея осталась, в чем видится превеликой опасности быть.

На пример: персицких доходов в год от дву сот до трех сот, а из государства, ежели все исчислить деньги, хлеб, аммуницию, мундир и лошадей, всего, например, миллиона полтора. Сходственно ли содержать? Кроме людей потерки и разделения армей к опасности государственной убыток крайний несем, отчего государство в крайнее разорение приходит.

И хотя бы мы, что имеем в Персии провинции от порции своей, хотели за собою удержать, то никак не можно: или от турок, или от персиян, — а выбиты будем, со стыдом и убытком принуждены будем ретироваться, и зело будем сожалеть сего благополучного времени. Персицкой хомут с шеи снять случай без стыда есть.

И ежели бы за помощью божиею из персицких дел мы вышли, то б тем Низовым корпусом армею свою можно в доброе состояние привесть, еще укомплектовать как пехоту, так и кавалерию, то бы армея так в добром была состоянии, как прежде сего при блаженной и вечнодостойной памяти его императорском величестве Петре Великом, и сколько бы лет могло государство отдохнуть без побору рекрутского! Токмо того надобно смотреть, чтоб достойным как генералитетом, так и штап- и обер-офицерами армея удовольствована была: на бумаге генералитету много, а к делу не видно, бес чего государству пробыть невозможно, понеже армея, коли в добром состоянии, первой фундамент государству, бес чего обойтиться невозможно. Ибо я приужден Вашему императорскому величеству доносить, что вижу по своему слабому мнению, какое разорение государство несет, и убыток и опасность от персицких дел, равным же образом, как бы мы вышли из персицких дел, какая б была государственная польза, надежда и безопасность, как выше писано.

А ежели бы мне по ревности и верности недонести остатца, то опасен, чего бы на мне не взыскалось, понеже я в Персии был и тамошние дела вконец знаю, и указом Вашим военные дела, Низовой корпус я поныне ведаю, и по чину моему, как старшему фельдмаршалу, о воинских делах должность моя доносить Вашему императорскому величеству, видя пользу государственную или опасность.

И передаю сие мое нижайшее доношение в милостивое и мудрое Вашего императорского величества рассуждение.

«Его светлость[15] изволил взять февраля 15 дня 1731 г.»

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 215. Л. 103—105 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Записки дюка Лирийского о России XVIII в.//Русский архив. 1909. Ки. I. С. 405.
2. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX. М., 1963. С. 8.
3. Сборник Русского императорского исторического общества Т. 55. СПб., 1886. С. 147, 162.
4. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IX. С. 368—370.
5. 1718—1730-е годы в истории Турции, когда тенденции к заимствованию европейского опыта проявились и в таких внешних атрибутах, как мода на разведение голландских тюльпанов.
6. Именно эти территории стали в следующем столетии основным объектом русско-турецких войн на Кавказе.
7. Банов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736—1739 гг. СПб., 1906. Т. I. Прим. 6.
8. Неплюев Иван Иванович (1693—1773) — дипломатический представитель (резидент) России в Турции (1721—1735).
9. Порта — принятое в русской литературе название правительства Османской (Турецкой) империи. Термин появился в результате заимствования буквального перевода на французский язык названия резиденции турецкого великого везира «Баб-и-али», или «Паша капысы», что означает буквально «главные» или «высокие» ворота (ворота — «la porte» по французски).
10. 12(23) июня 1724 года был заключен Константинопольский русско-турецкий договор о совместных обязательствах в политике по отношению к Персии, по которому персидские территории были разделены на турецкую и русскую зоны влияния, что, очевидно, и имеется в виду под «порциями».
11. Янычары (тур. «еничери») — пехотные части, составлявшие основу постоянной турецкой армии (вторая ее половина — военно-феодальное ополчение, состоявшее преимущественно из кавалеристов-сипахов). Янычары набирались из мальчиков-христиан, насильно обращенных в ислам, оторванных от своих семей и воспитанных в турецких семьях. Лишенные родителей и родной социальной среды, получившие хорошую военную подготовку в специальных школах, янычары становились преданными империи высокопрофессиональными воинами, получали постоянное жалованье и занимали привилегированное положение при дворе. Часто выступали как решающая сила в династических переворотах и мятежах в столице.
12. Рящ — Решт, центр провинции Гилян на южном каспийском побережье.
13. В. Я. Левашев — генерал-лейтенант. С 1730 года главнокомандующий войсками в Персии.
14. Имеется в виду союзный договор с австрийским императором («цесарем») 26 июля (5 августа) 1726 года, по которому Россия обязана была выставить в помощь Австрии 30-тысячный корпус. Общая численность русской регулярной армии составляла тогда около 240 тыс. человек, но реально армия, которую могла использовать Россия в поле, была гораздо меньшей: 71,5 тыс. человек составляли войска, рассредоточенные по гарнизонам; 25,5 тыс. — только пехотный состав Низового корпуса, куда обычно командировалось и несколько кавалерийских полков. Таким образом, в случае выполнения союзного договора Россия могла выставить не более чем 100-тысячную армию (в числе ее — 20 тыс. полурегулярных ландмилиционеров).
15. Очевидно, имеется в виду граф П. И. Ягужинский, в 1731 году генерал-прокурор Сената, которому, наверное, была передана записка В. В. Долгорукого.

СЛАВКИН — ДВОЙНИК ЛЕНИНА

Год 1990-й. Конкурс двойников. Все с умилением и восторгом смотрят на Владимира Ильича Ленина, а точнее — на Александра Николаевича Гудкова, чье сходство с вождем российского пролетариата просто поразительно. Это был звездный час Гудкова. Отсюда начался путь к известности.
Год 1941-й. Конкурсов двойников тогда не было. А вот двойники были. И, конечно же, в то время быть похожим на Ленина было очень почетно и, видимо, выгодно. Правда, властями такое крамольное сходство не поощрялось. О чем свидетельствуют публикуемые ниже документы.
Ознакомившись с ними, как-то беспокойно стало за судьбу Иосифа Ариаевича Славкина. Но поспешим успокоить читателей — в картотеках КГБ его имя не числится. Видимо, последовавшие вскоре грозные события заставили руководство страны заняться более важными и насущными проблемами.

И. А. Славкин.

Копия

Т. т. Андрееву, Маленкову

Считаю необходимым дать следующее указание т. Александрову:

1) Надо немедля прекратить практику хождения портретов Славкина вместо Ленина.

2) Установить, кто это разрешил, ибо без помощи каких-либо коммунистов и государственных учреждений такие дела обычно не обходятся.

3) Обеспечить контроль государств. (Главлит) над фотопродукцией, имеющей общественно-политический характер.

4) Предложения по этим вопросам внести в ЦК.

Жданов.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) —
товарищу ЖДАНОВУ

Лучшие художники, скульпторы нашей страны упорно и серьезно работают над созданием образа В. И. Ленина в изобразительном искусстве. Работой художников и скульпторов в этой области слабо руководят Комитет по делам искусств и Оргкомитет Союза советских художников.

Из бесед с художниками Финогеновым, Одинцовым, Налбандян, П. Васильевым и другими нами установлено, что в работе над образом В. И. Ленина большинство художников, к сожалению, очень слабо используют имеющуюся иконографию В. И. Ленина (фото, портреты, рисунки и скульптуры с натуры), не изучают произведений В. И. Ленина, не знакомятся с биографической литературой о В. И. Ленине. Многие художники, скульпторы при работе над произведениями живописи, скульптур, в которых дают образ В. И. Ленина, ограничиваются использованием маски и натурщика. В связи с этим перед музеем встают два вопроса.

Первый вопрос — в последние дни в Центральный музей В. И. Ленина обратился художник Нюренберг с натурщиком Славкиным, предлагая приобрести у них рисунки «В. И. Ленин в период эмиграции». Мы от рисунков отказались, потому что они извращают образ В. И. Ленина. Скульптор Адрианов предложил скульптуру «В. И. Ленин — вождь». Скульптура нами не принята по тем же причинам. Скульптор Адрианов делал ее с натурщика Славкина, с которым они работают по договору.

Натурщики Славкин (юрист), Лебедев (шофер) считают себя внешне похожими на В. И. Ленина, в чем их убеждают и некоторые художники.

Славкин в повседневной жизни пытается обратить на себя внимание окружающих. Носит одежду, похожую на ленинскую, и грубо подражает походкой, жестами, движениями и манерой говорить.

Он оставил работу по специальности и занимается, по его выражению, «восполнением недостающих документально-ленинских поз», фотографируясь и позируя художникам.

Краткую справку о Славкине и фото с него — прилагаю.

Тип Славкина появился в последние годы и пользуется успехом среди некоторых художников.

Художники, пользующиеся натурщиками типа Славкина, Лебедева и вписывающие их без критической переработки в картину, явно извращают образ В. И. Ленина.

Второй вопрос, который также имеет прямое отношение к созданию образа В. И. Ленина в изобразительном искусстве, связан с использованием ленинской посмертной маски. Подлинная матрица с маски находится у скульптора Меркурова С. Д., а отлив с нее имеется в Музее В. И. Ленина. Распространение маски запрещено комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина в 1924 году (копия решения прилагается). На деле маска В. И. Ленина неизвестно кем в Москве и Ленинграде широко распространяется среди художников и скульпторов в искаженном виде и за большие суммы.

Посмертные маски В. И. Ленина, С. М. Кирова, Серго Орджоникидзе, В. В. Куйбышева и др. партийных и государственных деятелей, находящиеся в мастерской скульптора Меркурова С. Д., желательно сосредоточить в сейфах Музея В. И. Ленина.

Директор Центрального музея
В. И. ЛЕНИНА *Беляков*

№ 2
15.I.41.

Справка
о СЛАВКИНЕ И. А.,
прожив. по адресу:
Москва, 1-я Мещанская
дом № 33, кв. 18.

СЛАВКИН Иосиф Ариаевич — юрист по образованию и специальности. Работу по профессии оставил два года тому назад, занимается тем, что позирует художникам, скульпторам, беря с них по 20—40 рублей в час.

СЛАВКИН мечтает, по словам художников, исполнять роль В. И. Ленина в кино.

Собирается издать альбом своих фотографий в образе В. И. Ленина (фото прилагается). Фото эти он продает художникам по десять рублей за снимок.

СЛАВКИН, по заявлению художников ОДИНЦОВА В., ЯКОВЛЕВА Б. И., выдает себя за человека, который хорошо был знаком с В. И. Лениным, вместе был в эмиграции, работал в Совете Труда и Обороны, а в настоящее время якобы получает персональную пенсию.

Скульптор Адрианов говорит о Славкине как о человеке, который помогает художникам создать настоящий образ В. И. Ленина. Скульптор Адрианов со Славкиным работают по особому соглашению над скульптурой В. И. Ленина. Условия соглашения такие: если скульптура будет принята, тогда суммы, полученные за скульптуру, делят поровну.

15.I.41 г.

КОПИЯ ПИСЬМА ХУДОЖНИКА
П. ВАСИЛЬЕВА, ПРИСЛАННОГО
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА

В настоящее время много художников работают над картинами, посвященными Ленину—Сталину. Материалом для художников служит фотография как документ и натурщик, человек, который помогает художнику воспроизвести те или иные движения и дает возможность дать фактуру кожи и цвет тела, а все остальное зависит от творчества художника. В последнее время художники начали целиком воспроизводить натурщиков с далеким сходством Ленина, и это очень получается фальшиво и дает ложный образ Ленина, как внешний, так и внутренний. Я сам был грешен в этом несколько лет тому назад, но тов. Крупская, просматривая мои работы, почувствовала это и спросила, не пользуюсь ли я натурщиками. Я сказал — да, есть у меня такой человек. Тов. Крупская постаралась меня разубедить в этом и просила передать другим художникам ее совет избегать искажения сходства.

Многие художники убеждены, что внешнее сходство не играет роли в отображении образа Ленина, этой линии держатся также мастера кино, которые создали фильмы о Ленине.

На помощь художникам пришли натурщики с малым сходством Ленина. Художники убедили их, что они очень похожи на Ленина, эти натурщики бросили свои профессии и начали позировать, спекулируя своей внешностью, носят с собой фотографии и торгуют ими, за позирование ставят условия за 1 час от 15 до 50 руб. В Москве сейчас позируют 3 натурщика:

1) МОРОЗОВ Николай Иванович, работает в Издательстве легкой промышленности,

2) ЛЕБЕДЕВ Василий Арсентьевич — бывш. шофер,

3) СЛАВКИН, по профессии — юрист.

В Ленинграде есть тоже такой натурщик, который берет 50 руб. в час и разъезжает по городам, по вызову.

Эти натурщики стараются носить одежду, похожую на одежду Ленина. ЛЕБЕДЕВ, например, выбривает себе лысину и подкрашивает волосы. Изучают историю партии и играют роль Ленина.

Вообще натурщики очень нужны нам, художникам, только от них надо брать то, что я сказал раньше.

П. ВАСИЛЬЕВ

Копия верна:
Секретарь Центрального
музея В. И. Ленина *Сазонова*

17 марта 1941 г.

В УПРАВЛЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ
И АГИТАЦИИ ЦК ВКП(б)
тов. КОНДАКОВУ

В соответствии с Вашими указаниями, Главное управление учреждениями изобразительных искусств предложило гр. Славкину И. А., позировавшему в последнее время ряду художников для портретных изображений В. И. Ленина, прекратить свою деятельность натурщика. Гр-ну Славкину предложено сдать в Главное управление все его фотографии, снятые в позах, повторяющих определенные характерные движения Владимира Ильича. О недопустимости использования гр-на Славкина в качестве натурщика для изображения В. И. Ленина поставлен в известность оргкомитет и Московский Союз советских художников.

Написанный А. М. Герасимовым портрет В. И. Ленина, в работе над которым художник пользовался как натурщиком гр. Славкиным, по указанию тов. Поликарпова, снят нами с выставки графических произведений на темы истории ВКП(б).

Посылаю Вам материал, полученный от оргкомитета Союза советских художников.

Начальник Главного управления учреждениями изобразительных искусств *(В. Шквариков)*

17 марта 1941 г.
№ 1/8

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
тов. ШКВАРИКОВУ

По Вашей просьбе сообщаю, что мне сообщили о деятельности Славкина художники П. Васильев, В. Серов и К. Финогенов.

В 1940 г. среди художников появился натурщик Славкин — бывший адвокат, — похожий на В. И. Ленина. Сшил себе костюм, пальто, кепку по покрою схожими с теми, которые носил тов. ЛЕНИН. Начал позировать московским художникам, взимая с них за сеанс от 25 р. до 50 р. Гастролировал в Ленинграде, позировал в Академии художеств и в ленинградском Союзе советских художников.

Позировал: Иогансону Б. В. к картине «Вожди Октября», Налбандяну — «Приезд СТАЛИНА к В. И. ЛЕНИНУ», Котову П. И. — «У больного Ленина», Васильеву П. — «Портреты ЛЕНИНА», Герасимову А. — «Портрет ЛЕНИНА», художнику Аржанникову, Серову В. (Ленинград), худ. Жукову Н.

Художник В. Серов сообщил, что Славкин продает художникам свои фотографии. Ленинградскому отделению издательства «Искусство» (отв. редактор Докторов) предложил к изданию серию открытых писем «ЛЕНИН» с фотокарточек снятых со Славкина.

Художник П. Васильев сообщил мне, что Славкина для позирования, как натурщика, ввел художник Нюренберг.

По этому вопросу также может сообщить художник Богородский Ф. С. — секретарь партгруппы Правления МОССХ'а.

Ответственный секретарь Оргкомитета Союза советских художников СССР *Титов*

Секретарю ЦК ВКП(б) —
товарищу ЖДАНОВУ А. А.

Справка
на № 01909

В связи с письмом т. Белякова Отдел печати Управления пропаганды и агитации установил следующее:

1) Ни одно государственное издательство или учреждение не принимало и не издавало портретов Славкина. В прошлом году Славкин обращался в Ленинградское отделение издательства «Искусство» с просьбой издать его открытки, но получил отказ. Все фотографии размножались лично самим Славкиным.

«Деятельность» Славкина, начавшаяся в 1940 г., свелась только к позированию в мастерских нескольких художников. Так, он позировал художникам Иогансону Б. В., Налбандяну, Васильеву, Герасимову, Аржанникову, Серову и Жукову.

Сейчас эта «деятельность» Славкина прекращена. Славкин предупрежден, что за распространение каких-либо фальсифицированных портретов он будет привлечен к ответственности. В Комитете по делам искусств он письменно подтвердил о прекращении своей «деятельности».

В Управление пропаганды вызывались для беседы по этим вопросам все художники, которым позировал Славкин. Все художники заявили, что они прекратили отношения со Славкиным.

В Управление пропаганды приглашались также оргкомитеты союза художников и союза скульпторов, руководство Комитета по делам искусств, которым предложено провести собрание художников и скульпторов, на которых подвергнуть критике методы работы художников, подпавших под влияние Славкина и подобных натурщиков. Такие собрания состоялись.

Все портреты, написанные со Славкина, сняты.

Теперь установлен такой порядок, который обеспечивает государственный контроль за всей фотопродукцией, имеющей общественно-политический характер. Управление пропаганды обязало Главлит издать следующий приказ: все фото и типографские портреты, картины, рисунки, плакаты и т. д., имеющие общественно-политический характер и предназначенные к выпуску в количестве более 10 экземпляров, разрешаются только Центральным Главлитом в Москве. Ни один обллит, крайлит союзной республики не имеют права разрешать издание таких портретов, снимков и т. д. Центральный Главлит разрешает опубликование с согласия Отдела печати Управления пропаганды.

В проекте правил охраны государственной тайны на главного цензора возложен контроль за всеми произведениями искусства, в том числе и за фотопродукцией.

2) Предложение т. Белякова о том, чтобы посмертная маска В. И. Ленина была передана от скульптора С. Д. Меркурова в музей В. И. Ленина, как выяснилось, объясняется недостаточной компетентностью т. Белякова. В мастерской скульптора Меркурова оригинала маски не оказалось. После долгих поисков удалось установить, что оригинал маски находится в сейфах самого музея В. И. Ленина. Пока был установлен оригинал, необходимо было проверить десятки копий, находящихся в различных учреждениях.

Тов. Беляков считал, что оригинал маски — это гипсовая форма, снятая с лица В. И. Ленина, между тем, первая гипсовая форма, которая накладывается на лицо, разбивается, т. к. иначе не вынуть первого слепка. Оригиналом, т. е. первым снимком, который остается, считается первый отлив по маске, снятой с лица. Затем с этого уже оригинала снимаются остальные маски. Оригинал отличается от остальных масок тем, что на нем не видно следов от составных форм и, главное, на нем остается часть волосков из усов, бороды, бровей и головы.

Отдел печати Управления пропаганды считает, что установленный теперь порядок просмотра фото и изопродукции исключает появление искаженных и недоброкачественных снимков, имеющих общественно-политический характер. Этот порядок узаконяется правилами и положением о Главном цензоре при СНК СССР.

Зам. зав. Отделом печати Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) *Н. Кондаков*

13.VI.1941 г.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 70.

Публикация ЛЮДМИЛЫ КОШЕЛЕВОЙ и ТАТЬЯНЫ МАКСИМОВОЙ

ЮРИЙ АКСЮТИН

ПОСЛЕВОЕННЫЕ НАДЕЖДЫ

Победа над фашистской Германией, конечно, опьяняла сознание советских людей, внушала им гордость за свою страну, за свой народ. И на это сознание официальной пропагандой небезуспешно накладывалась вера в «мудрость вождя и учителя», «организатора и вдохновителя всех побед». Об этом свидетельствовали буквально все направляемые в Москву партийными комитетами сводки о политических настроениях на местах, которые хранятся в бывшем Центральном партийном архиве.

Тем не менее в обществе наступила пора каких-то неопределенных надежд на лучшее, на «послабление», на долгожданную человечность и естественную после всего пережитого мягкость. Подобный социальный оптимизм порождал у людей стремление как можно быстрее преодолеть последствия войны, не жалея на это ни сил, ни времени, ни здоровья. И буквально все информационные сводки о политическом настроении населения полны сведений о «новой волне трудового героизма».

Разумеется, любой героизм, в том числе и трудовой, не может быть ни массовым, ни продолжительным по времени, на него способны только единицы, и их рекордные достижения нельзя повторять всем, а тем более каждый день. За подъемом следует спад. Для нового подъема, для новой волны требуются новые благоприятные условия. А их не было. Мало того, все громче раздавались голоса измученных войною людей с требованием дать им наконец вкусить долгожданных плодов побед и мира. «В годы войны мы отказывали себе во всем, понимая, что все должно идти для победы. Теперь хочется, чтобы о нас побольше проявили заботы», — рассуждал рабочий фабрики им. Фрунзе в Москве Локотецкий. Повсеместно высказывалась мысль о необходимости увеличить норму выдачи хлеба. «Народ сильно подносил здоровье, и было бы неплохо побыстрее повысить хлебный паек до 800 граммов», — делился своими соображениями в частной беседе с другими рабочими сварщик завода «Мосгаз» Еремин. Но особенно раздражало то, что и эту низкую норму заполучить часто не было возможности. «Почему в столовой опять нет хлеба?» — возмущались рабочие завода № 510 в Омске. «Когда станут полностью отоваривать продовольственные карточки, в частности на сахар?» — недоумевали новосибирцы.

Еще один вопрос поднимался рабочими, как отмечалось в партийных сводках, «почти повсеместно»: о необходимости отмены законодательства военного времени, особенно в сфере трудового права. «Когда мы перейдем на 8-часовой рабочий день? — настойчиво интересовались рабочие в цехе № 300 Кировского завода в Челябинске. — Ведь товарищ Сталин заявил о переходе на мирное строительство. Да и танков теперь меньше надо будет». На совещании председателей цеховых профсоюзных комитетов завода «Красный Аксай» в Ростове-на-Дону некоторые из них потребовали вернуться к 8-часовому рабочему дню и установить регулярные выходные дни.

Со стороны эвакуированных и мобилизованных рабочих, а также направленных в принудительном порядке на предприятия и стройки из деревни нарастали требования вернуть их к прежнему месту жительства и работы. На Березняковском содовом заводе рабочие «целыми группами» осаждали отдел кадров, заявляя: «Нас мобилизовали на период войны. Война кончилась, и вы не имеете права нас тут держать». У директора завода № 78 в Челябинске Заболуева в течение нескольких дней побывало 350 человек с настойчивыми просьбами об отпуске их на прежнее местожительство.

Отказ в удовлетворении этих требований отнюдь не способствовал улучшению социально-психологического климата в производственных коллективах.

У колхозников особое недовольство вызывал очередной государственный заем обороны, подписка на который была приурочена как раз к празднованию Победы. Если у рабочих и служащих деньги на этот заем автоматически высчитывались из их зарплаты, то сельчанам, чтобы выкупить облигации, приходилось что-то отрывать из своих скудных припасов и отвозить на рынок, что для подавляющего большинства означало обречь себя до осени на голод. Вот что говорится об этом в информационной сводке Воронежского обкома ВКП(б). П. Ф. Кузнецова (колхоз «Пролетарий», Верхне-Хавский район) заявила: «Мой муж погиб... С первых дней войны не имею о нем известий, так что мне радости все равно нет. И на заем подписываться не буду». Так же категоричен был и К. Д. Хардин (Пластинский сельсовет, Дрягинский район): «Платить не будем. Довольно нам лямку тянуть. И так сидим голодные и холодные».

Ослабление трудовой дисциплины отмечалось во многих майских информационных сводках. «Хватит напряженно работать. Устали! — говорила не только своим рабочим, но и начальству бригадир Оторчан на аккумуляторном заводе в Подольске. — Пусть приходят мужики работать». А когда мастера Истомина в цехе № 27 комбината № 179 в Новосибирске стали спрашивать, почему его участок сорвал график, он принялся рассуждать: «Раньше я мобилизовывал коллектив на освобождение нашей земли, а теперь Германия разбита, и нечего портить металл на снаряды».

Еще сильнее подобные настроения проявлялись в деревне. Так, Одесский обком КП(б)У бил тревогу: в Ширяевском районе значительно сократились темпы сева, в отдельные дни сеяли лишь 150—200 гектаров при задании в 630 гектаров; в ряде колхозов Доманевского района ведутся такие разговоры: «Довольно давать своих коров на полевые работы!» Фиксируемые партийными комитетами «упадочнические высказывания» колхозников нередко прямо перерастали в «антисоветские». Вот в чем убеждал, например, своих собеседников некто Шурыгин в Пензенской области: «Ничего не выйдет, если не распустят колхозы. Поля запущены, скота нет, никто работать не хочет... Крестьянин проклинает тех, кто выдумал колхозы... Я думаю, что эта система была введена по указанию немцев, чтобы развалить хозяйства и ослабить Россию с целью завоевания. Все ждут, что, как распустят армию по домам, колхозы отменят. Надо перевести всех на индивидуальное хозяйство, как было в 1927 году. Тогда восстановят все, завалят продуктами и деревню, и город».

Ошибался этот Шурыгин в отношении немцев как инициаторов коллективизации или лукавил, нам неизвестно. Но мысль его о том, что без роспуска колхозов «ничего не выйдет», разделялась многими.

Насколько широко были распространены ожидания и надежды на коренные перемены в социально-экономическом и политическом строе, сказать трудно. Можно только с достаточной уверенностью предполагать, что они не были ни всеобщими, ни единичными. Если бы они были всеобщими, то это наверняка проявилось бы в каких-то массовых выступлениях, а сведениями о таковых мы не располагаем. Если бы они были единичными, то стекавшиеся на Старую площадь сводки о политических настроениях, без всякого сомнения, обошли бы их молчанием. Скорее всего эти ожидания и настроения следует рассматривать как определенную тенденцию, причем ничего хорошего не сулящую верхам. Судя по всему, именно так и рассматривали ее там.

И вообще, наряду с чувством облегчения и радости от окончания войны, среди значительной части населения наблюдались и настроения отнюдь не веселые, полные горести; разочарования и тревоги за будущее. «Когда кончилась война, — вспоминал переводчик Николай Любимов, уже побывавший в тюрьме и ссылке, — мы, конечно, радовались окончанию кровопролития, но и знали, что ничего хорошего ждать не приходится»[1]. Дочь известного критика и детского писателя Лидия Чуковская так излагала в те дни свои ощущения в стихах: «Слово «мир» — а на душе тревога. Слово «радость» — на душе ни звука. Что же ты, побойся, сердце, Бога. Разумеешь только слово: «мука»?» [2]

А вот как пытался осмыслить и объяснить эти настроения социально-политического пессимизма директор Пензенского городского треста озеленения Ф. В. Ефремов: «Победа над Германией никаких измеиений не внесла... Народ обманут в своих ожиданиях. Кое-кто полагает, что что-то переменится после возвращения людей с фронта. Бесполезно: усилят роль НКВД, и сказать будет ничего нельзя. Ждали изменений 25 лет, придется ждать еще не меньше».

Уже на следующий день после Победы советская печать начинает целенаправленную кампанию по созданию образа нового врага. Но для того чтобы народ снова почувствовал себя находящимся в «осажденной крепости», нужно было что-то посущественнее. Что именно? Может быть, на самом деле продолжение войны в Европе? Такая перспектива серьезно обсуждалась на одном из совещаний у Сталина. Маршал Семен Буденный объявил большой ошибкой то, что Красная Армия остановилась на Эльбе и не двинулась дальше в Западную Европу, хотя в военном отношении это, по его мнению, было несложно. Легендарный кавалерист утверждал, что надо было «сразу разрубить саблей все это с головы до того места, откуда ноги растут»[3].

В этом он был не одинок. Давид Самойлов, сотрудник разведотдела штаба 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Георгий Жуков, писал: «Вариант дальнейшего похода на Европу — война с нынешними союзниками — не казался невероятным ни мне, ни многим из моих однополчан. Военная удача, ощущение победы и непобедимости, не иссякший еще наступательный порыв — все это поддерживало ощущение возможности и выполнимости завоевания Европы. С таким настроением в армии можно было не останавливаться в Берлине, если бы реальное соотношение сил было иным...»

«Если бы реальное соотношение сил было иным...» Это прекрасно понимал и Сталин, не согласившись с Буденным. Но довод он привел не тот, что имел в виду Самойлов, а совершенно другой. «А как мы их будем кормить?» — спросил он без тени смущения. Но саму идею, при всей ее чудовищности, не отверг[4].

Но были ли у него основания для таких расчетов? Да, были. Милитаристские настроения были свойственны не только людям военным. Они довольно глубоко коренились в имперской ментальности значительной части гражданского населения. «Будут ли увеличены государственные границы СССР на западе?» — задавался, например, вопрос в Ярославской области. «Каково будет теперь наше отношение к Турции? Предъявит ли наше правительство какие-либо требования к ней?» — спрашивали в Челябинской области.

Настойчивые и все усиливавшиеся слухи о предстоящем вступлении СССР в войну с Японией на Дальнем Востоке вызывали не только ощущение тревоги и даже боязни, но и чувства совсем иного рода. Одни, например, утверждали, что «надо рассчитаться с Японией» (Каменщиков, Трупов и Минаев в беседе с агитатором на заводе № 88 в Московской области), и предлагали «проучить ее под горячую руку» (работники Буринского совхоза в Челябинской области). Другие деловито интересовались: «Имеем ли мы право на КВЖД? Полностью ли расплатилась за нее Япония?»

Особый счет, естественно, предъявлялся Германии. «Почему мы и союзники не можем разделить Германию?» — требовали ответа в колхозе «Завет Ленина» (Обливский район Ростовской области). «Является ли раздел Германии на зоны шагом к ее окончательному расколу?» — интересовались челябинцы. «Кому будет передана территория Восточной Пруссии?» — спрашивали на судоремонтном заводе в Таганроге.

На наш взгляд, именно на такого рода милитаристские, имперские настроения и делал ставку Сталин, беря курс на разрыв с союзниками. Только разрыв этот должен был произойти не сразу (подобный резкий поворот внешней политики в 1939 году так и не был понят и принят народом), а постепенно, проходя через определенные этапы, причем так, чтобы вину за каждое очередное охлаждение и обострение отношений с вчерашними союзниками можно было свалить на противоположную сторону.

Этими этапами явились: совещание глав государств и правительств «большой тройки» в Потсдаме, обмен нотами с Анкарой о проливах Босфор и Дарданеллы, сопровождаемый территориальными претензиями правительств Грузинской и Армянской ССР; проволочка с выводом советских войск из Маньчжурии, куда перенесла свою основную вооруженную базу Компартия Китая, и из северного Ирана, где были провозглашены Азербайджанская и Курдистанская «демократические» автономии; гражданская война в Греции; ликвидация оппозиции в Югославии и притеснение ее в Болгарии, Румынии и Польше и, наконец, заявление Черчилля 6 марта 1946 года в Фултоне о «железном занавесе». Так было положено начало «холодной войне».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Независимая газета. 1992. 5 августа. С. 5.
2. Горизонт (Москва). 1990. № 7. С. 50.
3. Цит. по: Известия. 1992. 11 февраля. С. 6.
4. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок// Аврора. 1990. № 2. С. 89.

В статье также использованы материалы Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 469, 421, 426, 473, 451, 429, 412, 459.

«...О СЕМИ ИЗ ТЫСЯЧ ПОВЕШЕННЫХ»

ПЕРЕПИСКА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И ГЕРМАНА БЕРНШТЕЙНА

Герман Давидович Бернштейн (1876—1935) — американский писатель, переводчик, журналист и дипломат. Родился в местечке Нойштадт-Шервинд на тогдашней русско-немецкой границе. В 1886 году вместе со своими родителями переехал в г. Могилев, а в 1893 году эмигрировал в США.
Переводил на английский язык сочинения Толстого, Чехова, Горького, Л. Андреева. Адаптировал для американской сцены произведения русских писателей.
В 1909 году он перевел на английский язык «Рассказ о семи повешенных» Андреева. Это произведение, по мнению Г. Бернштейна, открывало миру глаза на ужасы контрреволюционного террора, совершаемые в России после революции 1905—1907 гг., и ставило его автора в один ряд с такими русскими писателями, как Достоевский, Тургенев, Толстой.
После встречи Германа Бернштейна с Леонидом Андреевым их знакомство поддерживалось дружеской перепиской. Интересно отметить факт: свои письма к Толстому (за исключением одного-двух), Чехову, Короленко, Горькому Г. Бернштейн писал по-английски, Л. Андрееву — только по-русски.

6 октября 1908 года Г. Бернштейн написал Л. Андрееву:

«Дорогой Леонид Николаевич!

Я надеюсь, что Вы получили мое письмо с вырезкой из «Times» о нашем интервью — насколько я могу судить оно произвело глубокое впечатление — и Американцы уже заинтересованы и с нетерпением ожидают появления Вашего рассказа о семи повешенных. Мой перевод Вашего рассказа близится к концу и я веду переговоры с одной из лучших в Америке издательских фирм.

Знаменитый инцидент с Горьким во время его пребывания в Америке и последовавшее затем «пуританское общественное негодование» устрашили издателей. До тех пор они искали новинки русской литературы.

Но я уверен, что «Рассказ о семи повешенных» вызовет громадный интерес как в Америке, так и в Англии — и восстановит престиж, значительно утерянный, молодой русской литературы — в Америке.

Престиж же был утерян и потому, что переводы на английский язык были по большей части плохи и представляли оригинал в ложном виде. Авторизированный перевод «Фомы Гордеева» Горького[1] может в данном случае служить примером.

Так как мой перевод Вашего рассказа будет одновременно издан в Америке и в Англии, то, по моему мнению, было бы желательно, чтобы Вы написали предисловие к этому изданию.

«Рассказ о семи повешенных», по моему глубокому убеждению, помимо своей литературной ценности, откроет глаза Американскому обществу на «порядки» в России.

Когда Вы соберетесь приехать в Америку — что я надеюсь будет очень скоро — «Рассказ о семи повешенных» будет Вашей лучшей рекомендацией — и ни на минуту не сомневайтесь, что Вас ждет самый сердечный прием здесь.

Я настолько ценю Ваши произведения и уверен в их успехе в Америке, что готов принять на себя переводы всех Ваших произведений, которые Вы собираетесь опубликовать в будущем. Так как между Россией и Америкой не существует конвенции, защищающей авторские права, то необходимо будет в будущем всякое новое Ваше произведение одновременно издать в обеих странах. Если Вы согласны на мое предложение, то мне желательно узнать Ваши условия.

Шлю Вам и Mme Andreyev[2] мой искренний привет и лучшие пожелания.

С глубоким уважением,

Герман Бернштейн»

Леонид Андреев ответил письмом от 5/18 октября 1908 года.

«Териоки. Финляндской ж. д.
местечко Ваммельсу

— Не умею я, многоуважаемый г. Бернштейн, сочинять предисловий: быть может написанное годится в качестве такового? Тогда, пожалуйста, печатайте.

Относительно закрепления и перевода для Америки и Англии дальнейших моих вещей, я ничего не имею против и желал бы знать Ваши условия. Не знаю, известно Вам или нет, что мои вещи печатаются одновременно с Россией на русском языке в Берлине и тем самым становятся под защиту конвенции[3]. Быть может Вы нашли бы более для себя удобным сговориться относительно переводов с берлинскими моими издателями, — тем более что без них я этого вопроса решить не могу. Таков наш договор. Адрес: Berlin, Uhland-strasse, 15, an Herrn J. Ladischnikoff.

Большое спасибо за Вашу книгу и за фотографию.

В «Семи повешенных» при переводе я прошу Вас, вставить фразу, выброшенную по цензурным соображениям. Именно: стр. 236, Альманах «Шиповника», 27 строка сверху — нужно читать так:

От священника также все отказались. Цыганок сказал:

— Буде, батя, дурака ломать: ты меня простишь, а они меня повесят. Ступай, откудова пришел.

И темный широкий силуэт молча... и т. д.[4]

Быть может Вам понадобится мой портрет или вообще фотографии? Могу прислать, а Вас, в свою оче-

редь, попрошу: пришлите мне «Повешенных» когда они выйдут в переводе и сообщите как отнесется американская пресса к этому рассказу. Кстати — по-английски я не понимаю и верст на тысячу кругом нет ни одного человека, который понимал бы.

Крепко жму Вашу руку. Ужасно жалею, что нелепая зубная боль помешала нашей беседе.

Посылаю последний Альманах с моим рассказом[5] — только что вышел. Как он может показаться на вкус Американской публике?

Уважающий Вас

Леонид Андреев»[6].

Во втором письме, прилагаемом к первому, Леонид Андреев писал:

«Я очень рад, многоуважаемый Г. Бернштейн, что «Рассказ о семи повешенных» будут читать на английском языке. Несчастье всех нас в том, что мы очень мало или совсем даже ничего не знаем друг о друге — ни о душе, ни о жизни, ни о страданиях, ни о привычках, наклонностях и стремлениях. И художественная литература, которой я имею честь служить, тем и дорога мне, что благороднейшей задачей своею ставит уничтожение границ и расстояний.

Как в жесткую скорлупу, заключен каждый человек в свою оболочку из тела, платья и жизни. Кто он? — об этом мы только догадываемся; в чем его радость и печаль? — об этом мы только гадаем по его поступкам, часто загадочным, по его смеху и слезам, часто совершенно нам не понятным. И если мы, русские, живя в тесноте и постоянной обиде, так плохо понимаем друг друга, что казним безжалостно там, где надо только жалеть или даже награждать, и награждаем в тех случаях, когда нужно карать презрением и гневом — то насколько же труднее Вашим соотечественникам понять далекую Россию? Пожалуй, не менее трудно, чем нам, русским, понять далекую Америку, о которой в юности мы мечтаем и над которою так глубоко задумываемся в зрелом возрасте.

Еврейские погромы и голод; парламент и казни; грабежи и величайшее геройство; «черная сотня» и Лев Толстой, — какое смешение лиц и понятий, какой обильный источник для всяческих недоразумений. Правда жизни испуганно молчит, и громко кричит ее наглая ложь, вызывая неотвязные и мучительные вопросы: кому сочувствовать? кому верить? кого любить?

В рассказе о «Семи повешенных» я попытался дать искренний и беспристрастный ответ на некоторые из этих вопросов.

Несколько сдержанно и мягко отнесся я к правящей и казнящей России, об этом лучше всего говорит сама русская цензура, допустившая книгу к обращению. Свидетельство достаточное, если вспомнить, сколько книг, брошюр и газет нашло вечный покой в мирной сени полицейских участков, поднялось к терпеливому небу с дымом и пламенем костра.

Но я и не стремился, впрочем, к осуждению правительства, слава об уме и добродетелях которого проникла далеко за пределы нашего несчастного отечества. Скромное и стыдливое не в меру своих достоинств, оно искренне хотело бы уклониться и от этой части, но, к сожалению, свободная печать Америки и Европы не пощадила его скромности и дала достаточно яркую картину славной деятельности его. Может быть, здесь я и не прав: очень возможно, что многие честные люди Америки верят в чистоту намерений русского правительства — но это вопрос столь сложный, что нуждается в специальной разработке, для которой необходимо и время и душевное спокойствие. Но нет спокойной души в России.

Моей задачей было: указать на ужас и недопустимость смертной казни — при всяких условиях. Велик ужас казни, когда она постигает людей мужественных и честных, виновных лишь в избытке любви и чувства справедливости — здесь возмущается совесть. Но еще ужаснее веревка, когда она захлестывает горло людей слабых и темных. И как ни странно покажется это: с меньшей скорбью и страданием я смотрю на казнь революционеров, подобных Вернеру и Мусе, нежели на удавление этих темных, скорбных главою и сердцем убийц — Янсона и Цыганка. Даже последнему, безумному ужасу неотвратимо надвигающейся смерти могут противопоставить: Вернер — свой просвещенный ум и закаленную волю, Муся — свою чистоту и безгрешность... а чем могут отозваться слабые и грешные, как не безумием, как не глубочайшим потрясением всех основ своей человеческой души? А их то, набивши руку на революционерах, и вешают теперь по всей Руси: где по одному, где сразу по десятку. Играющие дети натыкаются на плохо зарытые трупы и собравшийся народ с ужасом смотрит на торчащие из-под земли лапти; прокуроры, присутствующие при казнях, сходят с ума и отвозятся в больницу — а их все вешают, все вешают...

Я глубоко благодарен Вам, г. Бернштейн, за труд, который Вы взяли на себя переводом этой печальной повести. Зная чуткость американского народа, когда-то пославшего через океан корабли с хлебом для голодающей России, я уверен, что и здесь мои соотечественники, в своей злой и горькой доле, встретят понимание и сочувствие. И если моя правдивая повесть о семи из тысяч повешенных поможет разрушиться хоть одной перегородке, отделяющей народ от народа, человека от человека, душу от души — я почту себя счастливым.

Уважающий Вас

Леонид Андреев

Ваммельсу, Финляндия»[7].

В 1909 году в связи с исполняющимся столетием со дня рождения Гоголя в Москве должны были состояться торжества по случаю открытия памятника великому писателю. Л. Андреев, как член Общества любителей российской словесности при Московском университете, получил приглашение присутствовать на торжествах. В письме председателю общества А. Е. Грузинскому от 23 апреля 1909 года Андреев писал:

«Многоуважаемый Алексей Евгеньевич!

Ежедневно совершаются казни, возвращая нас ко временам варварства и развращая народ, измученный тиранией; переполнены тюрьмы, и многие писатели изнемогают в тюрьмах от болезней, другие же едят горький хлеб изгнания и томятся тоской по родине;

полицейский произвол безграничен и еще совсем недавно с варварской грубостью и циничной прямотой правительство запретило чествование Льва Толстого. При этих условиях открытие памятника Гоголю в Москве не может иметь значения торжества народного. И высоко чтя память великого Гоголя, я отказываюсь ехать на праздник, в котором не вижу праздника. И веря крепко в силу русского народа, я буду терпеливо ждать того светлого дня, когда сам народ, освободившийся от виселиц и тюрем, вне рамок гнусной цензуры, провозглашает вечную славу своему бессмертному и великому сыну.

Уважающий Вас,

Леонид Андреев»[8].

Герман Бернштейн знал об этом послании Андреева и просил его, вероятно, в одном из своих писем прислать ему. Упоминание о нем находим в письме Бернштейна из Ялты, написанном 28 мая 1909 года:

«Дорогой Леонид Николаевич!

И я, и Вы опять забыли о Вашем письме по поводу юбилея Гоголя. Будьте так добры прислать его мне в Константинополь American Embassy[9]. Благодарю Вас и Вашу супругу за Ваше любезное внимание ко мне.

Шлю Вам искренний привет.

Герман Бернштейн.

Поклон г[осподину] Евгению Чирикову[10] и супруге, всем с которыми я имел удовольствие познакомиться у Вас»[11].

«Глубокоуважаемый Леонид Николаевич —

Большое спасибо за письмо по поводу юбилея Гоголя — я дам его в одной из моих статей о России. Я был очень огорчен известием о том, что Вы больны. — Надеюсь, что Ваше здоровье совершенно поправилось.

Я собираюсь оставить Константинополь на днях и вернуться домой. Мой адрес: 445 Wendover Avenue, New York.

Шлю Вам искренний привет и кланяюсь всем Вашим.

Глубоко уважающий Вас,

Герман Бернштейн».

Леонид Андреев ответил не скоро, 2 января 1910 года.

«Многоуважаемый г. Бернштейн.

Простите, что долго не писал, был очень занят устройством некоторых своих дел.

Альбом «Анатэмы» в Художественном театре[12] послал Вам как только сам его получил (по Вашему старому адресу). Постановка в Петербурге, при плохих актерах нисколько не уступала московской, а по цельности настроения была, пожалуй, и выше. К сожалению бездарная петербургская пресса не сумела этого оценить, и театр незаслуженно вынес массу нареканий[13].

Вы читали вероятно какому ожесточенному преследованию подвергся «Анатэма», а с ним вместе и я? Всколыхнулись все придворно-духовные сферы, загалдели черносотенцы и архиепископ Гермоген, после торжественного богослужения в соборе предал меня анафеме. За ним пошли проклинать меня и другие попы. И теперь я совсем анафома, с ног до головы[14].

В Америку приехать в нынешнем году не могу, слишком далеко, слишком долго, слишком мокрая дорога. Подожду аэроплана, хотя я так тяжел на подъем, что и аэроплан меня не поднимет. Здесь, в России десятки городов просят меня приехать, а я только любезно улыбаюсь, обещаю — и сижу дома.

Кончил пьесу, небольшую комедию на мотивы студенческой жизни[15] — посылать ли ее Вам? В России она по всем данным будет иметь успех, в роде «Дней нашей жизни»[16], но как в Америке, не знаю. Загадочная страна Америка. Бог ее знает о чем в ней люди думают.

Спасибо за деньги.

Крепко жму Вашу руку

Леонид Андреев

2 янв[аря] 1910 г.»[17].

Письмо Бернштейна от 11 октября 1910 года целиком посвящено переводам сочинений Андреева на английский язык.

«Дорогой, Глубокоуважаемый, Леонид Николаевич!

Простите, что так долго не писал Вам.

Наконец «Анатэма» выходит в свет в английском переводе. Я заключил контракт с самой лучшей и известной издательской фирмой в Америке и Англии — The Macmillan Company.

Думаю, что книга произведет фурор в литературном мире здесь и в Англии — и в Колониях.

Условия следующие: The Macmillan Company будет платить нам $12\frac{1}{2}$ цента (или, как Анатэма говорит, 25 копеек) за каждый экземпляр — цена экземпляра 1 dol[lar] 25 c[ents].

Счет — 2 раза в год.

Очень возможно, что Анатэму также поставят на Американской сцене в эту зиму[18]: трагедия также пойдет на еврейской сцене[19] в ноябре.

Американцы еще не доросли до таких произведений, но они растут быстро — очень быстро.

Я вышлю Вам на днях несколько экземпляров «Анатэмы». Я послал Вам «Times», где я дал перевод Вашего рассказа «Мои записки» — под названием «Человек, который нашел Правду»[20]. Я дал его именно теперь в «Times», чтобы помочь «Анатэме». Скоро вышлю Вам деньги за рассказ.

Будьте так добры прислать мне «Gaudeamus». Судя по сюжету, эта пьеса может иметь успех здесь.

Пришлите мне также все Ваши новые произведения в рукописи. The Macmillan Company издаст их — эта фирма, конечно, более интересуется романами — т. е. длинными рассказами, чем драмами — и очень редко издает драмы. Но они ожидают что «Анатэма» произведет сенсацию.

Я бы мог достать для Вас хорошие цены за Ваши рассказы в журналах — теперь, после появления «Анатэмы», — если бы «copyright law»[21] существовал между Россией и Америкой.

Теперь всякий может...»[22] — на этом письмо обрывается, последующие страницы не сохранились.

Следующее письмо, имеющееся в нашем распоряжении,— пространное послание Леонида Андреева Герману Бернштейну от 28 июля 1919 года, написанное за

полтора месяца до смерти русского писателя. В нем он подробно рассказывает о вопросах, мучительно волновавших его в то время. Думается, это последнее письмо Леонида Андреева к Герману Бернштейну.

«Дорогой г. Бернштейн!

Пишу — и не знаю, найдет ли Вас мое письмо. На всякий случай копии письма рассылаю в другие места, где могут знать о Вашем местонахождении.

Дело в том, что я решил-таки ехать в Соединенные Штаты: видно, от своей судьбы не уйдешь. Причины, которые заставляют меня предпринять это путешествие, весьма нелегкое при моем нездоровьи и укоренившихся привычках к домоседству, двоякого рода.

Первое. Уже два года, с момента большевистского переворота, проживая безвыездно в Финляндии, я утомился и хвораю от безделья. Неясность политического положения, постоянно обманывавшая надеждами на скорое возвращение в СПБ., держала меня в состоянии напряженного ожидания и не давала возможности уехать за границу, где я мог бы найти работу по моим силам. Писать же отсюда в заграничные издания было трудно: одна почта с ее медленностью и цензурой брала столько времени, что всякая злободиевная статья являлась бы запоздалою. Например, отсылка моей статьи «С.О.С»[23] по телеграфу стоила около 20 т[ысяч] рублей, а появилась она в печати через месяц с лишним. С другой стороны, отсутствие в Финляндии больших газет и журналов европейского распространения лишало меня возможности работать и здесь. И я решил: до осени ждать взятия СПБ., а иначе — уезжать за границу. Из всех стран Согласи[я] куда можно поехать, я остановился на мысли об Америке, которая дает больший п р о с т о р и где, по Вашим словам и словам других моих американских друзей, ко мне относятся весьма дружелюбно[24]. Для моих целей это имеет большую важность и вот почему я обращаюсь к Вам за содействием.

Второе. Как и все, кто не имел миллионов за границей, я почти разорен этими двумя годами непомерно дорогой жизни, обесценением русских денег и отсутствием заработка. Театры, издани[е] газеты, наконец, деньги в банке — все это осталось в России, а здесь ничего. У меня есть новые рукописи, но что с ними делать? Правда, мне предлагали мой новый роман издать в Швеции, но все так неопределенно, так далеко, и я так мало знаю людей, которым приходилось поручать это важное для меня дело, что я — отказался. Мне надо заработать денег — вот что заставляет меня, домоседа, тронуться в путь и, как многих других, искать счастья в Америке.

Но это соображение вторичного порядка. Основная цель моей поездки — это бороться словом с большевиками, сказать о них п р а в д у со всей силой и убедительностью, на какие я способен, и пробудить в Америке чувство приязни и сочувствия к той части русского народа, что героически борется за возрождение России. Борьба трудна и мучительна и сочувствие великого народа ускорит победу и уменьшит страдания тех, кто ежечастно гибнет в мрачной, распутной и кровавой Совдепии. Так как большевизм страшен не для одной России, то разоблачение его имеет значительный интерес и для самой Америки.

Таким образом, деятельность моя в Америке будет заключаться в 1) лекциях, 2) статьях в журналы и газеты и 3) в постановке моих пиес, издании рукописей и т. д. Добавлю, что английским языком я не владею, и это должно быть принято в расчет при вопросе о лекциях и остальном. Время, которое я могу пробыть в Штатах, зависит от политического состояния России, но во всяком случае никак не меньше трех месяцев, считая началом приблизительно конец сентября.

Обращаюсь к Вашему содействию, которое Вы так любезно мне предлагали когда-то, я попрошу Вас, дорогой г. Бернштейн, помочь мне указанием или приисканием такого лица, которое взялось бы, при известных гарантиях с его стороны, организовать эту поездку. Впервые предпринимая такого рода турнэ, я пока не могу поставить с в о и х условий и буду надеяться, что и в этом случае Вы, зная мои цели, поможете мне Вашим опытом, знанием американской жизни и советами. Я никогда совсем не расставался с семьей и теперь хочу взять с собою жену, Анну Ильинишну, и десятилетнего сына Савву[25]. Между прочим, лицо, которое возьмется организовать поездку, должно взять на себя и хлопоты о визе, если в таковой к тому времени еще будет надобность; также должны быть авансированы расходы на переезд (из расчета на троих лиц).

Так как письма идут очень медленно, то я прошу Вас о получении настоящего письма уведомить меня телеграфом; у меня есть еще некоторые другие планы, осуществление коих будет зависеть от исхода этих наших разговоров. При отработке условий моей поездки, для сбережения времени, все обстоятельства, равно как и гонорар, должны быть указаны точно и категорично, дабы я также мог дать мой ответ по кабелю. Одно из главнейших моих условий: избавление меня от излишних хлопот при переезде и дальнейших передвижениях в Америке. Хорошо было бы, если бы в письме были намечены темы, особливо интересные и важные для мало знакомой мне американской публики. На время поездки мне необходим секретарь-переводчик, будет ли таким доброволец-юноша из русских или платный по соглашению с импрессарио.

Простите за невольное беспокойство, но во время наших редких и коротких встречь Вы всегда были так любезны, что это дало мне смелость обратиться к Вам за этой очень важной для меня услугой. Буду очень благодарен за Ваш ответ и питаю надежду, что вскоре наша встреча примет более длительный характер и закрепит те узы симпатии, которые уже давно соединяют нас через океан.

Мой адрес для писем и телеграмм (письма заказными): Финляндия, Териоки, Леониду Н. Андрееву

Ваш Леонид Андреев

28 июля 1919 г.»[26].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перевод повести М. Горького «Фома Гордеев», сделанный Бернштейном, вышел в Нью-Йорке в 1901 г. и выдержал ряд переизданий (1909, 1912, [194—]).
2. Госпоже Андреевой (фр.).
3. 6(19) августа 1905 года Л. Андреев заключил договор с издательством И. П. Ладыжникова в Берлине, согласно которому Ладыжников получал исключительное право на издание и переводы новых произведений Андреева за рубежом. Срок действия договора был определен до 1(14) января 1911 года (Архив Горького. Фонд И. П. Ладыжникова).
4. В Полном собрании сочинений Леонида Андреева в издании А. Ф. Маркса 1913 г. это место в рассказе не восстановлено и до сих пор печатается в искаженном цензурой варианте.
5. Имеются в виду «Мои записки»: Лит. худ. альманахи издательства «Шиповник». Кн. 6. СПб., 1908.
6. Yivo Institute for Jewish Research, фонд Г. Бернштейна. Публикуется впервые.
7. Впервые опубликовано в США факсимиле в издании: «The seven who were hanged. A story by Leonid Andreyev», New York, [1909], p. 7—10. Затем в России в выдержках в статье «Леонид Андреев — американцам»//«Русское слово», 1909 г. № 91, 22 апреля. С. 2. И полностью — в статье С. П. Ильева «Авторская интерпретация «Рассказа о семи повешенных»//«Русская литература XX века (дооктябрьский период)». Выпуск 5. Тула, 1974. С. 123—125. Оригинал хранится в Yivo Institute for Jewish Research.
8. «Литературное наследство». М.: «Наука», 1965. Т. 72. С. 337.
9. Американское посольство (англ.).
10. Евгений Николаевич Чириков (1864—1932) — русский писатель.
11. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 5. Публикуется впервые.
12. Имеется в виду издание: «Анатэма» в постановке Художественного театра. Художественная фототипия. М.: изд. К. Фишер, 1910.
13. Премьера «Анатэмы« в Московском Художественном театре состоялась 2 октября 1909 г. Спектакль был с интересом принят публикой. В рецензиях особо отмечалось великолепное исполнение В. И. Качаловым роли Анатэмы. Андреев тоже был восхищен игрой В. И. Качалова, отмечал достоинства постановки, но указывал, что Московский Художественный театр, работая над «Анатэмой», отошел от авторской интерпретации как Анатэмы, так и его пьесы в целом. Вместе с тем Андреев опасался, что попавшие в печать его слова о том, что он «недоволен» режиссурой Вл. И. Немировича-Данченко, могут осложнить его отношения с Московским Художественным театром. «Очень неприятны газетные слухи о том, что я недоволен «Анатэмой» в Художественном театре <...>, — писал Л. Андреев сотруднику «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» А. А. Измайлову.— Дело же в том, что хоть я и недоволен постановкой, но Худож[ественный] театр сам по себе настолько крупный художник, работы его настолько добросовестны и сериозны, что ограничиться простым и легкомысленным выражением недовольства было бы нелепо <...>. К критике Худож[ественного] театра нужно подходить очень сериозно, с большой осторожностью, а не с кондачка. Приписывание же мне заявления: «я недоволен постановкой» припахивает хлестаковщиной» (цит. по комм. В. Н. Чувакова в кн. Леонид Андреев. «Пьесы». Москва: «Искусство», 1959. С. 577). Первое представление «Анатэмы» в Петербурге состоялось в Новом драматическом театре 27 ноября 1909 г. Здесь пьесу ставил А. А. Санин, а в роли Анатэмы был занят молодой артист М. Я. Муратов. Петербургские рецензенты дали о спектакле отрицательные отзывы: «Исполнение вполне соответствовало внешней постановке, — писало «Обозрение театров». — Со сцены не раздавалось ни одного живого слова. Актеры и актрисы препротивно стонали и карикатурно позировали. Все было сделано для того, чтобы пьеса, как театральное представление, не имела успеха» («Обозрение театров», 29 ноября 1909 г., № 919). Андреев, не присутствовавший на премьере, прислал А. А. Санину и исполнителям пьесы поздравительную телеграмму. В личных разговорах и беседах Андреев говорил, что спектакль, поставленный А. А. Саниным, ближе всего подходил к авторским намерениям.
14. Критику «Анатэмы» начала газета «Московские ведомости», которая обвинила писателя в оскорблении религиозного чувства. К этой критике примкнуло реакционное духовенство. 14 ноября 1909 года саратовский епископ Гермоген произнес проповедь в кафедральном соборе, в которой нападал на «богохульную пьесу». Проповедь епископа Гермогена была издана отдельной брошюрой «Нынешние последователи Анатэмы и его крамолы». Реакционное духовенство и местные отделения черносотенного «Союза русского народа» требовали запрещения представления в театрах. 9 январа 1910 года последовал циркуляр П. А. Столыпина об исключении «Анатэмы» из репертуара театров (см.: Чудновцев М. И. Церковь и театр. Конец XIX — начало XX вв. Москва: «Наука», 1970. С. 69—71; а также Дело Главного управления по делам печати «О пьесе Леонида Андреева «Анатэма»// ЦГИАЛ. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 958).
15. Речь идет о комедии в 4-х действиях «Gaudeamus», законченной Андреевым 12 декабря 1909 года. Впервые опубликована в Лит.-худ. альм. изд-ва «Шиповник», СПб., 1910, кн. 13. Вопреки предсказаниям Андреева, на сцене пьеса успеха не имела.
16. Пьеса впервые опубликована в сборнике товарищества «Знание» кн. XXVI, СПб., 1908. Отдельным изданием пьеса выпущена И. П. Ладыжниковым в Берлине (без указания даты).
17. Yivo Institute for Jewish Research, фонд Г. Бернштейна. Публикуется впервые.
18. «Анатэма» была поставлена в Нью-Йорке в сезон 1910 г. на сцене «Lipzin-Theatre».
19. «Анатэма» была также поставлена в Нью-Йорке труппой еврейских артистов во главе с М. Мошковичем и С. Тобиас.
20. На английском языке впервые опубликован в «The New York Times Magazine», Section Sunday, 28 August 1910, p. 1—2.
21. «Соглашение об авторском праве» (англ.).
22. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 39. Л. 1—4. Публикуется впервые.
23. Андреев имеет в виду свою статью «S.O.S.» («СОС»), напечатанную в «Общем деле», 1919, № 40, 24 марта. Поводом для статьи было обращение президента США Вильсона 22 января 1919 г. от имени Антанты к Советскому и белогвардейским правительствам на территории России вступить в мирные переговоры на Принцевых островах (в Мраморном море). 4 февраля 1919 г. правительство РСФСР заявило о своем согласии принять участие в переговорах, однако нота Советского правительства, направленная всем странам Антанты и США, осталась без ответа. Белогвардейские правительства участвовать в переговорах отказались.

В статье «S.O.S.» Андреев называет предложение о мирных переговорах на Принцевых островах «предательством» и «безумием» и призывает страны Антанты начать вооруженную интервенцию в России. Статья имеет авторскую дату: «Финляндия, 6 февраля 1919 г.». Отдельное издание «S.O.S.» с воспроизведением на обложке рисунка Н. К. Рериха «Меч мужества» вышло в 1919 г. (Wupuri Karjalan Kirjapaino).

Отрывки из «S.O.S.» появились в английской «Таймс» 1 марта 1919 г., а на французском языке в газете Гюстава Эрве «La Victoire» 22 марта 1919 г.; в июне 1919 г. в переводе на английский язык Д. Поллока в «Nineteenth Century and After». В переводе Р. Линдквиста на шведский язык статья помещена в гельсингфорсском журнале «Nya Fyren», 1919, № 13—15 и 16—17; в том же году вышло отдельное издание «S.O.S.» на голландском языке. Статья перепечатывалась в России газетами, выпускавшимися на территории, занятой белой армией (см., например: «Сибирская речь» (Омск), 1919, № 122, 11 июня; «Одесский листок», 1919, № 98, 25 августа; «Рижский курьер», 1921, № 65, 66, 67, 15, 16 и 17 марта и др.). Отдельные издания: в виде бесплатного приложения к газете «Русская жизнь» (Гельсингфорс), № 23, 29 марта 1919 г.; в Париже два издания в 1919 г.; в Берлине, изд. «Геликон», без указания года, и др. В качестве пропагандистского материала авиация интервентов сбрасывала брошюры со статьей Андреева над позициями Красной Армии.
24. Эта поездка не была осуществлена.
25. Андреев Савва Леонидович (1909—1970) — третий сын писателя. Впоследствии артист балета, входил в состав труппы «Колон» в Буэнос-Айресе (Аргентина).
26. Yivo Institute for Jewish Research, фонд Г. Бернштейна. Публикуется впервые.

Публикация, перевод,
вступительная статья и примечания
В. АЛЕКСАНДРОВА

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

ПОСЛЕ БОГА — ДЕНЬГИ ПЕРВЫЕ...

«Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

10 марта 1978 года. г. Ставрополь.

Судебная коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда разобрала в закрытом судебном заседании уголовное дело, по которому:

Баранов Виктор Иванович обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 87 УК РСФСР.

Рассмотрев в судебном заседании доказательства по делу, судебная коллегия установила:

В период с февраля 1974 года по апрель 1977 года подсудимый Баранов на специально созданном им оборудовании изготовил с целью сбыта и сбывал поддельные билеты Государственного банка СССР двадцатипяти- и пятидесятирублевого достоинства... Всего подсудимый Баранов изготовил с целью сбыта 1249 поддельных билетов Государственного банка СССР, из которых 851 билет сбыл на рынках Ставропольского и Краснодарского краев, в городах Тбилиси, Харькове, Москве и других населенных пунктах.

Судебная коллегия приговорила:

Баранова Виктора Ивановича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 87 УК РСФСР, и подвергнуть 12 (двенадцати) годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией в доход государства принадлежащего ему имущества».

Баранов, шофер по профессии, готовил свое дело почти десять лет и, судя по имевшейся у него библиотеке, заочно окончил не один технический вуз. Изобретатель-самоучка своими руками изготовил целый Гознак на дому.

Сейчас библиотека Баранова и его подпольная мастерская занимают большущий стенд в Центральном музее МВД России. Пятнадцать лет не открывали этот стенд, пятнадцать лет никто не трогал книги, испещренные пометками фальшивомонетчика. И вот они в моих руках: «Справочник полиграфиста», «Теория и практика изготовления клише», «Техника репродукций», «Практикум по криминалистике», а рядом микроскоп, пресс, сушилка для бумаги, клише глубокой печати, центрифуга, установка для производства водяных знаков... Да, зная то, что знал Баранов, и имея то, что имел он, печатать деньги было, как говорится, делом техники.

Баранов отсидел свой срок от звонка до звонка. Сейчас он на воле, занимается предпринимательством...

Самое странное, что ни длительные сроки заключения, ни смертная казнь не отпугивали любителей наживы от этого малопочтенного занятия ни сто, ни двести, ни тысячу лет назад.

Седьмой век до нашей эры — период расцвета государства этрусков. В те времена в руку умершему клали слиток меди (такие слитки служили тогда деньгами), чтобы заплатить Харону за перевоз через реку Ахерон в царство Аида. Так вот современные специалисты установили, что некоторые из предназначенных Харону слитков были не из меди, а из более дешевого сплава.

В период расцвета Спарты, Рима и Карфагена деньгами служили шкуры животных. В своде законов прямо говорилось, что за оскорбление обидчик может откупиться шкурой лисицы, за пощечину — куницей, а за увечье — соболем.

Несколько позже деньгами стали ракушки-каури. На Цейлоне, например, за пять мешков каури можно было купить молодую рабыню. Именно в эти годы летописец зафиксировал имя первого венценосного фальшивомонетчика — им стал римский император Калигула. Когда казна опустела, он приказал собирать обычные ракушки и повелел считать их деньгами. Ни купцы, ни ремесленники эти ракушки, конечно же, не брали. Затея Калигулы лопнула, а сам он был убит.

Послужило это кому-нибудь уроком? Нет! Даже там, где деньгами служили собачьи зубы, человеческие черепа, листья табака или копченые циновки, время от времени предавали казни людей, пытавшихся всучить зубы шакала или обезьяньи черепа. В Древнем Риме фальшивомонетчика раба убивали на месте, а римского гражданина отдавали на съедение диким зверям. Но и такие жестокие меры не помогали. Чуть больший эффект дало средство, которое в средние века назвали бы иезуитским: по всей империи было объявлено, что за донос на фальшивомонетчика раб получает свободу и римское гражданство. Что тут началось! Патриции, сенаторы и даже консулы пуще огня стали бояться своих рабов. Ведь последним ничего не стоило подкинуть в шкатулку фальшивую ракушку...

А французский король Филипп IV! В историю Франции он вошел под именем не только Филиппа Красивого, но и Филиппа Фальшивомонетчика: он велел уменьшить вес монет и в серебро добавлять всякую дрянь. Недаром Данте в своей «Божественной комедии» поместил Филиппа прямо в ад. Именно тогда родилось мудрейшее изречение: *«Легкие деньги для страны худшее наказание, чем тяжелые войны»*.

Николай Коперник, известный не только созданием гелиоцентрической системы построения мира, но и своими познаниями в области денежного обращения, решив уберечь от беды польского короля Сигизмунда I, в 1526 году представил ему трактат, в котором утверждал, что существуют четыре главные причины падения королевств, царств и республик: раздоры, смертность, бесплодие почвы и порча монет.

Конечно, императоры, короли и консулы подделывали деньги не сами, а всего лишь отдавали приказы другим. В этом замешан и Фридрих II, наводнивший Литву и Польшу поддельными монетами, и Наполеон, заваливший Россию фальшивыми ассигнациями. А помните Диогена? Да-да, того самого, который жил в бочке из-под вина и ходил при свете дня с зажженным фонарем, говоря: *«Я ищу человека, я ищу того, кто достоин так называться»*. Так вот этот подвижник и мудрец в молодости был фальшивомонетчиком. Взяли его вместе с отцом. Старого Гикесия заточили в темницу, а восемнадцатилетнего Диогена с позором изгнали из родной Синопы.

А что же в России? Неужто наши «умельцы» хуже европейских? Да нет... Еще при Василии Темном высочайшей волей вес «деньги» был уменьшен с двадцати одной доли до восьми, разумеется, при той же покупательной способности. Разница, само собой, — в княжескую мошну. Есть грех и на втором царе из дома Романовых — Алексее Михайловиче. На девятом году правления он последовал совету боярина Ртищева, что привело к самым пагубным последствиям. В то время на Руси ходили серебряные монеты. Причем из-за отсутствия своего серебра монеты переделывали из иностранных иохамсталеров (ефимок), сбивая латинскую надпись. Так вот Ртищев предложил делать полтинники, алтыны, гривенники и другие монеты из меди, а ценить их как серебряные. Но ведь медь в шестьдесят два раза дешевле серебра! Когда подсчитали, оказалось, что на этом можно иметь четыре миллиона рублей чистой прибыли в год, то есть больше, чем от всех налогов.

Царь возликовал и приказал делать новые монеты *«наспех, днем и ночью, с великим радением, чтобы вскоре денег наделать много»*. И наделали... Одного не учли, что за медные деньги никто ничего продавать не станет. Начался голод. Даже верные стрельцы стояли на паперти и просили подаяние. Бояре же жили припеваючи. Они скупали медь и, сговорившись с мастерами, тайком чеканили воровские деньги; серебро же прятали в подвалы. Вскоре пошли челобитные царю: *«Мы, твои людишки, совсем пропадаем, а бояре пузатые да монетчики воровскими деньгами богатеют»*. Учинили сыск! Под пытками монетные мастера признались, что делали воровские деньги, а доходами делились с дьяками да подьячими. Лютой смертью казнили преступников: всех до единого заживо прибили к стене монетного двора, а руки и ноги отсекли.

Потом был хорошо известный медный бунт, закончившийся жестокой расправой над народом — массовыми повешениями и потоплениями в Москве-реке. Правда, выпуск медных монет царь повелел прекратить. Но способ наказания фальшивомонетчиков еще долго оставался в силе: даже при Петре I им заливали горло раскаленным оловом, а потом отсекали руки и ноги. Потомки Петра I наказание смягчили, но на всех денежных знаках стояла предупреждающая надпись: *«За подделку кредитных билетов виновные подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы»*.

Кстати, именно с Романовыми связан интересный эпизод, напоминающий о том, что такое полновесная монета. При Екатерине I выпустили медную рублевую монету весом 1,6 килограмма. Это была четырехугольная плита со сторонами, равными двадцати сантиметрам. Когда Елизавета наградила М. В. Ломоносова за написанную им оду двумя тысячами рублей, то деньги пришлось везти на двух подводах.

Как известно, любой нумизмат за какой-нибудь двухсотлетний пятак отдаст сотни, а то и тысячи рублей. Раз есть спрос — значит, будет и предложение. Нашлись «умельцы», которые на современном оборудовании делали тот самый пятак, а потом давали его проглотить крупной птице — индейке или гусю. Пройдя через кишечник и подвергнувшись воздействию желудочной кислоты, монета выходила такой «старинной», что нумизматы рвали ее из рук. Этот метод не забыт и ныне, поэтому коллекционерам надо быть особенно внимательными.

А теперь несколько слов о золоте, вернее, о золотых монетах. Прежде всего попытаемся ответить на сакраментальный вопрос: липнет ли золото к рукам? Да, липнет, причем в самом прямом смысле слова. Если взять новенькую монету и взвесить ее на сверхточных весах, а потом дать ее подержать человеку и снова взвесить, монета станет легче. Один американский кассир сколотил на этом целое состояние. В начале века золотые монеты считали на тщательно отполированных деревянных столах — грохот, стук, звон... И вдруг один из кассиров принес из дома кусок сукна, расстелил его на столе и приступил к работе. Директор банка пришел в умиление: вот, мол, какой аккуратный работник. В конце дня кассир тщательно сложил суконку и унес домой. Утром все повторилось... И так изо дня в день.

Со временем сослуживцы обратили внимание на то, что каждый раз аккуратный кассир приносит новый кусок сукна. Пригляделись. Проследили... И что же обнаружилось? Оказывается, приходя домой, хитроумный кассир сжигал суконку на раскаленной сковороде и получал небольшой слиток золота: мельчайшие крупинки драгоценного металла застревали в ворсинках ткани.

Наказывать его не стали. Кассир объяснил, куда девается огромное количество монетного золота: оказывается, каждый год прилипает к рукам и превращается в пыль более 800 килограммов золота. После этого все страны решили изъять из обращения золотые монеты и полностью перешли на бумажные деньги — банкноты. Кстати, банкноты, или билеты банкиров, появились еще в средние века. Так называли расписки, которые выдавали банкиры, а то и простые менялы.

В России первые бумажные деньги — ассигнации — вошли в обращение при Екатерине II. 29 ноября 1768 года императрица подписала высочайший манифест следующего содержания: *«Удостоверились мы, что тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее ж и обращение; во-вторых, что долгий перевоз монеты всяким многим неудобностям подвержен... Итак, с 1 января 1769 года устанавливается здесь, в Санкт-Петербурге и Москве, под покровительством нашим два банка для вымена государственных ассигнаций. Сим государственным*

ассигнациям иметь обращение во всей империи нашей наравне с ходячею монетою. Сверх того, повелеваем, чтоб все частные люди, которые будут впредь чинить денежные платежи в казенные сборы, вносили бы неотменно в числе каждых 500 рублей государственную ассигнацию в 25 рублей».

С большой неохотой расплачивался народ ненадежными бумажками, а потом вошел во вкус — это же не золото, не серебро и даже не медь, с бумажкой-то химичить проще. И пошло-поехало! Уже через два года императрица издает другой указ: *«Известно нам стало, что в Санкт-Петербургский банк для вымена государственных ассигнаций вступило несколько подложных ассигнаций, то есть 25-рублевых переписанных в 75-рублевые таким образом, что при первом взгляде и не будучи в том предуведомленну, трудно таковую подложность распознать».* Пришлось 75-рублевки из обращения изъять и впредь таковых не печатать.

Около четырехсот лет назад Фрэнсис Бэкон сказал: *«Деньги очень дурной господин, но весьма хороший слуга».* Плох господин или хорош, но он — господин, и ему верой и правдой служили многие великие люди. Достаточно сказать, что к производству денег имели отношение такие гении, как Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Николай Коперник и замечательный русский механик начала прошлого века И. А. Неведомский — его машины для чеканки монет до сих пор работают на большинстве монетных дворов мира.

Не обошел своим вниманием эту тему и Владимир Маяковский. В 1924 году родился твердый советский рубль. До этого ходили самые разнообразные деньги, счет шел на триллионы и квадриллионы. При обмене за новый рубль давали 50 миллиардов старых. Жить стало лучше, жить стало веселее, и В. Маяковский тут же разразился стихами:

Равны серебро
и новый бумажный билет,
Ныне
меж ними разницы нет.
Бери,
какая больше на вкус, —
теперь и бумажкам твердый курс.

Но фальшивомонетчики не дремали. Уже через год в Мюнхене, а потом и во Франкфурте-на-Майне появились подпольные типографии, которые выпускали поддельные червонцы. Немецкие банкиры ударили в набат: червонец был конвертируемой валютой, и фальшивки наносили финансистам немалый урон. Германская полиция сработала оперативно и уже в августе 1927 года типографии накрыли, а фальшивомонетчиков арестовали.

Прошло четырнадцать лет — и подпольные граверы, печатники и художники, отсидев свой срок, вновь были «призваны на службу», на этот раз в интересах третьего рейха. 18 мая 1941 года президент германского имперского банка Вальтер Функ провел секретное совещание, на котором разработали «операцию Бернгард». До нападения на Советский Союз оставалось чуть больше месяца, но руководитель операции Рейнхард Гейдрих предложил начать бомбардировку Союза не с помощью люфтваффе, а изнутри, запустив в обращение миллионы фальшивых рублей. А заодно нанести удар по Англии и США, завалив их поддельными фунтами и долларами.

Сказано — сделано. Вскоре в замке Фриденталь появилось «химико-графическое предприятие» во главе с гауптштурмфюрером СС Бернгардом Крюгером — по его имени и назвали операцию. Печатные станки установили в блоке 18/19 концлагеря Заксенхаузен. Начали с английских фунтов стерлингов. 135 миллионов фунтов было запущено в обращение, но, надо отдать должное британским специалистам, они быстро распознали подделку. Рубли же, изготовленные в Заксенхаузене, ходили как на оккупированной территории, так и в глубоком тылу Советского Союза. Чем это закончилось, известно всему миру: в Нюрнберге Функа судили не только как нациста, но и как фальшивомонетчика.

* * *

Закончив исторический экскурс, пора вернуться в наши дни. Вот официальные данные Министерства внутренних дел России. Если за последние пять лет выявлено 70 фальшивомонетчиков, то за пять месяцев 1993 года — 82. У них изъято 100 миллионов подпольно изготовленных рублей, 500 тысяч долларов США и на 19 миллионов рублей поддельных приватизационных чеков. По другим данным, это лишь видимая часть айсберга, следовательно, в обращении находятся не миллионы, а многие миллиарды фальшивых рублей.

Как могло это случиться? Чем вызван такой невиданный всплеск фальшивомонетничества? Можно ли с ним бороться? Об этом мы решили расспросить начальника отдела по борьбе с фальшивомонетничеством и подделкой ценных бумаг Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД России полковника милиции Н. С. Пономарева.

— Одна из главных причин — легкость изготовления денег с помощью современной техники. Как известно, существует пять способов изготовления поддельных банкнот: полиграфический, электрографический, фотографический, рисование и так называемое двукратное копирование. Наиболее опасный, с точки зрения выявления подделок, — полиграфический, так как банкноты, которые сходят с печатного станка, почти идентичны гознаковским и без применения специальной аппаратуры их очень трудно отличить от подлинных. Небезызвестный Баранов — типичный представитель этой группы фальшивомонетчиков.

Фотографирование тоже дает неплохие результаты. Несколько лет назад мы разоблачили группу Костюка, который делал такие цветные фотографии, что отличить их от банкнот было практически невозможно.

Рисование — это очень сложная и тонкая работа. Выполнять ее могут только профессионалы высочайшего класса. И они есть. В одной из колоний под Иркутском сидит целая группа так называемых «чистоделов». Один из них прямо в колонии изготовил сто сорок тысячных купюр.

И, наконец, самый простой и самый распространенный способ подделывания денег — электрографический. Связан он с появлением цветных ксероксов. Качество банкнот — отменное, производительность — неограниченная. Именно таким способом «клепала» деньги санкт-петербургская группа, в состав который входили экспедитор «Петробалта» Рузаев, а также «безработные» Исаченко и Кривцов. Мы их взяли в мае 1993 года, следствие еще продолжается, так что о деталях говорить не буду, но две цифры назову: петербуржцы сбыли поддельных 5-тысячных банкнот на 15 миллионов рублей, а во время обыска у них изъяли таких же банкнот на 50 миллионов рублей.

— Но должна же быть какая-то защита, секреты, которые неведомы фальшивомонетчикам!

— Все это есть. Один из таких секретов — состав бумаги. В ней есть хлопок, вискоза и другие вещества, повышающие водостойкость и износостойкость бумаги. Краски также при проверке реагируют только на определенные реактивы. Я уж не говорю о так называемых водяных знаках... Все это средние средства защиты. Но есть и внешние: герб, портрет, текст, серия, номер. В гербе, портрете и даже в тексте можно найти характерные детали и «ловушки», о которых знают только специалисты.

— Вы говорили о портрете и гербе, но на современных банкнотах нет ни того, ни другого. Упростило ли это подделку денег? И вообще, какие деньги защищены лучше — советские или российские?

— Конечно, советские. На них было 22 средства защиты, а на нынешних — гораздо меньше. Ведь тот же портрет Ильича и герб Советского Союза имели столько «ловушек», что подделка обнаруживалась мгновенно.

Страны «семерки» давно решили эту проблему. Они закодировали свои банкноты и вмонтировали в ксероксы специальные платы: если положить на столик аппарата доллар, марку или франк — ксерокс тут же выключится. Чтобы решить эту проблему, правительству России надо принять всего лишь два постановления: во-первых, сделать так, чтобы ксероксы шли в страну только от одной-двух фирм, а не от десятка, как сейчас, и во-вторых, попросить фирму установить плату, закодированную под наши банкноты.

— И все?

— И все! Процентов на девяносто проблема будет решена: ведь мы точно знаем, что девять из десяти фальшивых банкнот делают на цветных ксероксах. А если применить голографическую защиту, то все фальшивомонетчики тут же сойдут с ума и пойдут в дворники. Именно таким способом защищены финская марка и австралийский доллар. На ксерокс эти банкноты класть бессмысленно — вместо изображения получится белое пятно. Кустарным способом изготовить голограмму невозможно.

Деньги, деньги... Их любят и проклинают, копят и транжирят, складывают в кубышку и бросают на ветер, ради них идут на смерть и на преступление... Недаром в смутные времена на Руси ходила поговорка: «После Бога — деньги первые».

УВЕЗЕННЫЙ РАРИТЕТ

В настоящее время публикуется много материалов о судьбах архивов и документов, вывезенных в годы второй мировой войны с оккупированной территории СССР. В нашей стране и за рубежом ведется работа по сбору информации о фактах вывоза этих культурных ценностей. В Центре хранения историко-документальных коллекций (бывшем Центральном государственном архиве СССР («особом»), выявлена переписка о пересылке в Военный архив в Потсдаме многотомной книги посещений великого князя Георгия Александровича (1871—1899). Этот уникальный документ был конфискован в январе 1942 года командованием 50-го армейского корпуса вермахта в Гатчинском царском дворце под Ленинградом.

Авторы предлагаемой вашему вниманию публикации считают, что документы должны войти в банк данных о вывозе культурных ценностей из СССР в годы войны, который предложено создать в рамках научно-исследовательского семинара «Бременская инициатива». Немецкие документы не нуждаются в подробных комментариях, в них указан адресат, которому была направлена книга. Эта информация позволяет сориентироваться в поиске утраченного раритета.

Перевод с немецкого.

15.1.1942
Начальник
военных архивов
Индекс 13н22
№ 210/42
Касается: исторического материала.
В Военный архив Потсдама
Потсдам

В приложении направляется конфискованная командованием 50-го армейского корпуса во дворце Гатчины книга посещений, посвященная великому князю Александру.

Прошу сообщить мне кратко об особо интересных записях, кроме записей на немецком и французском языках.

Р[абенау]

Перевод с немецкого.

Ставка, 3 января 1942 г.
Командующий
50-го армейского корпуса
полевая почта № 40205
Индекс 13н22
№ 210/42

Дорогой Рабенау!

Посылаю Вам сегодня почтовой посылкой найденную во дворце Гатчины книгу посещений, посвященную великому князю Александру.

Среди записей находятся записи князя Бисмарка и Мольтке младшего.

Книга должна поэтому представлять ценность для Военного архива или другого собрания.

Пользуясь этим случаем, желаю Вам счастливого 1942-го Нового года и остаюсь с сердечным приветом

Ваш преданный Линдеман

Перевод с немецкого.

Потсдам, 22 января 1942 года
Ганс фон Сект-Штрассе, 8
Телефон: 4141 и 4281
Военный архив Потсдама
60—604/42
Начальнику военных архивов
Касается: исторического материала
Основание: распоряжение.
Индекс 13н22
№ 210/42 от 15.01.1942 г.

Заглавие книги посещений в переводе гласит:

«К великому князю Георгию Александровичу»

Речь идет о великом князе Георгии, который родился 09 мая 1871 года в Царском Селе и умер 10 июля 1899 года в Аббас Тумане* (Закавказье). Он был сыном царя Александра III и братом последнего царя Николая II. Великий князь страдал заболеванием легких, сопровождал своего брата Николая в кругосветном путешествии, но вынужден был из Индии вернуться и жил большей частью на Ривьере и на Кавказе.

Книга сопровождала его в поездках. Записи сделаны за период с 08.11.1888 до 11.03.1899 гг. Политического значения не имеет ни одна запись; в преобладающем большинстве это только фамилии.

Из достойных внимания личностей имеются следующие:

том 3: ряд высших немецких офицеров, находившихся, по-видимому, в сопровождении императора, среди них Вальдерзее, Ханке, Папе, Верди, Швейтниц;

том 6: граф Йорк фон Вартенберг, военный атташе (на русском языке);

том 11: Ники II (возможно, последний царь, но уже 1889 года);

том 13: Бисмарк, рейхсканцлер (на французском языке);

том 13: Бисмарк (Герберт, граф);

том 14: Мольтке (младший);

том 26: Китченер;

том 32: Пахич 21.06.1891 г.

Рупперт

К сожалению, это не ответ на мой вопрос

Р[абенау].

Ф. 1387. Оп. 1. Д. 117. Л. 20—22.

Публикацию подготовили научные сотрудники Центра хранения историко-документальных коллекций
Т. ВАСИЛЬЕВА,
кандидат исторических наук,
и Н. ЯКОВЛЕВА

* Так в тексте.

БОРИС НУВАХОВ,
директор НИЦ Российской Академии медицинских наук

ЗА ЧТО ПРОЩАЮТСЯ ГРЕХИ

Благотворительная лечебная помощь на Руси до конца XVIII века

Благотворительность появилась на Руси одновременно со строительством монастырей по византийскому образцу и созданием при них богаделен и убежищ-келий для больных. Как правило, там проживала небольшая группа бедных (до десяти больных). Это было милосердие «Богу угодное». С XI века дома-кельи стали называться больницами (в странах Европы — госпиталями).

В 1070 году в Киево-Печерском монастыре, при игумене Феодосии, была открыта богадельня — убежище-дом во имя св.Стефана для проживания нищих, слабых паломников, хромых, слепых и прокаженных. За калеками и больными ухаживали монахи. В 1091 году переяславский епископ (позднее киевский митрополит) Ефим воздвиг «и страение и врачеве и больницы всем приходящим, безвозмездно врачевские такожде и в Милитине своем граде устрой и по иным своим градом митропольским — сего же не бысть прежде на Руси...». Таким образом, на начало 90-х годов XI века приходится возникновение больниц на Руси.

Николай Святоша (бывший князь Святослав, в крещении Панкратий Давыдович Черниговский) в 1142 году построил в Киеве монастырь, именуемый в летописях «больничным». Больные находились там под присмотром монахов-«лчецов» — безвозмездных врачевателей, которые ухаживали за больными, лечили молитвой и «зельями», овощами. До нас дошли сведения о том, что некоторых больных лечил армянский врач Петр Сирянин. Ко времени княжения Константина Всеволодовича Мудрого (1216—1218) относятся первые сведения о посещении больных княжеской челядью. Александр Невский говорил о необходимости княжеской помощи бедным, сиротам, вдовам, особенно слабым здоровьем. Дмитрий Донской и его супруга Евдокия лично посещали больных на дому, «оказывая милостыню» на пропитание. Встречаются сообщения и о том, что в XIV веке при богатых церковных приходах строились кельи для больных. Под 1419 годом Новгородская летопись сообщает: «Яко же вои многози на одри лежат, где иной из них вчетавцится [выздоравливает], другие из них разлитными суда [смертями] оканживаются...»

Как правило, в больничных кельях количество больных не превышало 10—12, а лечение ограничивалось молитвами и растительной пищей. Выздоровление объяснялось исключительно Божьей помощью. В больничные кельи из-за угрозы мора скорее всего не допускались лихорадочные больные и в то же время там нередко жили прокаженные.

В царствование Василия III (1505—1533) были учреждены больничные кельи в Кирилловском мужском монастыре (Вологодская епархия) и в псковском Печерском монастыре. В 1551 году на Стоглавом соборе было решено устроить богадельни для прокаженных. Больные должны были призреваться за счет вкладов царя, митрополита и монастырей. В крупных городах полагалось устраивать богадельни: «Да повелит благочестивый царь всех прокаженных и состарившихся написати по всем градом... да в коем ждо граде устроити богадельни мужские и женские. И тех прокаженных и престаревшихся и не могущих нигде главы подклонити, устроити в богадельнях пищею и одеждою... приставити к ним здравые стрые и баб стряпчих» (Стоглав. СПб., 1863. С. 226).

Случилось так, что эти идеи не были воплощены в жизнь в XVI веке (вопреки тому, что писал составитель первой книги о благотворительности (1818) Астог, утверждавший, что в Московском государстве при жизни Ивана Грозного учреждались больницы). Многие отечественные историки медицины (в их числе Л. Ф. Змеев, Н. Я. Новомбергский и другие) полагали, что первая (в современном понимании) больница, в которой лечили врачи, а обслуживали монахи, была построена в 1618 году при Троицком монастыре (Сергиев Посад). В 1626 году в Москве, возле монастыря Федора Студита, по распоряжению патриарха Филарета были построены кельи для больных (отсюда новое название монастыря — Федоровский больничный). Через четыре года больничный монастырь открылся и в Киеве (здесь было более двадцати келий для больных).

В XVII веке многие русские монастыри быстро богатели, что позволяло строить при них богадельни и небольшие дома для больных (больницы). Созданию келий для больных особенно способствовал патриарх Никон. Он соорудил богадельни в московском Знаменском монастыре, в Гранатном дворе у Никитских ворот, в Ново-Иерусалимском монастыре. В «Слове о приютах» он предложил создать общество милосердия, члены которого будут разделены на две группы: одни должны будут посещать дома бедных и несчастных и узнавать их нужды, другие — заниматься благотворительностью.

Со вступлением на трон династии Романовых милосердием и благотворительностью помимо царя и высших церковных иерархов начинают заниматься знатные светские феодалы. Так, в 1650 году придворным дворянином Ф. М. Ртищевым на территории Андреевского монастыря был открыт приют для бедных больных, нищих и пьяных, где врачевали лекари и даже доктор. Это была, по-видимому, первая городская больница. В годы русско-польской войны (1654—1667) Ртищев оборудовал дома для больных и раненых. В 1655 году келарь Иринарх на свои средства построил больничные кельи при Троицком монастыре в Калязине.

Придворный дневник повествует, что 5 января 1657 года царь Алек-

сей Михайлович посетил Моисеевскую больницу, которая находилась при московской церкви Николы на Столпах. В последние годы его царствования было издано несколько важнейших указов, касающихся благотворительности: 1670 год — о создании приказа для строения богаделен; 1674 год — о том, что все богадельни, содержавшиеся правительством, должны отныне содержаться за счет патриаршей казны. В царствование Алексея Михайловича государство впервые проявило заботу об увечных престарелых воинах.

Идеологическим обоснованием милостыни и благотворительности на Руси вплоть до конца XVII века оставались взгляды, изложенные в книге «Беседы св. Иоанна Златоуста на Деяния апостолов». Основная мысль этого сочинения состоит в том, что милосердие — это деятельность, угодная Богу и влекущая за собой отпущение самых тяжких грехов.

С конца XVII века больницами управлял патриарший приказ, а затем они перешли в ведение приказа аптекарского. На церковном соборе 1681 года царь Федор Алексеевич предложил устроить больницы и богадельни не только в столице, но и во всех других русских городах. В следующем году молодой царь распорядился построить в Москве две богадельни для престарелых и больных за счет государственной казны. Одна из них, на Гранатном дворе, фактически стала больницей (формально так не именуясь) для лиц, получивших тяжелое ранение на государственной службе. В том же указе монастырям предписывалось «лечить безденежно», «лекарства держать недорогие». При каждой больнице обязательно должны были находиться трое: «дохтур, аптекарь и лекарь». Ранняя смерть Федора Алексеевича не позволила исполнить этот указ.

Вполне справедливо мнение, что допетровская благотворительность (ручная, случайная милостыня) способствовала появлению нищих-профессионалов: «расспросы» для установления причин нищенства не проводились, ибо это противоречило христианской традиции. При Петре I развернулась активная борьба с промысловым нищенством, что сопровождалось практически полным запретом частной благотворительности. При Петре был издан ряд указов по борьбе с нищенством и бедностью: о штрафе за подачу милостыни нищим, о больных нищих, которые «не могут ходить для собирания милостыни». Такие лица должны были помещаться в домовые богадельни патриарха, причем деньги на их содержание брались из патриаршей казны. На деле этот указ также практически не выполнялся.

4 февраля 1710 года царь издал указ, согласно которому престарелые, раненые, увечные офицеры и солдаты, не годные к военной службе, помещаются в московские богадельни. 3 мая того же года в качестве главного убежища для бывших воинов в Петербурге Петр утвердил Александровский монастырь. 16 января 1712 года было предписано открывать госпитали (больницы) для увечных и престарелых, а также приюты для брошенных младенцев.

Впрочем, состояние государственной казны не позволяло оказать помощь всем раненым и увечным в многочисленных петровских войнах. Царь распорядился составить списки бывших военных, нуждающихся в призрении. В 1722 году петровский указ предписывал богадельням призревать слепых, увечных, дряхлых, престарелых, не могущих работать. Во всех монастырях полагалось учредить странноприимницы или лазареты для престарелых и больных.

Хорошо известно, что Петр Великий откровенно недолюбливал монахов, считая их тунеядцами и обжорами. К концу своего царствования он прибег к самым решительным мерам: в мае 1724 года Синоду было предписано отпускать две трети монастырских финансов на больницы и увечных и лишь одну треть — на содержание самих монахов. Церковь учит, что благотворительность — это свободная, основанная исключительно на чувстве любви деятельность, сострадание к ближнему. Петр же насаждал принудительное, указное призрение. Неудивительно, что монастыри с крайней неохотой исполняли грозные указания императора.

При преемниках Петра, вплоть до Екатерины II, новые больницы не открывались, но открывались богадельни, а на юго-западных окраинах империи — братства, где призревали и хронических больных.

В первые годы екатерининского правления содержание богаделен и инвалидных домов было возложено на Экономическую коллегию. В 1764 году появился указ об организации в каждой губернии приказов общественного призрения, одна из функций которых заключалась в попечении больниц, богаделен, работных домов для ленивых и смирительных домов для душевнобольных. В своей деятельности приказы использовали как общественную, так и частную благотворительность; к их работе привлекались и врачебные управы. С изданием «Учреждений для управления губерниями Всероссийской империи» (1775) приказы общественного призрения под председательством губернатора учреждали больницы и приюты для неизлечимо больных.

В 1764 году открывается Московский Воспитательный дом. Это было государственное учреждение под монаршим покровительством, управлял домом генерал-поручик И.И. Бецкой. Одновременно, 24 апреля 1764 года, был учрежден Московский Родильный госпиталь, в котором находили приют беременные женщины из бедных слоев населения. Как отделение Московского, в 1772 году создается Петербургский Воспитательный дом, переехавший в 1778 году в новое здание с родильным приютом.

В конце XVIII века создается попечение смирительных, сиротских госпиталей, богаделен для призрения увечных и престарелых, появляются новые лечебницы и больницы. Присмотр за всеми этими учреждениями был возложен на Главный магистрат и на полицию. В 1780 году в Петербурге, в здании Воспитательного дома в деревне Смольной, открывается богадельня на 850 коек. Вскоре после воцарения Павла I, 12 ноября 1796 года, возникает «Ведомство учреждений императрицы Марии», которое управлялось непосредственно царицей вплоть до ее смерти в 1828 году. Павловским указом Сенату от 2 мая 1797 года управление Петербургским и Московским Воспитательными домами поручалось императрице Марии Федоровне, которая в то время руководила женским институтом — воспитательным обществом благородных девиц.

Таким образом, в XVIII веке призрение и благотворительность в России, до сих пор осуществляемые исключительно церковью, постепенно приобретают светский характер.

Первые снимки декабристов

И. Поджио. 1845.

Нисефор Ньепс — один из изобретателей фотографии — видел в ней прекрасный инструмент тиражирования изображений. Дагер, которому досталась вся слава изобретателя, и не задумывался об этом. Дагерротип — так он окрестил свое детище — не имеет ничего общего с современной фотографией. Это изображение получалось на полированных металлических пластинах, которые покрывались тончайшим слоем серебра, представляющим светочувствительный слой. Изображение на дагерротипе было зеркальным, перевернутым. Дагерротип невозможно размножить — он уникален. И несмотря на то что в 40—50-е годы прошлого века их изготовлялось множество (считается, что только в Париже в 1850 году было сделано около 10000), сегодня до нас дошли буквально единицы.

В начале сороковых годов прошлого века в России возникло сразу несколько «дагерротипных заведений» — в Москве и Петербурге. Патриарх русской светописи Сергей Львович Левицкий в своих воспо-

С. Г. Волконский. 1845.

Панов. 1845.

минаниях писал: «Тогда явилось в Петербурге много аристократов, которые выписывали, как всех интересовавшую новость, дагерротипные аппараты прямо из Парижа. Усерднее всех занялся дагерротипией граф Алексей Бобринский, за ним князь Сергей Сергеевич Гагарин, князь Грузинский и другие...

Первое дагерротипное предприятие в Петербурге открыли французские литографы Давиньон и Фоконье на Никольской улице близ Петербургского Большого театра».

В 1845 году Давиньон совершил путешествие по России с целью снять ее достопримечательности. Он побывал в Москве и на Украине, а затем отправился в Сибирь, где жили на поселении декабристы. По возвращении из Сибири фотограф был арестован. Шеф жандармов граф Орлов в своем отчете за 1845 год докладывал Николаю I: «Из переписки государственных преступников (декабристов. — *В. Н.*) усмотрено было, что отставной инженер-поручик Давиньон, занимавшийся снятием дагерротипных портретов, путешествовал по Сибири и там снимал портреты с государственных и политических преступников. Пересылавшиеся к родственникам портреты переселенцев Поджио, Панова и Волконского, также жены и детей последнего, остановлены в III отделении».

Долгое время считалось, что портреты эти уничтожены. Об этом, в частности, писал историк фотографии С. А. Морозов. Но они сохранились — часть в Пушкинском историческом музее, часть в Пушкинском доме. Сегодня мы публикуем некоторые из них.

По-видимому, это далеко не все из того, что снял фотограф, ибо в письмах декабристов есть упоминания о пересылке отдельных снимков. Так, А. П. Юшневский писал из Сибири: «...Постараюсь прислать тебе вид церкви и памятника твоего брата, сделанный дагерротип».

Так что есть надежда найти и другие снимки, которые делал Давиньон в Сибири.

ВЛАДИМИР НИКИТИН

НОВАЯ ВОЛНА РУССКОГО РЕАЛИЗМА

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ И СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ

С. Присекин «Борис Годунов».

Д. Алексеев. «Фаэтон».

А. Саплин. «Александр Ярославич».

А. Сытов. «Пространство и время».

Н. Овечкин. «Весна идет».

Е. Данилевский. «Дмитрий Донской».

«НОВАЯ ВОЛНА РУССКОГО РЕАЛИЗМА»

Для начала я решил поплыть по волнам, не вчитываясь в имена художников и названия полотен. Тем более что все «этикетки» (как сказал бы Маркс, — влюбленные взгляды, бросаемые товарами на покупателей) были только по-английски. Что немного замедляло мое восприятие, но зато гармонировало с блеском и чистотой многозвездного отеля «Славянская», предоставившего свою галерею (в архитектурном смысле слова) для галереи «Ольга» (в музейном смысле, а почему «Ольга» — объясню чуть позже). Я подумал: ну раз вы реалисты, то должна у вас быть прежде всего картина мира, в котором вы обитаете. И я поплыл...

...на полтысячи лет в прошлое. И почувствовал, что обитают художники — где-то меж Дмитрием Донским и ранними Романовыми. Москва еще теснится вокруг кремлевских соборов. Питер еще не построен. По дощатым улицам ходят крепкие бояре и боярыни. В одном случае, правда, вдруг является силуэт «онегинской Татьяны» с локонами по обе стороны, но вместо ожидаемой в духе «Мира Искусств» хрупкой шейки обнажен из-под высокой прически такой крепкий затылок, а ниже такой разворот плеч, что хочется набросить на них все ту же боярскую шубу.

И тонконогая мебель пушкинской поры отступает перед скамьями крестьянской избы, тяжело и прочно стоящими на широких половицах. И русские витязи дерутся с басурманами и поганцами. И цари — царят. Иван Грозный, похожий на строгого психиатра, принимает английское посольство. Борис Годунов, похожий на критика Золотусского, смотрит пристально и ожидающе. А еще один бармоносец (имя не уточнено) впивается таким допросным взглядом, что в воображении возникает прямо-таки Лаврентий Берия, снявший пенсне и отпустивший усы.

Но поскольку я уже и так выхожу за пределы полотен, переведу аналогии из жизненного ряда в живописный. Конечно же, мастера «новой волны русского реализма», профессионалы высокого класса, прошедшие отличную школу, пишут вовсе не просто «в формах самой жизни»: они впитали и опыт классики, и опыт авангарда, отделяющего их от классики. У С. Присекина в древнерусском сюжете чувствуется Васнецов, у Е. Данилевского — Суриков, а «Таруса» Бурбицкого явно выдает интерес автора аж к Лианозовской школе.

Диалоги «новых реалистов» с предшественниками интересны и подчас неожиданны. В «Ноктюрне» Солдатова архиповский (и малявинский) взрыв красного, обернутый в зелень, дает странную парафразу испанских мотивов Врубеля (и Коровина). Знаменитый коринский портрет Пешковой (черное платье, алая книжка — как пятно крови) позволяет Н. Овечкину, поменяв местами колеры и усадив на алый фон женщину в черном платье, сделать эффектнейший портрет. Другая красавица его же кисти, напоминающая отчасти Диану, отчасти Данаю, называется «Весна идет» и явно рассчитана на ценителей прекрасного женского тела. В буклете эта «Весна» отпечатана на самом видном месте и самым крупным форматом. Это свидетельствует о том, что обитатели гостиницы «Славянская», собирающиеся в Москве со всего света, интересуются обнаженной русской натурой не меньше, чем старинными русскими костюмами и пейзажами времен очаковских...

Почему нынешние времена хочется назвать очаковскими, понятно: по необходимости и мировых высей и далей вернуться к проблемам чисто российским. А названа галерея «Ольгой» — потому что основана она Ольгой Очаковской (ударение на втором «о»). Уже несколько лет галерея базируется в «Совинцентре», том самом, где с советских времен перед фронтоном порхает Меркурий и пятиконечная звезда эмблемы образуется сцеплением его крылышек. В «Славянской» — экспозиция временная. Сама галерея — собрание постоянное, при благоприятном стечении исторических обстоятельств может оказаться аналогичным Третьяковскому. Установка соответствующая: русское искусство, причем не просто создаваемое русскими художниками, но: русское по темам, по пафосу. Да и по прописке мастеров.

А то ведь так: работы Андрея Герасимова плывут в Италию, Германию, Канаду, Штаты; Александр Сытов отдает полотна в Данию, Италию, Болгарию; Дмитрий Белюкин — во Францию, Финляндию; Алексей Евстигнеев — в Корею, Люксембург, Италию, Францию, Германию...

Ольга Очаковская протестует:

— Экспорт губителен для искусства. Одна из главных задач галереи — дать возможность художникам работать здесь, продавать картины здесь, причем не по бросовым, а по мировым ценам.

Теперь вернусь от Меркурия к Аполлону.

Отдавая должное мастерству и патриотичности реалистов «новой волны», я не решился бы указать на данной выставке работы, прокладывающие новые пути в искусстве живописи. Мне многое понравилось. Но работа, поразившая более других, пожалуй, выпадает из общего настроя: «Пространство и время» Александра Сытова. Это реализм, и даже гиперреализм. Окаменевшие ребра старинной галеры, затянутые песком. Может, на похожей Разин плавал по Волге, а может, Святослав по Днепру. Теперь песок заметает ее останки. Схлынула волна. И ничего не инсценируешь и не реанимируешь. Посмотришь, вздохнешь и, собравшись с духом, пойдешь жить дальше.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ЕЛЕНА ИВАНИЦКАЯ

ПОЛЕМИКА О ВЕРЕ — ПОЛЕМИКА БЕЗЫСХОДНАЯ

Сегодняшняя философская публицистика с увлечением возобновила споры, гремевшие тысячу лет назад (о христианстве и язычестве), триста лет назад (об «оцерковлении» общества и человека), сто лет назад (об «историческом христианстве» и «новом пути»)... Да и Закон о свободе вероисповеданий *поправляют* в духе не XX века, а какого-нибудь из средних веков.

А. М. Панченко, исследуя безысходный спор об исторической правоте между «новыми учителями» (сторонниками никоновской реформы, адептами барочной культуры) и «традиционалистами» (старообрядцами), замечает: «Не имело значения, кто знал факты и был им верен, а кто их не знал или фальсифицировал. ...Это был не историографический, а историософский спор — спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем. ...Безысходность полемики в том и состояла, что каждая из противоборствующих сторон стремилась только к решительной победе и не желала признавать историософского равноправия соперника». Насколько драматические и даже трагические последствия имела эта полемика — известно.

ПОСЛЕ — ВЕРЫ ИЛИ БЕЗВЕРИЯ?

Было ли у нас атеистическое государство, светское общество, безрелигиозное сознание? Мне кажется, что ничего подобного и близко не было, мы «прямо по Фромму»[1] имели жесткий вариант авторитарной религии, причем, разумеется, не языческой (если понимать язычество не в том безгранично ругательном значении, в каком это слово употребляется в последнее время, а просто как политеизм), а строго монистический. Никакого «многобожия», никакого плюрализма. Истины коммунистическая вера не допускала. Если уж какая традиция и не была воспринята воплощенной утопией, то как раз традиция скептического, терпимого, либерального свободомыслия, когда образа топором не рубят, но и богом не «мучаются», ценность христианских нравственных установлений всей душой признают, но не меньшую ценность видят в цивилизованных гражданских учреждениях, развитии образования, науки и культуры.

Но, впрочем, о том, что мне кажется, пока лучше помолчать и посмотреть, какое решение находит этот вопрос в современной философской и художественной публицистике, в богословской мысли и в массовом сознании.

Мы увидим, что единого решения нет, а представлен (как и следовало ожидать) полный набор возможных. С одной стороны, утверждается, что коммунистический тоталитаризм стремился «вытравить религиозное сознание в целом, изменить саму человеческую природу» (П. Гуревич). Эта точка зрения, наверное, является наиболее распространенной: вот и М. Поздняев в журнале «Столица» (1993, № 33) присоединяется к ней: наше государство, полагает он, пало «в бездны безверия и презрения ко всему святому, кои не снились и древним язычникам». (Вот, кстати, пример того, к чему приводит нерассуждающе хулительное употребление слова «язычество»: в чем бы мы ни обвиняли древних язычников, но подозревать их в презрении ко всему святому нет никаких оснований. Сократ-то за что был приговорен к смерти?) С другой стороны, высказывается (например, В. Непомнящим) мысль о том, что коммунистическая «вера» сатанински выворачивала христианские заповеди, возглашая: убей, укради (экспроприируй), прелюбодействуй... С третьей стороны (сколько у вопроса «сторон»?), выдвигается идея, что коммунистическая идеология в истоке своем является наследницей гностических учений прошлого, а в период господства «напоминает культы языческих империй» (Ю. Шрейдер. «Новый мир», 1993, № 5). С четвертой — раздаются безымянные сетования на то, что была вера — и не стало ее, было за что умирать — «теперь же умирать не за что» (Л. Айзерман в журнале «Новый мир» (1993, № 6) приводит интересное свидетельство — отрывок из сочинения старшеклассника.) И как тут ни тверди, что «было за что» не только умирать, но и убивать, это бесполезно: вера дороже любых возражений.

В. Маканин в рассказе-эссе «Квази» («Новый мир», 1993, № 7) размышляет о том, что рождение в XX веке «массового общества» и «усредненного человека» неизбежно активизирует мифологическое мышление, которое создает аналог веры, смутно ощущая недостаточность «состарившихся» великих религий: сотворив квазирелигию, толпа живет ею, упивается ею, а затем — отбрасывает за исчерпанностью... чтобы начать творить новую. «...И в XXI веке великие религии вряд ли, увы, усилят свое влияние, — заключает писатель. — Недостаточность (незадействованность) веры будет подталкивать вновь гордыню серединного человека к действию. Незанятость неба будет давить».

Хочется спросить: а разве невозможно использование «настоящей», «великой» религии в функции «квази»?

Б. Парамонов в своем уже достаточно давнем эссе «Пантеон. Демократия как религиозная проблема» напомнил (но, кажется, его не услышали или не захотели услышать) об опасном феномене «истинно верующего» — о человеческом типе, для которого важность представляет сам психологический факт верования: «Обращаются к единой истине, но в течение жизни делают это дважды или трижды. Полюса сходятся — коммунист делается конвертированным нацистом и наоборот. Но обоим невозможно обратиться в либерала-скептика». Разве не вчерашние коммунисты весьма дружно обратились в сегодняшних православных? Ю. Шрейдер считает, что это не беда, и предостерегает от того, чтобы «насмехаться» над ними. Значит, он уверен, что «настоящая» религия не станет тоталитарным «квази» даже в руках коммунистов,

«НОВАЯ ВОЛНА РУССКОГО РЕАЛИЗМА»

Для начала я решил поплыть по волнам, не вчитываясь в имена художников и названия полотен. Тем более что все «этикетки» (как сказал бы Маркс, — влюбленные взгляды, бросаемые товарами на покупателей) были только по-английски. Что немного замедляло мое восприятие, но зато гармонировало с блеском и чистотой многозвездного отеля «Славянская», предоставившего свою галерею (в архитектурном смысле слова) для галереи «Ольга» (в музейном смысле, а почему «Ольга» — объясню чуть позже). Я подумал: ну раз вы реалисты, то должна у вас быть прежде всего картина мира, в котором вы обитаете. И я поплыл...

...на полтысячи лет в прошлое. И почувствовал, что обитают художники — где-то меж Дмитрием Донским и ранними Романовыми. Москва еще теснится вокруг кремлевских соборов. Питер еще не построен. По дощатым улицам ходят крепкие бояре и боярыни. В одном случае, правда, вдруг является силуэт «онегинской Татьяны» с локонами по обе стороны, но вместо ожидаемой в духе «Мира Искусств» хрупкой шейки обнажен из-под высокой прически такой крепкий затылок, а ниже такой разворот плеч, что хочется набросить на них все ту же боярскую шубу.

И тонконогая мебель пушкинской поры отступает перед скамьями крестьянской избы, тяжело и прочно стоящими на широких половицах. И русские витязи дерутся с басурманами и поганцами. И цари — царят. Иван Грозный, похожий на строгого психиатра, принимает английское посольство. Борис Годунов, похожий на критика Золотусского, смотрит пристально и ожидающе. А еще один бармоносец (имя не уточнено) впивается таким допросным взглядом, что в воображении возникает прямо-таки Лаврентий Берия, снявший пенсне и отпустивший усы.

Но поскольку я уже и так выхожу за пределы полотен, переведу аналогии из жизненного ряда в живописный. Конечно же, мастера «новой волны русского реализма», профессионалы высокого класса, прошедшие отличную школу, пишут вовсе не просто «в формах самой жизни»: они впитали и опыт классики, и опыт авангарда, отделяющего их от классики. У С. Присекина в древнерусском сюжете чувствуется Васнецов, у Е. Данилевского — Суриков, а «Таруса» Бурбицкого явно выдает интерес автора аж к Лианозовской школе.

Диалоги «новых реалистов» с предшественниками интересны и подчас неожиданны. В «Ноктюрне» Солдатова архиповский (и малявинский) взрыв красного, обернутый в зелень, дает странную парафразу испанских мотивов Врубеля (и Коровина). Знаменитый коринский портрет Пешковой (черное платье, алая книжка — как пятно крови) позволяет Н. Овечкину, поменяв местами колеры и усадив на алый фон женщину в черном платье, сделать эффектнейший портрет. Другая красавица его же кисти, напоминающая отчасти Диану, отчасти Данаю, называется «Весна идет» и явно рассчитана на ценителей прекрасного женского тела. В буклете эта «Весна» отпечатана на самом видном месте и самым крупным форматом. Это свидетельствует о том, что обитатели гостиницы «Славянская», собирающиеся в Москве со всего света, интересуются обнаженной русской натурой не меньше, чем старинными русскими костюмами и пейзажами времен очаковских...

Почему нынешние времена хочется назвать очаковскими, понятно: по необходимости и мировых высей и далей вернуться к проблемам чисто российским. А названа галерея «Ольгой» — потому что основана она Ольгой Очаковской (ударение на втором «о»). Уже несколько лет галерея базируется в «Совинцентре», том самом, где с советских времен перед фронтоном порхает Меркурий и пятиконечная звезда эмблемы образуется сцеплением его крылышек. В «Славянской» — экспозиция временная. Сама галерея — собрание постоянное, при благоприятном стечении исторических обстоятельств может оказаться аналогичным Третьяковскому. Установка соответствующая: русское искусство, причем не просто создаваемое русскими художниками, но: русское по темам, по пафосу. Да и по прописке мастеров.

А то ведь так: работы Андрея Герасимова плывут в Италию, Германию, Канаду, Штаты; Александр Сытов отдает полотна в Данию, Италию, Болгарию; Дмитрий Белюкин — во Францию, Финляндию; Алексей Евстигнеев — в Корею, Люксембург, Италию, Францию, Германию...

Ольга Очаковская протестует:

— Экспорт губителен для искусства. Одна из главных задач галереи — дать возможность художникам работать здесь, продавать картины здесь, причем не по бросовым, а по мировым ценам.

Теперь вернусь от Меркурия к Аполлону.

Отдавая должное мастерству и патриотичности реалистов «новой волны», я не решился бы указать на данной выставке работы, прокладывающие новые пути в искусстве живописи. Мне многое понравилось. Но работа, поразившая более других, пожалуй, выпадает из общего настроя: «Пространство и время» Александра Сытова. Это реализм, и даже гиперреализм. Окаменевшие ребра старинной галеры, затянутые песком. Может, на похожей Разин плавал по Волге, а может, Святослав по Днепру. Теперь песок заметает ее останки. Схлынула волна. И ничего не инсценируешь и не реанимируешь. Посмотришь, вздохнешь и, собравшись с духом, пойдешь жить дальше.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ЕЛЕНА ИВАНИЦКАЯ

ПОЛЕМИКА О ВЕРЕ — ПОЛЕМИКА БЕЗЫСХОДНАЯ

Сегодняшняя философская публицистика с увлечением возобновила споры, гремевшие тысячу лет назад (о христианстве и язычестве), триста лет назад (об «оцерковлении» общества и человека), сто лет назад (об «историческом христианстве» и «новом пути»)... Да и Закон о свободе вероисповеданий *поправляют* в духе не XX века, а какого-нибудь из средних веков.

А. М. Панченко, исследуя безысходный спор об исторической правоте между «новыми учителями» (сторонниками никоновской реформы, адептами барочной культуры) и «традиционалистами» (старообрядцами), замечает: «Не имело значения, кто знал факты и был им верен, а кто их не знал или фальсифицировал. ...Это был не историографический, а историософский спор — спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем. ...Безысходность полемики в том и состояла, что каждая из противоборствующих сторон стремилась только к решительной победе и не желала признавать историософского равноправия соперника». Насколько драматические и даже трагические последствия имела эта полемика — известно.

ПОСЛЕ — ВЕРЫ ИЛИ БЕЗВЕРИЯ?

Было ли у нас атеистическое государство, светское общество, безрелигиозное сознание? Мне кажется, что ничего подобного и близко не было, мы «прямо по Фромму»[1] имели жесткий вариант авторитарной религии, причем, разумеется, не языческой (если понимать язычество не в том безгранично ругательном значении, в каком это слово употребляется в последнее время, а просто как политеизм), а строго монистической. Никакого «многобожия», никакого плюрализма. Истины коммунистическая вера не допускала. Если уж какая традиция и не была воспринята воплощенной утопией, то как раз традиция скептического, терпимого, либерального свободомыслия, когда образа топором не рубят, но и богом не «мучаются», ценность христианских нравственных установлений всей душой признают, но не меньшую ценность видят в цивилизованных гражданских учреждениях, развитии образования, науки и культуры.

Но, впрочем, о том, что мне кажется, пока лучше помолчать и посмотреть, какое решение находит этот вопрос в современной философской и художественной публицистике, в богословской мысли и в массовом сознании.

Мы увидим, что единого решения нет, а представлен (как и следовало ожидать) полный набор возможных. С одной стороны, утверждается, что коммунистический тоталитаризм стремился «вытравить религиозное сознание в целом, изменить саму человеческую природу» (П. Гуревич). Эта точка зрения, наверное, является наиболее распространенной: вот и М. Поздняев в журнале «Столица» (1993, № 33) присоединяется к ней: наше государство, полагает он, пало «в бездны безверия и презрения ко всему святому, кои не снились и древним язычникам». (Вот, кстати, пример того, к чему приводит нерассуждающе хулительное употребление слова «язычество»: в чем бы мы ни обвиняли древних язычников, но подозревать их в презрении ко всему святому нет никаких оснований. Сократ-то за что был приговорен к смерти?) С другой стороны, высказывается (например, В. Непомнящим) мысль о том, что коммунистическая «вера» сатанински выворачивала христианские заповеди, возглашая: убей, укради (экспроприируй), прелюбодействуй... С третьей стороны (сколько у вопроса «сторон»?), выдвигается идея, что коммунистическая идеология в истоке своем является наследницей гностических учений прошлого, а в период господства «напоминает культы языческих империй» (Ю. Шрейдер. «Новый мир», 1993, № 5). С четвертой — раздаются безымянные сетования на то, что была вера — и не стало ее, было за что умирать — «теперь же умирать не за что» (Л. Айзерман в журнале «Новый мир» (1993, № 6) приводит интересное свидетельство — отрывок из сочинения старшеклассника.) И как тут ни тверди, что «было за что» не только умирать, но и убивать, это бесполезно: вера дороже любых возражений.

В. Маканин в рассказе-эссе «Квази» («Новый мир», 1993, № 7) размышляет о том, что рождение в XX веке «массового общества» и «усредненного человека» неизбежно активизирует мифологическое мышление, которое создает аналог веры, смутно ощущая недостаточность «состарившихся» великих религий: сотворив квазирелигию, толпа живет ею, упивается ею, а затем — отбрасывает за исчерпанностью... чтобы начать творить новую. «...И в XXI веке великие религии вряд ли, увы, усилят свое влияние, — заключает писатель. — Недостаточность (незадействованность) веры будет подталкивать вновь гордыню серединного человека к действию. Незанятость неба будет давить».

Хочется спросить: а разве невозможно использование «настоящей», «великой» религии в функции «квази»?

Б. Парамонов в своем уже достаточно давнем эссе «Пантеон. Демократия как религиозная проблема» напомнил (но, кажется, его не услышали или не захотели услышать) об опасном феномене «истинно верующего» — о человеческом типе, для которого важность представляет сам психологический факт верования: «Обращаются к единой истине, но в течение жизни делают это дважды или трижды. Полюса сходятся — коммунист делается конвертированным нацистом и наоборот. Но обоим невозможно обратиться в либерала-скептика». Разве не вчерашние коммунисты весьма дружно обратились в сегодняшних православных? Ю. Шрейдер считает, что это не беда, и предостерегает от того, чтобы «насмехаться» над ними. Значит, он уверен, что «настоящая» религия не станет тоталитарным «квази» даже в руках коммунистов,

ро «вопрос встал о духовной власти в России». Что произойдет, если духовная власть окажется у тех, кто так бестрепетно уверен в своем знании не чего-нибудь, а «сокровенных промышлений Предвечного»(!)?

ОБОЮДООСТРОЕ СТРАДАНИЕ

Во все времена страдания и приводили человека к вере, и вызывали «бунты Иванов Карамазовых». Если Бог — любящий Отец, то как он допускает ТАКОЕ?

В XX веке человек увидел и узнал такое ТАКОЕ, что вопрос этот встал с бесконечной остротой — — и раздался ответ, что это еще мало...

Этот ответ явственно присутствует в духовном мире эпохальной книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»: «Смысл земного существования — не в благоденствии, как все мы привыкли считать, а — в развитии души. С **такой** точки зрения наши мучители наказаны всего страшнее: они свинеют, они уходят из человечества вниз. С такой точки зрения наказание постигает тех, чье развитие **обещает**». Писатель признается, что, обдумав в лагере свое прошлое, «с отвращением перелистав свою жизнь», он пришел к решению, что не роптал бы, «если б и эта кара не была сочтена достаточной». Душа читателя уже готова «взбунтоваться» вслед за Иваном Карамазовым на подобное благословение тюрьме и болезням... Но перед нами все же не проповедь, а исповедь, личный выбор, а не предписание, ибо писатель тут же слышит, как «из могил... отвечают: «Хорошо тебе говорить, когда ты жив остался!»

Беспощадную «проповедь» страдания предлагает такой популярный у отечественных «новых верующих» богослов, как Клайв С. Льюис. Страдания совершенно заслуженно посылаются «плохому» человеку, говорит он, ибо «если плохой человек счастлив, нет ни малейшей надежды, что он заметит зазор между собой и Законом». Но еще заслуженнее страдания посылаются людям «хорошим» — самоотверженным матерям, бережливым работягам, людям «приличным и добродетельным» — «ведь надо во что бы то ни стало разрушить иллюзию самодостаточности, и Бог разрушает ее грубым страхом геенны или земной бедой...». Спасение, настаивает К.С. Льюис, возможно только через муку: ведь если человек делает то, что ему «приятно» (хотя бы это были самые прекрасные, творческие и добродетельные деяния), в этом нет заслуги и нет уверенности, что человек творит волю Божью, а не свою собственную. Божью волю человек творит в страдании... Эти душеполезные размышления до странности напоминают размышления палача-теоретика О'Брайена из романа Дж. Оруэлла «1984»: «Послушания недостаточно. Если человек не страдает, как вы можете быть уверены, что он исполняет вашу волю, а не свою собственную?»

Мы настолько скверны, пишет К. С. Льюис, что гнев Божий «логически и неизбежно вытекает из благости Божией». Страдания даны нам для исправления за грехи и нашу «немыслимую гадость», и нам еще мало, мало, мало!

У Зинаиды Гиппиус есть рассказ «Странничек». В крестьянскую избу заходит и просится переночевать божий человек Памфилий. Хозяйка, то ли молодая, то ли старая, с черным окаменевшим лицом, собирает на стол. Странничек, вообще-то говоря, ожидает более почтительного и заинтересованного, что ли, приема. Но в доме горе: несколько дней назад умер в мучениях маленький сын. «Наказует вас Господь за дела ваши», — тут же констатирует странничек. Женщина не слушает. Вслух, но ни к кому не обращаясь, она спрашивает: зачем были такие мучения? за что младенчик так страдал? «За твои же за грехи», — уверенно поясняет странничек. «Головку свесил, — бормочет женщина. — Молочка бы ты мне, мамка, — да не хоцца». — «Грехи, твои, говорю, это», — убедительно повторяет странничек. «За мои грехи?» — как бы просыпается женщина. «За твои. И теперь скорбию своею пуще грешишь», — напутствует странничек, умостив на лавке свой мешок и укладываясь поудобнее. «Вон отсюда!.. — взрывается крестьянка. — Вон сейчас, пока руками тебя не разорвала...»

Странничек был очень обижен. Как это, его, транслятора Божьей воли, да из теплой избы в холодные сени на ночь глядя? «Да что ж это? за что это? будь, ты, баба, прок...» Мало ей, мало, мало!

В духе «мало вам!» понимает К. С. Льюис и «любовь к ближнему как к самому себе». Любовь, поясняет он, это не пылкое чувство, и не защита, нежность, снисходительность или что-нибудь подобное. Любовь — это желание, чтобы любимый обрел «высшее» благо. А ради высшего блага «вы, может быть, считаете, что вас мало повесить. Быть может, вы даже пойдете в полицию и добровольно примете наказание». А так как ближнего вы любите, «как самого себя», то и ближнего допустимо повесить и донести на него в полицию?

Что ж, и К. Н. Леонтьев т а к любил своих идейных противников, либералов: «Им должно желать добра... самого высшего добра, идеального. А если их поразят несчастья, если они потерпят гонения, какую иную земную кару, то этому роду зла можно даже немного и порадоваться в надежде на их нравственное исцеление».

От имени высшего, идеального Добра разжигаются костры и громоздятся гекатомбы, а разжигающие приговаривают: за ваши грехи, мало вам!..

* * *

Полемика с верой — полемика безысходная. Но среди восторгов по поводу сегодняшнего религиозного ренессанса нельзя забывать и о тех опасностях, которые этот ренессанс может с собой принести.

Вера — дело личное. Даже так: вера — это интимная тайна. Вера же «в масштабах государства» — это прямой путь к новому «квази».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В работе «Психоанализ и религия» Э. Фромм замечает, что различные изводы современного авторитаризма «вовсе не называются религиями, хотя с психологической точки зрения они вполне того заслуживают».
2. В. М. Сидоров, разъясняя читателям «Российской газеты» (28.08.93) суть этого призыва, отнюдь не случайно повторяющего формулировку «Коммунистического манифеста», говорит, что Россия — космическая опора человечества, что быть русским — значит помнить о своей «небесной миссии», что только «молитвенный экстаз и духовный порыв» объединившихся русских, которым, как и пролетариату, нечего терять, может спасти мироздание от «почти неотвратимой апокалипсической катастрофы».

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

ОГОНЬ

Арабские авторы не случайно называли славян огнепоклонниками, ибо, как и многие народы мира, они поклонялись огню, зажигая на святилищах костры во время языческих богослужений и поддерживая негасимый огонь перед идолом Перуна.

Древнерусские язычники сжигали своих мертвецов, веря, что пламенем погребального костра они непосредственно переносятся в райскую обитель. И после замены трупосожжения трупоположением сжигание долго сохранялось в качестве казни для колдунов и еретиков. Древняя символика очистительного пламени в XVII веке возродилась в старообрядческой практике массовых самосожжений.

Отголоски языческих погребальных обрядов сохранились почти до наших дней в многочисленных поверьях и обрядовых действиях. Еще в XIX веке, вернувшись с кладбища после похорон, крестьяне прикладывали руки к печи или заглядывали в нее, чтобы очиститься после соприкосновения с миром смерти и не бояться мертвецов.

В южнорусских губерниях принято было на святках устраивать костры из соломы, мусора, навоза, чтобы усопшие родители пришли к ним погреться. Наблюдатель из Тамбовской губернии сообщал в 1887 году, что на Рождество «среди каждого крестьянского двора кладется воз или более соломы; которая по отходе утрени и поджигается. Делается это для того, чтобы умершим родственникам не было холодно лежать в мерзлой земле в рождественские морозы. В это время, по понятию крестьян, к этому пламени невидимо для глаз зрителей являются греться умершие родственники».

Наши предки живо ощущали связь земного огня с небесным — солнцем и молнией. Они называли огонь Сварожичем, то есть сыном Сварога — бога неба или солнца. Еще не научившись добывать огонь, славяне, вероятно, хранили небесное пламя, зажженное молнией. Особое суеверное отношение к такому огню сохранялось в России до последнего времени. Загоревшееся от грозы здание тушили не водой, а молоком или квасом, бросали в него освященное пасхальное яичко. Впрочем, и при борьбе с обычным пожаром прибегали подчас к суеверным средствам: обходили его с иконой Неопалимой Купины, стояли лицом к огню с иконой, затапливали печки в своих избах — по поверью, что «дым на дым или огонь на огонь нейдет». Англичанин Коллинс, побывавший в России в 1660-х годах, рассказывал: **«Иногда они (русские. — *А. Т.*) держат иконы перед огнем, думая, что помощь зависит от их произвола. Один русский, думая остановить огонь таким образом, держал своего Миколу так долго, что сам едва не сгорел, и, видя, что помощи нет, бросил его в огонь».** Ясно, что отношение к иконе здесь чисто языческое — как к идолу, которого можно наказать, если он не выполняет обращенных к нему просьб.

Священный характер также приписывали «живому огню», который вытирали старинным способом при помощи деревянных палочек или специальных приспособлений. Само выражение «живой огонь» имеет параллели в других славянских языках и восходит, по-видимому, к праславянской эпохе. Такой огонь называли также: новый, деревянный, реже — святой, самородный, трудовой, небесный.

В России вытирание «живого огня» известно главным образом на Севере, в Поволжье и в Сибири. Чтобы остановить падеж скота, прогоняли стадо через костер, зажженный от «живого огня». Иногда скот прогоняли между двумя кострами или разводили костры на разных концах деревни, чтобы оградить ее от болезни. Так же поступали и для прекращения эпидемии тифа или других заболеваний: вытирали «живой огонь» и через разведенный небольшой костер переходили все здоровые, а затем переносили и больных.

Объектом особого культа был огонь, разведенный под овином и предназначенный для сушки зерна. Уже наиболее ранние памятники обличительной литературы сообщают, что язычники молились огню под овином. Еще и в XIX веке овин пользовался у крестьян особым почетом. Осенью, как и за 800 лет до этого, у овина совершали жертвоприношения — резали кур или петухов. В сентябре праздновали «овинные именины» и в этот день не топили овин во избежание пожара.

Вот что писал в самом начале XX века о крестьянских верованиях, связанных с овином, известный этнограф-краевед из Пошехонья В. А. Балов:

«Овинник, дух, обитающий в овинах, имеет вид громадного черного кота, величиною с дворовую собаку, с горящими, как угольи, глазами. Овинник, или подовинник, всегда находится в яме под садилом. Он наблюдает за кладкой сиопов в овине, за порядком сушки его и т. д. Особенно строго он следит за тем, чтобы овины не топились в так называемые имениные дни. Этими днями считаются: день Феклы «заревницы» — 23 сентября, Воздвижение — 14 сентября и день Покрова Пресвятыя Богородицы — 1 октября.

В этот день все овины бывают именинниками и топить их не следует. При несоблюдении этого овинник наказывает неосторожного владельца овина пожаром, а иногда при удобном случае даже и убивает его».

Религиозным почитанием пользовался и домашний огонь, у которого собиралась вся семья. Он издревле был связан у многих народов с родовым и семейным культом предков, почитался как хранитель семьи и ее благополучия. В России с печью связывалось подчас пребывание домового — своеобразного покровителя семьи. При переходе в новый дом хозяйка обязательно переносила с собой горячие угли и вместе с ними «переманивала» домового со старого места.

Поддержание огня и приготовление пищи было обязанностью женщины-хозяйки, что наложило спе-

цифически женский отпечаток на обряды и верования, связанные с печью. Кроме того, домашний огонь воплощал в себе целостность рода и семейное благополучие, его окружали особой заботой и множеством предосторожностей. Древнерусские «Правила о верующих в гады и звери» (рукопись XVI века) осуждают тех христиан, которые после захода солнца не дают в долг огонь или горячие угли. По-видимому, люди опасались того, что вместе с огнем из дома уйдет и его счастье.

Огонь, как и вода, с древнейших времен является символом духовного и физического очищения и обновления. Вспомним хотя бы, как органически сочетаются прыжки через огонь и купание в реке в праздник Ивана Купалы (кстати, и само слово «Купала» по своему происхождению может быть связано и с водой, и с огнем).

Уже в ранних памятниках древнерусской письменности нашло отражение осмысление метеоритов и других небесных явлений как падающих на землю огненных змеев. Образ змея или дракона, имеющих огненную природу или пышущих огнем, известен в былинах и духовных стихах.

К общечеловеческим универсалиям относится уподобление огня любовному жару, которое оставило свой след и в языке, и в заговорно-заклинательной поэзии, и в любовной магии.

Нашим предкам огонь представлялся живым существом с весьма своенравным характером. Он ест, пьет и спит, подобно человеку, а рассердившись, может и отмстить пожаром за непочтительное обращение. Сам процесс поддержания огня напоминает кормление или жертвоприношение, причем огонь всегда испытывает ненасытный голод и сохраняет сакральную чистоту, что бы в него ни бросили. Здесь, кстати, можно видеть одно из отличий огня от другой стихии — воды, которая все же бывает мутной или грязной. Мы и до сих пор говорим, что огонь «пожирает» или «лижет своими языками», не задумываясь над тем, что когда-то эти выражения понимались буквально.

Огонь воспринимался и как непосредственный объект языческого культа, и как посредник между человеком и божеством. Соответственно и молитвы, и жертвы огню, о которых сообщают древнерусские обличители язычества, могли быть адресованы и самому обожествляемому огню, и языческим идолам и богам.

Такая же двойственность характерна и для символики небесного огня. Молния воплощает гнев Бога, она испепеляет грешников и нечистую силу и зажигает на земле нерукотворные костры, которые непозволительно тушить людям. Однако небесное пламя, исходящее от солнца, согревает землю и служит всеобщим источником жизни и божественной энергии.

Свойства огня не есть нечто объективное и зависят в конечном счете от того, на кого он воздействует. В духовных стихах праведники переходят огненную реку как посуху и воспринимают ее пламя как живительный свет, для грешников же она становится местом адских мук.

С течением времени ушло в прошлое языческое идолослужение, подверглись христианизации старые погребальные обряды. Народная культура вобрала в себя христианские образы огненной реки и мирового пожара. Однако великое множество поверий и запретов, ритуальных и бытовых правил обращения с огнем так и сохранялось почти до нашего времени и никак не соотносилось с христианством.

ОГОНЬ В ЛЮБОВНОЙ МАГИИ

Метафора «любовь — огонь» известна у многих народов мира и восходит к древним мифопоэтическим представлениям. Однако воспринималась она не как поэтическая условность, а вполне конкретно и буквально.

Берестяная грамота второй половины XIV века, обнаруженная в Новгороде, донесла до нас фрагмент любовного заговора: **«...так ся розгори сердце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего»**. К сожалению, левая, начальная часть текста утрачена, однако нетрудно восстановить ее по аналогии с текстами более поздних заговоров. Скорее всего, в ней говорилось что-нибудь вроде: **«как разгорается огонь в печи»**. Такую заговорную формулу находим, например, в тексте из сборника Л. Н. Майкова:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. В печи огонь горит, палит и пышет и тлит дрова; так бы тлело, горело сердце у рабы Божией (имя рек) по рабе Божием (имя рек) во весь день, по всяк час, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Корни взаимного уподобления любви и огня восходят к древним мифологическим и натурфилософским представлениям о природе человеческой души. Человек потому и загорается страстью, что душа его изначально — огонь, потому и бушуют в ней бури, что она сама состоит из воздуха и пара (представления о душе-огне и душе-дыхании, духе легко сочетались друг с другом). А если в душе таится огонь, значит, можно искусственно раздуть его, сделать внутреннее пламя губительным для человека, а можно, наоборот, потушить его.

Огонь получает в заговорах самое разное воплощение: огненный змей, огненная стрела с неба, огненная река, раскаленная печь; даже из чудесного камня Алатыря, оказывается, можно добыть огонь, если постучать по нему палкой или его разломить. При этом мифопоэтическая традиция не видит принципиальной разницы между огнем, пожирающим лес, и внутренним пламенем, пожирающим человека. И огонь, и ветер — это стихии, имеющие двойственную телесно-духовную природу.

Любовная страсть напоминает порой в заговорах разрушительную болезнь. Она сушит и гнетет, корежит и испепеляет человека, бросает его то в жар, то в холод. Более того, в крестьянской культуре существовал глубокий параллелизм между любовной магией и — чем бы вы думали? — магическими средствами против воров. Один из самых распространенных способов воздействовать на вора явно напоминает привораживание. Если, например, украдена шуба, то оставшиеся от нее волоски прикрепляют к челу печи и замазывают глиной. Согласно поверью, вора будет так же коробить, сводить судорогами, а потом он зачахнет и может

помереть или навек остаться хилым и не способным ни к какому труду. Иногда хозяевам украденной вещи достаточно было только пригрозить вору, что они собираются «вмазать в печь», и тот сам возвращал похищенное. А порой приходил в такое состояние душевного упадка, что действительно серьезно заболевал.

Вселенское пламя любовной страсти — несомненный аналог очистительного огня христианской эсхатологии. Однако в заговорах это пламя не знаменует собой уничтожение грешного мира, а лишь призывается на помощь, чтобы разжечь любовное чувство. В то же время картина общей гибели вселенной подтверждает гибельный характер любовных заговоров, характерное для них балансирование на грани между любовью и смертью.

В некоторых заговорах упоминается «столб, от земли до неба огненный», что заставляет вспомнить мифологическое представление о священном браке между небом и землей, известное у многих народов. Например, в древнеиндийском свадебном гимне жених говорил невесте: «Я — он, ты — она; Я — небо, ты — земля; давай же соединимся и породим потомство».

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Нематериальный характер огня, его летучесть и невесомость побуждали сблизить огонь с образом птицы, а его способность извиваться, ползти и красться, жалить и жечь вызывали ассоциации и со змеей.

Эти предметные аналогии подкреплялись более глубокими смысловыми связями. Как и огонь, змеи (ужи) у белорусов, литовцев и некоторых других народов выполняли роль покровителей дома, олицетворяя его богатство и благополучие. С другой стороны, змей или дракон — обычные противники эпических героев, связанные с миром хаоса и зла. В былинах, сказках и духовных стихах они пышут на героя огнем, пытаются спалить богатыря и его коня. Змеино-огненная природа дракона — устойчивая черта его облика у многих народов.

Сближение огня с образами змеи и птицы привело к созданию мифологического образа огненного змея, известного в разных вариантах не только у русских, украинцев и белорусов, но и у многих других народов. В России огненному змею приписывали две основные функции: он или приносит хозяину дома богатство, или летает к вдовам и одиноким женщинам и, оборотившись мужчиной, вступает с ними в любовную связь.

Образ летучего змея — мифического любовника известен уже древнерусской «Повести о Петре и Февронии».

ПЕРЕПЕКАНИЕ РЕБЕНКА

Связанный по своему происхождению с природой, огонь тем не менее становится важнейшим источником культуры, чего нельзя сказать о других стихиях — ни о воде, ни о земле, ни о воздухе. Умение добывать, хранить и сознательно использовать огонь является одним из основных навыков, выделяющих человека из природного окружения.

Приготовление пищи на огне становится фундаментальной метафорой преобразования природы в культуру. Ее можно распознать даже в тех случаях, когда в огне сгорает человек, как, например, в древнем погребальном обряде или в практике старообрядческих самосожжений. Сыграло свою роль здесь и мифологическое отождествление человека и хлеба.

Мифология огня во многом определила и ритуальную символику печи, для которой, впрочем, не менее важна и связь с культом предков и с женским началом.

Вообще в народной культуре печь наделена богатой и разнообразной символикой. Если стол, закрепленный постоянно в красном углу, связывался главным образом с системой христианских ценностей и устойчиво ассоциировался с церковным алтарем (престолом), то печь стала средоточием языческих по происхождению верований и обрядов.

Пожалуй, наиболее выразительно символика огня и печи и взаимное уподобление человека и хлеба выступает в обряде перепекания ребенка, широко известном не только у русских, но и у белорусов, украинцев, поляков и других народов.

«Перепекали» обычно детей, больных рахитом или атрофией, или, согласно народной терминологии, собачьей старостью или сухотами. Ребенка клали на хлебную лопату и трижды засовывали в теплую печь. Несмотря на кажущуюся простоту ритуала, его символика достаточно сложна и многозначна, причем в разных вариантах на первый план выступают то одни, то другие аспекты его смысла. Согласно большинству описаний, главной целью ритуала было сжигание болезни, почему и говорили: «Собачья старость, припекись в печи!», «Как хлеб печется, так и собачья старость пекись!» и т. п.

Более глубокий уровень осмысления обряда определяется символическим отождествлением ребенка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребенка на свет: его как бы возвращают в материнское чрево (печь), чтобы он родился заново. По сообщению конца XIX века из Пензенской губернии, «иногда ребенок родится слишком слабым и сухощавым. Такого младенца, который, по выражению народному, «не допекся в утробе матерней», старухи-знахарки «перепекают» в обыкновенной печке, чтобы сделать его полным и здоровым».

Печь символизировала собой, по-видимому, не только чрево матери, но и загробный мир, отправление в печь — временную смерть; характерно, что в некоторых вариантах ритуала на ребенке разрывали рубашку, как на покойнике, и сжигали ее.

Ритуал перепекания ребенка замечательно демонстрирует, насколько многообразна символика вещей в народной культуре, причем разные ее значения не отделены друг от друга непереходимой чертой, но так или иначе связаны и перетекают одно в другое. Печь одновременно символизирует и мир смерти, и женское лоно, а отправление в печь — и смерть, и новое рождение, и «перепекание», и огненное обновление, причем все эти смыслы как бы присутствуют в обряде одновременно, актуализируясь в его конкретных вариантах.

РОССИЙСКИЕ БАНКИРЫ

РЕШИЛИ ПОМОЧЬ ШКОЛЬНИКАМ В БЛАГОРОДНОМ ДЕЛЕ — ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА.

В начале года редакция совместно с Министерством народного образования обратилась к представителям финансовых кругов, предпринимателям с предложением создать благотворительный фонд поддержки исторического образования в России и в качестве первого шага осуществить бесплатную подписку на журнал «Родина» школам республики.

Вот имена тех, кто откликнулся на наш призыв:

Авиабанк (председатель правления **М. И. Францкевич**)	—	1 млн. руб.
Автобанк (председатель правления **Н. А. Раевская**)	—	1 млн. руб.
Внешэкономбанк (председатель правления **Ю. В. Полетаев**)	—	100 тыс. руб.
Диалог-банк (председатель правления **П. В. Дерби**)	—	1,5 млн. руб.
Инкомбанк (председатель правления **В. В. Виноградов**)	—	1,5 млн. руб.
Межэкономсбербанк (президент **В. А. Хорхин**)	—	300 тыс. руб.
Московский судостроительный и судоремонтный завод (директор В. В. **Ионов**)	—	100 тыс. руб.
Промстройбанк (председатель правления **Я. Н. Дубенецкий**)	—	100 тыс. руб.
Россельхозбанк (председатель правления **Н. П. Лихачев**)	—	1 млн. руб.
ТНК «Гермес-Союз» (председатель правления **В. И. Неверов**)	—	500 тыс. руб.
Торговый дом «Мещера»	—	165 тыс. руб.
Уникомбанк (председатель правления **Н. В. Антонов**)	—	3,9 млн. руб.

Области и города, в которых во втором полугодии школы получали журнал по бесплатной подписке (выборка адресов, если их не указывал банк, производилась редакцией):

Алтайский край*	—	870 экз.
Архангельская обл.	—	300 экз.
Вологодская обл.	—	270 экз.
Волгоградская обл.	—	630 экз.
Воронежская обл.	—	600 экз.
Владимирская обл.	—	280 экз.
Ивановская обл.	—	240 экз.
Иркутская обл.	—	630 экз.
Костромская обл.	—	180 экз.
Курская обл.	—	390 экз.
Красноярский край	—	900 экз.
Липецкая обл.	—	360 экз.
Ленинградская обл.	—	300 экз.
Москва и Московская обл.**	—	4500 экз.
Ниж. Новгород	—	850 экз.
Новгородская обл.	—	180 экз.
Новосибирская обл.	—	720 экз.
Омская обл.	—	600 экз.
Пензенская обл.	—	390 экз.
Рязанская обл.	—	300 экз.
Саратовская обл.	—	780 экз.
Свердловская обл.	—	840 экз.
Ставропольский край	—	480 экз.
Санкт-Петербург	—	540 экз.
Тверская обл.	—	330 экз.
Тульская обл.	—	390 экз.
Тюменская обл.	—	707 экз.
Челябинская обл.	—	570 экз.
Ярославская обл.	—	270 экз.

* К сведению школ. Доставка номеров осуществляется через Центральную базу учебно-наглядных пособий Минобразования с полной оплатой пересылки редакцией.
** Доставка номеров осуществляется через учебный коллектор г. Москвы и Московской области.

ЖЕРТВУЙТЕ!

ШКОЛЫ РОССИИ НУЖДАЮТСЯ В ВАШЕЙ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ.

Благотворительный счет: 1609255 ВО ВНЕШТОРГБАНКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, МФО 201865, УЧ. Н-7 (Банкиры — детям). Контактный телефон: 203-60-25. В благодарность редакция журнала гарантирует вашему банку, предприятию, фирме бесплатную рекламу. Факс: (095) 202-34-65.

От редакции

Анкетный опрос, участниками которого редакция хотела бы видеть своих читателей, мы проводим, чтобы лучше узнать ваши интересы и приблизить к ним журнал. Кто наши читатели? Чего прежде всего ждут от журнала? Каким хотят его видеть?

Надеемся, что разработанная социологической группой при редакции анкета позволит определить и общие черты, и «лица необщее выражение» отдельных читателей.

Отвечая на вопрос, внимательно прочтите все предлагаемые варианты ответов, выберите среди них соответствующие вашему мнению и обведите кружком цифру, стоящую слева либо в клетках таблицы. Вырежьте заполненную анкету и пришлите по адресу: **121877, Москва, Новый Арбат, дом 19, журнал «Родина»**. *На конверте сделайте пометку* ***«Анкета».***

Заранее благодарим участников опроса и сообщаем: для приславших наиболее полные ответы и высказавших свои пожелания и соображения редакция выделяет 30 бесплатных подписок на журнал и на приложение к журналу — новое документальное издание «Источник». Поэтому вы можете указать свое имя и адрес.

Сначала о себе

1. Пол
001 мужской   002 женский

2. Возраст
003 до 20 лет   004 от 20 до 25   005 от 25 до 30
006 от 30 до 35   007 от 35 до 40   008 от 40 до 45
009 от 45 до 50   010 от 50 до 55   011 от 55 до 60
012 свыше 60 лет

3. Образование
013 среднее или среднее специальное
014 незаконченное высшее
015 высшее техническое
016 высшее физико-математическое
017 высшее естественнонаучное (биология, медицина)
018 высшее экономическое, финансовое
019 высшее гуманитарное, в том числе:
020 высшее историческое
021 высшее военное, милицейское
022 ученая степень
023 ученое звание

4. Сфера деятельности
024 промышленность
025 сельское хозяйство
026 средние и средние специальные учебные заведения
027 наука академическая
028 наука прикладная
029 сфера обслуживания
030 военная служба
031 строительство
032 средства массовой информации
033 медицина
034 высшие учебные заведения
035 транспорт и связь
036 финансы, банки, биржи
037 соц. обеспечение, страховое дело
038 торговля и снабжение
039 структуры исполнительной власти, министерства, ведомства
040 структуры представительной власти
041 общественно-политические организации
042 другое, не упомянутое

5. Как часто вы читаете журнал?
043 регулярно, по мере выхода в свет
044 примерно 5—6 раз в году
045 от случая к случаю, не чаще 2—3 раз в год
046 другое (напишите)

6. Как вы достаете журнал?
047 являюсь подписчиком
048 покупаю в киоске
049 беру в библиотеке
050 беру у знакомых, родственников
051 иначе (напишите)

7. Если вы являетесь подписчиком, то с какого года (напишите)

8. Среди журналов есть сильно политизированные издания. Как бы вы охарактеризовали журнал «Родина» с этой точки зрения?
052 крайне политизирован
053 умеренно политизирован
054 сохраняет объективность без крайностей левого или правого толка
055 позиция размыта
056 другое (напишите)

9. Какие крупные тематические разделы и рубрики представляют для вас наибольший интерес? Приоритетность оцените по 7-балльной системе. 7 — наивысший балл, далее по нисходящей. Обведите кружком цифру, соответствующую баллу вашей оценки.
«7» — чрезвычайно интересно
«6» — интересно в значительной степени
«5» — интересно
«4» — интересно в некоторой степени
«3» — относительно интересно
«2» — особого интереса не вызывает
«1» — равнодушен

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗДЕЛЫ И РУБРИКИ	БАЛЛЫ						
	7	6	5	4	3	2	1
РОССИЯ ДО 1917 ГОДА Исследования, статьи, очерки по политической и гражданской истории Отечества	057	058	059	060	061	062	063
ОТ 1917 ДО 1985 ГОДА Осмысление исторического опыта Отечества от 1917 до 1985 года (большевизм, Ленин, коллективизация, индустриализация, сталинизм и т. д.)	064	065	066	067	068	069	070
1985—1993 ГОДЫ Осмысление исторического периода с 1985 по 1991 год и «злоба дня» 1991—1993 годов (перестройка, развал СССР, экономические реформы, политическая борьба и т. д.)	071	072	073	074	075	076	077
АРХИВЫ ИСТОРИИ Документы из бывших хранилищ КПСС, КГБ, других архивов	078	079	080	081	082	083	084

	7	6	5	4	3	2	1
РУССКАЯ ИДЕЯ Материалы по историософии, проблемам межнациональных отношений, о русском национальном характере, о путях развития России	085	086	087	088	089	090	091
ТЕМАТИЧЕСКИЕ НОМЕРА (К 380-летию династии Романовых; «Неизвестные войны России»)	092	093	094	095	096	097	098
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	099	100	101	102	103	104	105

10. Какие оценки журнала близки вашим?

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
106 Многообразие тематики	107 Однообразие тематики
108 Новизна многих материалов и их интерпретаций	109 Вторичность многих материалов и их интерпретаций
110 Отражение различных точек зрения на страницах журнала	111 Отсутствие различных точек зрения на страницах журнала
112 Объективность, непредвзятость, отсутствие тенденциозности	113 Отсутствие объективности, предвзятость, тенденциозность
114 Свободная от крикливой сенсационности манера изложения	115 Несвободная от крикливой сенсационности манера изложения
116 Четкая общедемократическая позиция	117 Отсутствие четкой общедемократической позиции
118 Наличие острых дискуссионных материалов, «круглых столов»	119 Отсутствие острых дискуссионных материалов, малое число «круглых столов»
120 Отсутствие националистического душка, «российскость» не в ущерб «русскости»	121 Отсутствие ярко выраженного патриотического начала, растворенность «русскости» в «российскости»
122 Удачное сочетание научного и публицистического стилей	123 Неудачное сочетание научного и публицистического стилей, отчего проигрывают оба
124 Дистанцирование от сиюминутной злободневности: «лицом к лицу лица не увидать»	125 Отсутствие оперативности в освещении «злобы дня»
126 Тематические номера, посвященные выдающимся событиям и деятелям отечественной истории	127 Тематические номера представляют интерес лишь для узкого круга читателей
128 Достаточное число концептуальных, аналитических статей	129 Преобладание фактографии, дефицит глубоких аналитических, концептуальных материалов
130 Другое (напишите) ____________	____________

11. Направленность каких газет вам ближе?

131 «Правда», «Советская Россия», «День»
132 «Известия», «Московские новости», «Литературная газета»
133 «Комсомольская правда»
134 «Московский комсомолец»
135 «Коммерсант»
136 Другие издания (напишите, какие)

12. Какие новые темы и проблемы, с вашей точки зрения, должны найти отражение на страницах журнала? Коротко напишите

13. Как вы оцениваете полиграфическое исполнение и иллюстративное оформление журнала?

137 на высоком уровне
138 на среднем уровне
139 оставляет желать лучшего
140 другое (напишите)

14. Ваше отношение к помещению рекламы в журнале?

141 отрицательное
142 безразличное
143 помещаемая в журнале реклама не назойлива
144 нужно строже и с большим вкусом помещать и оформлять рекламу
145 другое (что именно)

15. Давайте посоветуемся. Как вы относитесь к идее выпуска самостоятельных приложений к нашему изданию — журналов «Источник» (документы русской истории), «Репетитор» (материал по истории для старшеклассников и абитуриентов), «Неизвестные войны России» (по типу спецвыпусков о первой мировой войне, Отечественной войне 1812 года...)?

146 идея мне нравится
147 меня эта тематика не занимает
148 лучше, чтобы эти разделы присутствовали постоянно в «Родине»
149 другое (напишите)

16. Если идея выпуска приложений вам по душе, станете вы подписчиком или покупателем таких приложений?

150 да
151 скорее да, чем нет
152 нет
153 скорее нет, чем да
154 пока не определил своего отношения
155 другое (что именно)

17. У редакции есть намерение выпустить однотомник лучших материалов журнала с 1989 года. Можно ли вас считать потенциальным подписчиком или покупателем такой хорошо изданной книги в твердом переплете?

156 да
157 нет
158 пока затрудняюсь сказать

18. Подписались ли вы на «Родину» на 1994 год?

159 Да
160 Нет

19. Вопрос адресован предпринимателям и состоятельным людям. Предприниматели, представители финансовых кругов, Министерство народного образования России поддержали инициативу журнала «Родина» о совместном создании фонда по поддержке исторического образования в России. С помощью фонда журнал «Родина» стал доступен тысячам школьников России. Имеете ли вы возможность и желание помочь молодому поколению россиян в изучении истории Отечества? Если да, сообщите, какую сумму вы могли бы передать в этот фонд и школы каких регионов и областей России вы хотели бы подписать на журнал? В этом случае редакция гарантирует вашему банку, предприятию, фирме бесплатную рекламу.

161 готов поддержать это благое дело и перевести определенную сумму, с тем чтобы пересылка и дальнейшее оформление стали делом редакции
162 другое (напишите)

«...Великое могут создать художники, когда они святые...»

ШКОЛА МХАТа и РУССКИЙ ЭКРАН

Л. Коренева и В. Холодная в фильме «Жизнь за жизнь».

Они почти ровесники — МХАТ и кинематограф. Их союз в России оказался естествен и плодотворен.

К. С. Станиславский говорил в 1913 году: «Кинематограф не может заменить театр, но может, если его изучат и возьмут в свои руки преданные духовному прогрессу люди, приобщить народные массы к общей культурной жизни, а теперь это, несомненно, важное и прекрасное дело».

Искусству кино во все времена противостояли и сегодня противостоят кинодельцы — те «невежественные коммерсанты», о которых еще на заре века писал Толстой. С началом первой мировой войны резко сократился поток иностранных фильмов на российском экране, и это вызвало мощный скачок производства отечественных фильмов, но настоящих мастеров экрана было немного, и экран заполнился множеством картин, играющих на самых низменных страстях зрителей. Боясь, что актеры могут попасть в руки подобных дельцов, дирекция императорских театров вообще запретила своим актерам сниматься в кино. Конечно, это было недальновидное решение, и журнал «Сине-фоно» отреагировал на это резко отрицательно. «Миллионы, стремящиеся отведать хоть одну каплю из сладкой чаши искусства, миллионы, которым не суждено воочию увидеть на сцене Шаляпина или Варламова, — существуют ли они для дирекции казенных театров?» — ставил вопрос журнал. Эти миллионы существовали для Станиславского, и он открыл своим ученикам широкую дорогу на службу новому искусству кинематографа!

В 1914 году актер Московского Художественного театра Борис Сушкевич приступил к систематической работе на кинофабриках как режиссер и актер, внедряя школу МХАТа в постановочную практику кинематографа.

Один из старейших работников отечественной кинематографии, много сделавший для сближения МХАТа с кинематографом, — М. Н. Алейников писал о Сушкевиче: «Театральный режиссер, он ушел в своих фильмах от театральности гораздо дальше, чем тогдашние кинорежиссеры».

За два года он снял четыре фильма: «Сверчок на печи», по Ч. Диккенсу, «Омут» (экранизация одноименного романа Г. Сенкевича), «Цветы запоздалые» (экранизация рассказа А. Чехова), «Ураган» (драма из жизни провинциальных чиновников). В эти годы Сушкевич снялся в фильме «Царь Иван Васильевич Грозный» в роли Малюты, а в «Цветах запоздалых» сыграл доктора Топоркова.

В 1915 году начал работу в кино ученик К. С. Ста-

О. В. ГЗОВСКАЯ

СНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО ВЪ КАРТИНАХЪ ТОРГОВАГО ДОМА „РУСЬ“ М. С. Трофимова и К°.

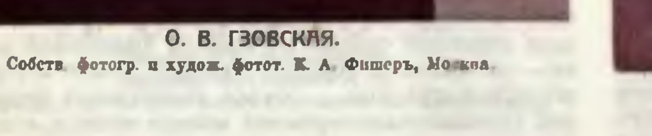

2817. О. В ГЗОВСКАЯ (Ком. „Золотое руно“.)

«Хозяйка гостиницы». М. Х. Т. О. В. Гзовская

537. О. В. ГЗОВСКАЯ.

Собств. фотогр. и худож. фотот. К. А. Фишеръ, Москва.

ниславского Всеволод Мейерхольд. Его первым фильмом стал «Портрет Дориана Грея» (экранизация одноименного романа О. Уайльда), где он выступил как сценарист, режиссер и исполнитель роли лорда Генри Уоттона.

Критика отметила кинематографический опыт Мейерхольда как значительное явление в кинематографе тех лет.

Один из основателей Художественного театра — ученик Станиславского Александр Акимович Санин в 1918 году приступил к съемкам фильма «Девьи горы», затем — к «Поликушке» (по рассказу Л. Н. Толстого). Фильм получил мировое признание.

В первое десятилетие существования отечественного кинематографа (1908—1918) более 80 актеров МХАТа снялись почти в 600 ролях. Среди них — Евгений Вахтангов, Владимир Гайдаров, Михаил Чехов, Петр Бакшеев, Мария Андреева, Вера Барановская, Алиса Коонен, Мария Германова, Ольга Пыжова. Одной из самых популярных актрис ранней русской кинематографии была ученица К. С. Станиславского Вера Орлова. О ней мы уже рассказывали на страницах журнала*, как и о кинофолях знаменитого актера МХАТа Леонида Леонидова**. Сегодня же вспомним о других актерах-мхатовцах — Лидии Кореневой, Ольге Гзовской, Иване Москвине, стоявших у истоков отечественной кинематографии. О них много писала пресса тех далеких лет. Это были воистину кумиры зрителей.

Дебют Кореневой в кино относится к 1915 году: фильм «Инвалиды духа». Постановку осуществила фирма Александра Ханжонкова. По свидетельству известного исследователя русской дореволюционной кинематографии Вениамина Вишневского, картина стала «заслуживающей внимания попыткой создания психологического фильма с замедленным действием; одной из первых попыток использования «чеховской» драматургии в кино». Фильм поставил известный кинорежиссер Петр Чардынин (снявший в течение одного 1915 года 32 фильма). Так что Лидии Кореневой, привыкшей во МХАТе к вдумчивой, неторопливой репетиционной работе, непросто было утверждать систему Станиславского в той гонке, которая, за редким исключением, существовала тогда в кинематографе.

Ее последующие работы были связаны с той же фирмой Ханжонкова, а снимал актрису Евгений Бауэр — выдающийся режиссер, о котором известный исследователь мирового кино Жорж Садуль писал: «Бауэр заслуженно может считаться первым настоящим кинематографическим художником не только в России, но и, пожалуй, во всем мире».

Режиссура Бауэра помогла Кореневой в кинематографе максимально реализовать свой талант и опыт, полученные на сцене Московского Художественного театра. По свидетельству жены Ханжонкова Веры Дмитриевны, не раз при-

* См. «Родина». 1992. № 8—9.

** См. «Родина». 1993. № 5—6.

сутствовавшей на съемках Бауэра, режиссер давал актерам перед камерой полную творческую свободу, но иногда, как и Станиславский, говорил: «Не верю». Коренева снялась в трех фильмах Евгения Бауэра — «Кумиры» (экранизация одноименного романа У. Локка), в любовной драме «За счастьем» и «Жизнь за жизнь» (экранизация романа Ж. Онэ «Серж. Панин»). Этот фильм стал крупнейшей работой Бауэра, по свидетельству критики, шедевром тех лет.

Пройдут годы, и в 1926 году в своей книге «Женщины в кино» Влад Королевич напишет о Лидии Кореневой: «Эта актриса старалась уйти от трафаретных кино-поз к переживаниям МХАТа. Она отказывалась сниматься, когда видела на актере, играющем англичанина, красный галстук. Ей было безразлично, что красное выходит черным. «Я не могу реагировать. Красный галстук у англичанина — это не стильно». Она требовала всего подлинного, как в подлинном МХАТе, откуда она пришла».

О другой актрисе МХАТа, оставившей значительный след в раннем русском кино, — Ольге Гзовской Влад Королевич пишет, что она искала в кинематографе законы кинопластики и ритмы нового искусства.

Ольга Гзовская — легенда Малого театра и МХАТа. Любимая ученица Станиславского. Благодарность учителю актриса сохранила до конца дней, о чем свидетельствуют многие страницы ее воспоминаний.

Дебют Гзовской в кино состоялся в 1915 году в фильме режиссера В. Изумрудова «Мара Крамская» («Жрица свободной любви»), где она сыграла главную роль.

Из дневника А. Блока: 26 мая 1916 года: «Гзовская в «Маре Крамской» (вчера в кинематографе). Все плохо, кроме сцены в притоне. «Характерная» актриса». В тот же день — в письме актрисе: «Вчера, идя по улице, вдруг вижу: «Мара Крамская». Я зашел... Экран плохой, куски ленты, вероятно, вырезаны. Вижу Вас на лошади и в шарабане, и все — что-то не то; думаю, не буду писать Вам об этом; какая-то неуверенность, напряженность, нарочитость: играет Ольга Владимировна, но не вся, а в каждом отрывке играет только часть ее, другие — молчат. Есть кинематографическая неопытность. Только местами все та же м е р а, умеренность выражения чувств и строго с в о е, свои оттенки...»

Гзовская отвечает: «...Я так много работала это время, что, совершенно мертвая к вечеру, усталая, я не могла собрать своих мыслей; работа моя сейчас была ужасная: кинематограф, обожженные глаза к вечеру отнимали возможность писать...»

И далее: «Я вернусь на минуту к «кино». Я рада, что Вы пошли меня смотреть, пойдете еще. Я скоро другое еще буду играть, тогда Вас предупрежу, где и когда пойдет лента».

Кинематографические успехи Гзовской были впереди, главным образом в фильмах Якова Протазанова.

Первая ее встреча с Мастером состоялась в 1916 году. Фильм назывался «Женщина с кинжалом» и рассказывал о скромной девушке Лене Рокотовой, которую бессердечный художник (его играл И. Мозжухин) влюбил в себя, чтобы она согласилась позировать обнаженной. Оскорбленная обманом героиня убивает своего соблазнителя.

Журнал «Проэктор» (№ 11—12, 1916), назвав игру Гзовской в этом фильме «изумительной», отмечал: «Гзовская умеет не только играть перед объективом аппарата: она умудряется жить в тесном пространстве экрана, и бледный образ, созданный — увы! — далеко не гениальным воображением кино-писателя, умеет наполнить живым содержанием жизни... Именно жизненность исполнения, отсутствие всякой надменности, технических приемов и навыков, какая-то исключительная задушевность и теплота придают игре Гзовской особое очарование. Одним из удивительных свойств игры артистки является необычайное разнообразие ее внешнего облика: на протяжении пяти актов зритель с изумлением видит, говоря словами Фета, «ряд счастливых изменений милого лица».

Гзовская умеет быть «разной» не только на протяжении одной и той же кино-пьесы, но и в пределах одной части, даже отдельной сцены... От наивной шаловливой девушки — до зрелой женщины, познавшей любовь и страсть, ревность и страдания — сколько изумительных превращений, сколько тонких переходов, нежных нюансов, художественных деталей!..»

Последующие главные роли Гзовской в фильмах признанного мастера кинорежиссуры Якова Протазанова: «Тася», «Панна Мэри», «Не надо крови», «Горничная Дженни» — укрепили ее успех у зрителей.

На склоне лет, вспоминая своего первого кинематографического учителя, Гзовская писала: «Прошли годы, новые работы в искусстве радовали или огорчали, но ярко живет воспоминание о встрече и работе с режиссером кино, большим художником, высокоодаренным человеком — Яковом Александровичем Протазановым, с которым я проработала пять лет. Живо воскресает в памяти его облик, и на душе делается тепло, радостно, чувствуешь, что эти годы не были прожиты впустую, что они помогли моему развитию и росту как художника.

I·M·MOSKVIN
MOSCOW ARTIST THEATRE
IN THE FILM PLAY
POLIKUSHKA
THE TRAGEDY OF RUSSIAN SLAVERY. SIX PARTS AFTER
LEO TOLSTOY
Director: Alexander Ssanin
Producers: Moving Picture Cooperative Society „Russ"
MOSCOW
Proprietors of the World-Monopoly:
Industrie- und Handels A.-G.
International Workers' Relief Committee for Sovjet-Russia
Moving Pictures Department • Berlin W8, Unter den Linden 11
For information apply to the General-Agency:
DEUTSCH-AMERIKANISCHE FILM-UNION A.-G.
Berlin SW48, Friedrichstr. 5-6 • Tel.: Dönhoff 944-45 • Cable: Dafufilm Berlin
New York Office: Intercontinental pictures, 160 West 45th street

Да, такие режиссеры встречаются редко!..

В картинах Протазанова актеры придерживались русской школы, не играли «под заграницу»... Яков Александрович не увлекался игрой вещами, не подменял ими актера, если это не требовалось для усиления или подчеркивания переживаний актера или смысла самой картины. Его интересовал живой человек и переливы его души. Он добивался от актера выявления содержательности, которую природа вложила в него... Протазанов-режиссер поистине «умирал в актере». Он не выдвигал себя или свою фантазию на первый план. Так может поступать только режиссер — друг актера!..

Я полюбила кино, почувствовала, что на экран можно приносить то же, что приносишь на сцену, что здесь можно отдаться вдохновению, как и в театре, только технически надо делать это иначе, чем на сцене».

Последней работой Гзовской в России в годы немого кино стал фильм «Сорока-воровка», поставленный Саниным к 50-летию со дня смерти Герцена. Трагический образ крепостной актрисы, одаренной и благородной русской женщины в исполнении Гзовской, по признанию прессы, еще более усилил трогательность и очарование герценовских красок.

Высшим достижением школы МХАТа в раннем русском кинематографе стал фильм «Поликушка», снятый в Художественном коллективе «Русь» режиссером МХАТа Александром Саниным с Иваном Москвиным в главной роли. Фильм этот стал дебютом выдающегося актера МХАТа в кинематографе. Съемки картины были завершены в конце февраля 1919 года.

Вот как описывает условия, в которых снимался фильм, художник картины, один из старейших отечественных кинематографистов Сергей Васильевич Козловский:

«Шел второй год гражданской войны. В стране была разруха и голод. В Москве стояли жестокие январские морозы. Ателье отапливалось железной печкой. Возле каждой печки был ответственный дежурный, который поддерживал все время огонь и смотрел, чтобы где-нибудь не загорелось.

В один из таких съемочных понедельников, когда все были в сборе, начали готовиться к съемке эпизода «в избе Поликея» (сцена из видений Поликея). Для этого эпизода был заказан специально выпеченный ржаной хлеб.

Начали репетицию. И. Москвин — Поликей в окружении своих трех детей и жены (В. Пашенная) долго репетировали эту сцену. Москвин резал хлеб и раздавал по куску детям и ел сам. Когда Санин решил наконец снимать всю сцену, оказалось, что хлеб весь съеден. Актеры настолько вошли в роль, а краюха настоящего ржаного хлеба так аппетитно пахла (тогда в Москве выдавали хлеб по карточкам по четверти фунта на день, да и то он наполовину был смешан с картофелем), что никто и не заметил, как ее всю съели. Больше хлеба не было, разосланные во все концы Бутырской улицы гонцы ничего не смогли достать, и съемку пришлось отложить.

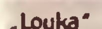
В следующий понедельник хлеб был спрятан, и актеры репетировали с бутафорским куском. Однако сцена с хлебом не удавалась. Наконец, после долгих репетиций решили снимать. Принесли настоящий хлеб, глаза у детишек разгорелись, да и взрослые как-то сразу подтянулись. Начались съемки, и сцена получилась, режиссер Санин был очень доволен.

Обычно в такие дни съемки продолжались до двенадцати часов вечера, все разъезжались поздно, в первом часу ночи. Для артистов закладывались розвальни с конем Васькой. И дядя Матвей развозил по домам бесценный груз — знаменитых русских артистов».

Это было трудное время. Но никакие трудности не смогли сломить волю художников-единомышленников. Их детищу — фильму «Поликушка» — суждено было стать первой советской картиной, получившей мировое признание. И в этом, в первую очередь, была заслуга Ивана Михайловича Москвина.

По свидетельству М. Н. Алейникова, присутствовавшего

КОЛЛЕЖСКИЙ РЕГИСТРАТОР

„Louka" J. M. Moskvine

Théâtre Artistique de Moscou

„L'Asyle de nuit" M. Gorky.

И. М. МОСКВИН

на премьерных показах фильма в Германии, ни одна берлинская газета, ни один журнал не остались без пространных статей, посвященных «Поликушке».

Артур Голличер в берлинском журнале «Красная новь»: «Не будем говорить о Москвине как актере. Это великий художник. Как все, что идет из России, этот фильм обращается непосредственно к душе человека. Это потрясающая картина. «Поликушка», быть может, станет решающим этапом в развитии нашего кино...»

Стефан Гроссман на страницах «Тагебух»:

«Я имел радость видеть первое представление этой прекрасной, тонкой, незабываемой по игре ленты и я причисляю этот час к наиболее ценным впечатлениям от киноискусства».

Газета «Дер Фильм»:

«Это настоящая русская лента не только по постановке, но и по своей художественности. Жертвенная работа, святой пыл, каким проникнуто все произведение, создают чудесную неподдельность среды».

Следующая встреча Москвина с кинематографом состоится в 1925 году в фильме режиссера Ю. Желябужского «Коллежский регистратор» (по повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»). Снова главная роль и снова колоссальный успех как в стране, так и за рубежом. Фильм увидели зрители 32 стран.

После премьеры фильма в Берлине известный театральный критик Альфред Керр писал:

«Снова картина, пришедшая к нам из советской России, потрясает нас, снова русские показывают нам, какие тончайшие психологические переживания может передать кинематограф, как глубоко может он волновать. Невольно вспоминаешь исключительный успех «Поликушки» два года назад. И не только потому, что снова мы видим в главной роли величайшего трагика Москвина, но потому, что мы снова видим неподражаемый русский ансамбль. Все, даже самые маленькие роли и эпизоды, буквально каждый кадр волнует зрителя, заставляет его любить и ненавидеть, заставляет жить жизнью и интересами героев экрана. Все, начиная с сюжета великого русского поэта Пушкина, сделано с предельной лаконичностью, выразительностью и силой».

Чтобы еще раз представить, чем была школа МХАТа в годы становления отечественной кинематографии, вспомним, что писал ранее о Москвине и других создателях фильма «Поликушка» тот же Альфред Керр: «Гениальное освещение жизни... Москвин! Добродушный простой парень, но его взгляд на шапку, прежде чем повеситься! Как жизненно! Какой он весь жизненный! Как все ненавязчиво!..

Воистину великое могут создать художники, когда они святые...»

МАРК ВОЛОЦКИЙ, *киновед*

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

АННА ИОАННОВНА

Глава III
КОРОНА, СВАЛИВШАЯСЯ С НЕБА

Анна Иоанновна была средней по возрасту дочерью сводного брата Петра I — болезненного и слабоумного Иоанна Алексеевича. Семнадцатилетнюю Анну Петр, руководствуясь введенным им обычаем преследовать брачными союзами политические цели, выдал за курляндского герцога Фридриха Вильгельма. Царь рассчитывал в отдаленном будущем присоединить Курляндию к России.

В ноябре 1710 года в Петербурге отпраздновали пышную свадьбу. Гвоздем празднества, устроенного во дворце Меншикова, были свезенные со всей страны карлы и карлицы, для которых смастерили специальную мебель и изготовили миниатюрную посуду. Из двух разрезанных пирогов вылезли модно одетые карлицы, которые обратились к новобрачным со словами приветствия. Затем, по свидетельству очевидца, «заиграли менуэт, и карлицы весьма изящно протанцевали этот танец на столе перед новобрачными. Каждая из них была ростом в локоть» (Юст Поль. Записки. М., 1899. С. 259).

Два месяца брачной жизни сменили долгие годы вдовьего прозябания — в начале 1711 года во время переезда супружеской четы из Петербурга в Курляндию Фридрих Вильгельм заболел и умер. Вдова тем не менее по настоянию дяди должна была отправиться в столицу герцогства Митаву (Елгаву), где в скуке и нужде коротала дни и годы среди чуждого ей курляндско-

Продолжение. Начало см. в № 10, 11. 1993.

Императрица Анна Иоанновна. Гравюра И. Соколова. 1740 г.

го дворянства, потомков немецких рыцарей. Петр велел отпускать ей на содержание из курляндских доходов столько, «без чего прожить нельзя». Это повеление властного и прижимистого дяди обрекало молодую вдову на постоянное попрошайничество денег у царской четы. В редком письме к Екатерине она не жаловалась на отсутствие средств, крайне необходимых ей для поддержания престижа герцогини. Она, оказывается, не имела даже «нарочитово платья», так что ей было неловко появляться в обществе местных дам, роскошно одетых и щеголявших отнюдь «не убогими» драгоценностями.

Иногда дядя разрешал племяннице появляться в Петербурге, и тогда герцогине доводилось испытывать еще одно унижение — заискивать перед вельможами, рассчитывая, что, может быть, когда-либо пригодятся ее добрые отношения с А. Д. Меншиковым, канцлером Г. И. Головкиным, вице-канцлером А. И. Остерманом. С ними она не теряла связей и после возвращения в Митаву.

Унылую, ничем не примечательную жизнь в Митаве скрашивала незаурядная личность Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, выполнявшего при немногочисленном дворе герцогини три обязанности: в должности гофмейстера он управлял скудными вотчинами; эту свою службу он совмещал с обязанностями резидента русского двора в Митаве, присматривая за поведением Анны. Наконец, Петр Михайлович до появления при дворе Бирона, которому поначалу протежировал, тащил нелегкую ношу фаворита. Деликатные связи вызвали гнев матери герцогини, престарелой Прасковьи Федоровны — она едва ли не прокляла свою дочь, хотя в молодости сама не отличалась безупречным поведением и прижила трех дочерей не от законного супруга Иоанна Алексеевича, а, согласно молве, от Василия Алексеевича Юшкова, управляющего двором и имениями.

В 1726 году в монотонной жизни герцогини мелькнул просвет — появилась возможность выйти замуж. Впрочем, такие возможности бывали и раньше, но сердце вдовы было намертво приковано к герцогской короне, и Анна Иоанновна не шла на поводу у своих привязанностей, если в их итоге мог последовать брачный союз, противоречивший интересам России. Тем больше было оснований использовать едва ли не последний шанс приобрести законного супруга — она находилась в том критическом возрасте, когда женихами не разбрасываются.

В роли жениха подвизался побоч-

ный сын саксонского курфюрста Августа II граф Мориц Саксонский, приобретший в Европе громкую славу дамского угодника и дуэлянта. «А персоною он, Мориц, походит много на отца, токмо выше его и попригожее. К тому же он брунет, только шириною не против отца и носит свои волосы долгие» (Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1991. С. 275).

Анна Иоанновна влюбилась в Морица Саксонского, как говорится, с первого взгляда, но на пути к ее семейному счастью встал А. Д. Меншиков, намеревавшийся водрузить на свою голову герцогскую корону. Ее он мог обрести только в том случае, если герцогиня останется вдовой. Справедливости ради отметим, что старания светлейшего были вызваны не только честолюбивой мечтой прибавить к своему пышному титулу еще два слова — герцог Курляндский, — но и видами правительства: в случае если бы супругом Анны Иоанновны стал Мориц Саксонский, надежды на присоединение Курляндии к России навсегда были бы похоронены, и она стала бы одним из воеводств Речи Посполитой. Сколько ни умоляла Анна Иоанновна светлейшего пойти ей навстречу, сколько ни проливала слез, чтобы князь смилостивился и разрешил ей вступить в брак, Александр Данилович оставался неумолимым. Однако и князь должен был довольствоваться лишь половинным успехом: брак он расстроил, но герцогом не стал.

Герцогине так бы и довелось коротать дни до кончины. Единственное утешение — ее новый фаворит Бирон, которому она отдалась всей страстью уже увядшей молодости. И вдруг Анне Иоанновне подвалило счастье, которого она не видела и во сне, — ей предложили российскую корону.

Из Митавы возвратимся в Москву и поприсутствуем на памятном заседании Верховного тайного совета. После того как были отклонены кандидатуры Елизаветы Петровны, Екатерины Алексеевны Долгорукой, герцогини Мекленбургской Екатерины Иоанновны, к собравшимся с речью обратился Дмитрий Михайлович Голицын. Почему именно он? Не только потому, что он был самым старшим по возрасту, после занемогшего Г. И. Головкина, членом Верховного тайного совета, но и потому, что имел репутацию самого образованного и эрудированного вельможи.

Голицын, подведя итоги обсуждению кандидатов на трон, отклонил всех претендентов, за исключением Анны Иоанновны. «Это умная женщина, — заявил он, — правда, у нее тяжелый характер, но в Курляндии на нее нет неудовольствий». Кандидатура «умной женщины» была одобрена всеми восемью членами Верховного тайного совета. После этого состоялся памятный разговор, ставший достоянием всех учебников.

— Ваша воля, — обратился с заключительными словами к присутствовавшим князь Дмитрий Михайлович, — кого изволите, только надобно себе полегчить.

— Как это — полегчить? — спросил Г. И. Головкин.

— Так полегчить, чтобы воли себе прибавить, — ответил Голицын.

— Хоть и начнем, да не удержим этого, — высказал сомнения Василий Лукич Долгорукий.

— Право, удержим, — убеждал присутствовавших князь Дмитрий Михайлович.

После обмена мнениями верховники вышли из покоев, где заседали, в общий зал (здесь их решения ожидали сенаторы и генералитет), чтобы объявить о намерении пригласить на царствование курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, утаив при этом о намерении «себе полегчить».

Когда сенаторы и генералитет разошлись, верховники продолжили заседание, решив составить «пункты» для предъявления их курляндской герцогине. Поскольку это был экспромт, то в палате начался галдеж. Секретарю Верховного тайного совета Василию Петровичу Степанову поручили записывать предложения. Диктовало одновременно несколько человек, но чаще всего раздавались голоса князей Дмитрия Михайловича и Василия Лукича. Записывать «пункты» в обстановке гвалта было невозможно, и тогда канцлер Г. И. Головкин и фельдмаршал М. М. Голицын обратились к А. И. Остерману, чтобы тот, «яко знающий лучше штиль, диктовал». Осторожный и хитрый Остерман решил остаться в стороне от затеваемого дела и долго отказывался от чести формулировать «пункты», ссылаясь на то, что он, как иноземец, «в такое важное дело вступать не может». Но уклониться от роли редактора Остерману все же не удалось, и он приступил к приданию литературной формы «пунктам», произносимым В. Л. Долгоруким и Д. М. Голицыным.

Хотя работа не была завершена, верховники решили для кратковременного отдыха разъехаться по домам, чтобы вновь собраться утром. К десяти утра съехались все, за исключением двух воспитателей скончавшегося императора — А. И. Остерман и А. Г. Долгорукий отправились к гробу покойного в Лефортовский дворец. Находившимся в залах Кремлевского дворца «членам Синода и знатным духовного чина, Сенату, генералитету и прочим временным и стацкнм чинам и из коллегий немалому числу до бригадира» верховники официально объявили как о кончине Петра II, так и об избрании Анны Иоанновны, причем спросили у них, согласны ли они с избранием курляндской герцогини. Получив утвердительный ответ, верховники распустили собрание и возобновили составление «пунктов».

В окончательном варианте «Кондиции» (так был назван документ, ограничивавший самодержавную власть императрицы) состояли из восьми пунктов. Фактически условий было десять, ибо две позиции авторы изложили в преамбуле: обязательство не вступать в супружество и не назначать себе преемников.

«Кондиции» фактически превращали царскую власть в номинальный институт — без ведома Верховного тайного совета не предпринимался ни один серьезный шаг как во внутренней, так и во внешней политике.

Верховники поручили отправить «Кондиции» в Митаву специальной комиссии из трех человек: В. Л. Долгорукий, глава депутации, представлял Верховный тайный совет, Михаил Михайлович Голицын-младший — Сенат, генерал-майор Михаил Иванович Леонтьев — генералитет. Фельдмаршал В. В. Долгорукий предложил назначить четвертого депутата — от духовенства, но встретил решительное возражение Д. М. Голицына: «Нет, духовенство не заслужило никакого уважения. Оно опозорило себя согласием на воцарение Екатерины, не имевшей на то никакого права».

Задача депутации состояла в полной изоляции Анны Иоанновны от общения с посторонними не только в Митаве, но и на пути в Москву, куда ей надлежало немедленно выехать.

Верховники предусмотрительно позаботились и о том, чтобы никто из противников их «затейки», как назвал Феофан Прокопович попытку ограничить самодержавие, не прибыл в Митаву раньше депутации и не известил герцогиню, что «Кондиции» выражали не волю народа, а интересы «осьмеричных затейщиков», т. е. восьми членов Верховного тайного совета. С этой целью заведующему почтой бригадиру Полибину велено было оцепить Москву заставами по всем трактам и разрешать выезд из столицы только по паспортам, выданным Верховным тайным советом.

19 января «Кондиции» подписали все члены Совета, кроме А. И. Остермана, как всегда сказавшегося в критической ситуации больным, и депутация отбыла в Митаву. Хотя депутация двигалась в Митаву, по словам Феофана Прокоповича, «с такою скоростию, что на расставленных нарочно для того частных подводах, казалось, летели они паче, нежели ехали», противникам «затейки» верховников удалось прибыть в столицу Курляндского герцогства раньше В. Л. Долгорукого и его спутников. Гонец Рейнгольд Левенвольде, обрядившийся в крестьянскую одежду, все же упредил депутатов на целые сутки. «Он, — по свидетельству Миниха младшего, — первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в рассуждении ограничения самодержавия». Левенвольде советовал Анне Иоанновне подписать предложенную депутатами бумагу, «которую после нетрудно разорвать» (Записки Эрнста Миниха// Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 100). Не упустил случая попротиводействовать верховникам и Феофан Прокопович.

Наибольшие злоключения выпали на долю доброхота будущей императрицы генерал-прокурора Павла Ивановича Ягужинского. 19 января, в день кончины Петра II, в коридорах Лефортовского дворца Павел Иванович затеял разговор с Василием Лукичом Долгоруким:

— Батюшки мои, прибавьте нам как можно воли.

— Говорено уже о том было, но то не надо, — слукавил князь Василий, утаив от своего собеседника намерение воли прибавить, но не многим, а всего лишь восьми человекам.

Ягужинский, конечно, рассчитывал, что воли будет прибавлено и ему, Павлу Ивановичу, но верховники обошлись без него. Это была крупнейшая их тактическая ошибка. Если бы «затейщики» привлекли на свою сторону церковных иерархов во главе с Прокоповичем, Сенат, генералитет, то события развивались бы не по столь катастрофическому для них сценарию.

Ягужинский потому и отважился на рискованные поиски счастья у будущей императрицы, что ему ничего не досталось от верховников. Для осуществления своего плана Павел Иванович привлек камер-юнкера голштинского герцога Петра Спиридоновича Сумарокова.

— Не жалей денег и поезжай как можно скорее в Митаву, — напутствовал он курьера, вручая ему послание к Анне Иоанновне.

Наставление Ягужинского принципиально отличалось от инструкции гонцу Левенвольде. Сумароков должен был убеждать Анну не подписывать никаких документов до предоставления веских доказательств, «что они от всего народа оное привезли». В противном случае герцогиня должна была заявить, что подпишет «Кондиции», когда прибудет в Москву и лично убедится, что действия депутации соответствуют интересам и воле народа. Герцогиня должна была держаться до последнего даже в том случае, если депутаты станут угрожать избранием другого, более покладистого претендента на трон. Однако Сумароков опоздал на три часа, был опознан Долгоруким и взят под стражу.

Анне Иоанновне не надо было обладать глубокой проницательностью, чтобы усвоить несложную мысль: депутаты действовали от имени не «сенародия» (то есть широких кругов шляхетства), а ограниченного круга лиц и эти лица не пользуются поддержкой дворянской массы. Если бы было наоборот, то депутация не окружала бы переговоры с нею глубокой тайной.

Из донесения В. Л. Долгорукого Верховному тайному совету следует, что депутация в сношениях с Анной Иоанновной не испытывала никаких трудностей: в Митаву посланцы прибыли в седьмом часу вечера 25 января, спустя шесть суток после выезда из Москвы, и в тот же вечер встретились с герцогиней. По словам Долгорукого, она «повелела те «Кондиции» пред собою прочесть и, выслушав, изволила подписать своею рукою так: «По сему обещаюсь все без всякого изъятия содержать. Анна».

Верховному тайному совету не терпелось как можно быстрее получить подписанные «Кондиции». 1 февраля генерал Леонтьев вручил их главному зачинщику — князю Д. М. Голицыну. Теперь, казалось, все трудности позади, оставалась пустая формальность — торжественно обнародовать «Кондиции» и согласие императрицы соблюдать «пункты».

В девять часов утра 2 февраля 1730 года Верховный тайный со-

вет начал свое заседание, на котором присутствовали все его члены, за исключением все еще продолжавшего болеть А. И. Остермана и сопровождавшего Анну Иоанновну В. Л. Долгорукого. На заседание были приглашены три члена Синода, Сенат в полном составе, генералитет, президенты коллегий и прочие лица, получившие повестки. Присутствующим огласили подписанные герцогиней «Кондиции», а также ее письмо, заранее приготовленное самими верховниками, Верховному тайному совету, подписанное ею 28 января, с объяснением причин, побудивших ее ограничить собственную власть.

Верховники обставили дело так, что инициатива ограничения самодержавия якобы исходила от самой Анны Иоанновны, уподобившейся унтер-офицерской вдове. С подобной ситуацией в отечественной истории мы встречаемся впервые.

Потрясение, вызванное чтением «Кондиций» и письма императрицы, красочно описал Феофан Прокопович: «Никого, почитай, кроме верховных, не было, кто бы, такове слушав, не содрогнулся, и сами те, которые всегда великой от сего собрания пользы надеялися, опустили уши, как бедные ослики, шептания некая во множестве оном прошумливали и с негодованием откликнуться никто не посмел. И нельзя было не бояться, понеже в палате оной по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всех молчание! Сами господа верховные тихо нечто один другим пошептывали, и, остро глазами посматривая, притворялись, будто бы они, яко неведомой себе нечаянной вещи удивляются. Один из них только, князь Дмитрий Михайлович Голицын, часто похаркивал: «Видите, как милостива государыня! И какого мы от нее надеялись, таковое она показала Отечеству нашему благодеяние! Бог ее подвигнул к писанию сему: отселе счастливая и цветущая Россия будет».

Молчание все же было нарушено коварным вопросом князя Алексея Михайловича Черкасского: «Каким образом впредь то правление быть имеет?» Без ответа остался и другой вопрос, кем-то робко заданный: «Не ведаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государыне так писать?» Обсуждение вопроса кончилось тем, что Черкасский испросил у верховников разрешения ему и другим желающим подать мнение о государственном устройстве. Просьбе пришлось уступить.

Не менее деликатным был и второй вопрос, обсуждавшийся верховниками на этом же заседании. Леонтьев помимо «Кондиций» и письма Анны Иоанновны доставил в первопрестольную закованного в кандалы Сумарокова. Верховники распорядились для острастки взять под стражу Ягужинского, как лаконично записано в журнале Верховного тайного совета от 2 февраля, «за некоторые подозрения». Арест Ягужинского возбудил не страх, а возмущение — за спиной бывшего генерал-прокурора стоял его тесть Г. И. Головкин и сродники рангом пониже.

10 февраля 1730 года Анна Иоанновна прибыла в подмосковное село Всехсвятское, где она задержалась в ожидании завершения похорон Петра II. С 3 по 12 февраля в Москве развернулась кипучая деятельность противостоявших группировок — провинциальные дворяне, прибывшие в старую столицу на свадебные торжества, силою обстоятельств оказались свидетелями похорон Петра II и участниками важных политических событий. Разбившись на множество групп, они были озабочены составлением проектов государственного устройства, для чего собирались в домах, в которых могли свободно разместиться несколько десятков человек.

Мы не станем излагать содержание каждого из семи проектов. Все они с большей или меньшей определенностью высказались против олигархических притязаний верховников и одновременно требовали расширения дворянских привилегий. Один из проектов отличался особой радикальностью. Авторы этого проекта требовали упразднения Верховного тайного совета и провозглашения высшим органом власти Сената в составе 30 человек во главе с императрицей. Сенаторы, президенты коллегий, губернаторы, равно как и придворные чины, не назначаются, а избираются обществом, то есть дворянами. Авторы этого проекта настаивали на отмене указа о единонаследии (1714), ограничивавшего право помещиков на распоряжение вотчинами, требовали облегчить военную службу дворян — для них должны быть созданы «особливые роты шляхетские».

Шляхетские проекты были солидарны с «Кондициями» в главном — ни один из них не защищал самодержавие. Расхождения с верховниками относились лишь к численности Верховного тайного совета и способам его комплектования. Напомним, из членов существовавшего Верховного тайного совета пятеро были назначены Екатериной I и Петром II и трое кооптированы самими верховниками. Дворянские проекты предлагали довести состав Верховного тайного совета до 12—16 человек, причем все они не назначаются, а избираются «обществом», состоящим из 80—100 членов.

Оппозиционность шляхетства, а также вельмож, оказавшихся за бортом Верховного тайного совета, к верховникам и их «затейке» не являлась для них тайной. Лидер «затейщиков» Д. М. Голицын попытался перехватить инициативу у шляхетства и подготовил встречный проект. По своей обстоятельности, глубине и охвату затрагиваемых вопросов предложения верховников выгодно отличались от шляхетских планов.

С одной стороны, верховники, учитывая настроение шляхетства, пошли навстречу его пожеланиям. В их проекте отсутствовали пункты, ограничивавшие власть императрицы. Более того, проект провозглашал принцип, свойственный правовому государству: «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами». По идее этот принцип должен был положить конец произволу фаворитов, временщиков и властей предержащих. Парадокс состоит в том, что проект верховников учитывал интересы шляхетства в большей мере, чем шляхетские проекты. Обещано было рядовых дворян «содержать так, как в протчих европейских государствах, в надлежащем почтении, в ее императорского величества в милости». Если самые смелые шляхетские проекты ограничивались требованием сократить службу дворян 20-ю годами, то проект верховников отменял обязательную службу. Отменял он и установленный Петром Великим порядок прохождения службы дворянином, начинавшим ее рядовым. Отныне для дворян учреждались кадетские роты, после обучения в которых выпускники определялись офицерами в армию и на флот. Проект гарантировал сохранение за родственниками имущества, принадлежавшего осужденным или казненным дворянам. Не забыты были и интересы прибалтийских дворян — им сохранялись привилегии, предусмотренные Ништадтским мирным договором. Наконец, верховники, пытаясь заручиться поддержкой духовенства, включили в свой проект пункты, обязывавшие Верховный тайный совет строго блюсти догмы православной церкви и беспощадно преследовать нарушителей ее уставов.

С другой стороны, проект верховников не мог не вызвать раздражения шляхетства трогательной заботой об интересах аристократии. Так, в проекте сказано, что выбывшие члены Верховного тайного совета — кстати, его численность оставалась неизменной — могут замещаться кандидатами «из первых фамилий, из генералитета и из шляхетства, людей верных и обществу народному доброжелательных». На все должности в центральных учреждениях могли претендовать только лица «из генералитета и знатного шляхетства». В то же время право вершить судьбы страны предоставлялось заседавшим в Верховном тайном совете — первым фамилиям; остальным вельможам и генералитету предоставлялось право совещательного голоса и только в тех случаях, когда решался принципиально важный вопрос.

Опытный дипломат, поднаторевший в компромиссах, В. Л. Долгорукий предлагал своим коллегам сделать еще один шаг навстречу шляхетской массе — от обещаний перейти к немедленной их реализации, «чтоб народ узнал, что к пользе народной дела начинать хотят», приступить к избранию Сенатом и генералитетом дополнительных членов Верховного тайного совета. Тем самым, считал Василий Лукич, удастся «вышепомянутых трудностей и нарекания убегнуть».

«Убегнуть» трудностей и нареканий не удалось. Накал страстей достиг того градуса, когда частичные уступки шляхетству не могли принести ему успокоения. Противники верховников развили энергичную агитацию по их дискредитации. Среди шляхетства распространялись о верховниках были и небылицы, особенно о Долгоруких. Наибольшую враждебность вызывал А. Г. Долгорукий, открыто проявлявший после объявления своей дочери Екатерины невестой императора аристократическую спесь, непомерное высокомерие и пренебрежение.

К одиозной личности Алексея Григорьевича гвардейские офицеры выказывали открытую ненависть и презрение, требуя отстранения его от всех должностей. Польско-саксонский посланник Лефорт доносил: «Полагают, что князь Иван Алексеевич Долгорукий легко может отправиться в Дербент, а отцу его готовится сюрприз в тысячеверстном путешествии в страну звериной ловли» (Сб. РИО. Т. V. С. 361).

Успех шляхетской оппозиции обеспечивался участием в движении таких талантливых публицистов, «птенцов гнезда Петрова», как Феофан Прокопович и Василий Никитич Татищев. Потаенным дирижером происходивших событий был Остерман, почувствовавший угрозу быть изгнанным из Верховного тайного совета.

Сказавшись больным, обложив себя подушками, Остерман не покидал покоев, изыскивая способы противодействовать верховникам.

Анна Иоанновна провела в Всехсвятском пять томительных дней. Располагая сведениями о шляхетском движении, Анна Иоанновна 12 февраля сделала рискованный шаг, объявив себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Это был прямой вызов Верховному тайному совету, ибо в подписанных императрицей «Кондициях» право распоряжения гвардейскими полками должно было находиться в ведении верховников.

Проба сил оказалась успешной — Верховный тайный совет никак не отреагировал на этот поступок Анны Иоанновны.

В канун отъезда из Всехсвятского, 14 февраля, туда прибыли верховники, чтобы вручить императрице два ордена: Андрея Первозванного и Александра Невского. Князь Голицын, согласно донесению датского посла Вестфалена, благодарил Анну Иоанновну, что она «изволила подписать «Кондиции»... на славу тебе и на благо народа». Отвечая, Анна Иоанновна еще обещала свято блюсти «Кондиции»: «Вы можете быть убеждены, что я их свято буду хранить до конца моей жизни...»

Церемония награждения свидетельствовала о внешнем миролюбии сторон, о готовности их продолжать разыгрывать ранее составленный сценарий — время для решительного удара по верховникам еще не пришло. Понадобилось всего лишь десять дней, чтобы императрица без видимых на то усилий полностью овладела положением, лишив верховников всяких надежд на успешное окончание «затейки».

Приезд Анны Иоанновны в Москву активизировал деятельность ее сторонников. К сожалению, историки не располагают сведениями о том, как бурлила жизнь дворян в первопрестольной с 15 по 23 февраля: не сохранилось источников об их встречах, собраниях, разговорах, действиях. Известно лишь, что 23 февраля состоялись собрания нескольких групп шляхетства,

принявших решение обратиться к Анне Иоанновне с просьбой объявить себя самодержицей. Одно из собраний состоялось в доме князя И. Ф. Барятинского на Моховой, на котором присутствовавшие помимо просьбы к Анне Иоанновне принять самодержавие убеждали ее отказаться от подписи под «Кондициями», упразднить Верховный тайный совет и восстановить в прежнем значении Сенат.

Другой шляхетский кружок в тот же день собрался на Никольской, в доме князя А. М. Черкасского. В общей сложности под челобитной аналогичного содержания подписалось 168 человек. Ночью представители этой группы шляхетства отправились собирать подписи в гвардейские казармы. В итоге у гвардейцев и кавалергардов было собрано еще 84 подписи.

Оппозиционеры спешили — пронесся слух о готовившемся аресте предводителей шляхетства. 25 февраля в Кремлевский дворец, где заседал Верховный тайный совет, по словам датского посланника Вестфалена, прибыло 150 офицеров во главе с А. М. Черкасским, генерал-лейтенантом, майором гвардии князем Григорием Дмитриевичем Юсуповым и генерал-лейтенантом Чернышевым с требованием выслушать их претензии. Верховники согласились не только выслушать, но и удовлетворить их требования. Офицеры не ожидали подобной уступчивости и после разговора с верховниками отправились к императрице, благосклонно их принявшей, и вновь возвратились в Верховный тайный совет. Состоялся любопытный разговор.

Князь Г. Д. Юсупов: «По моему мнению, снисходительность нашей всемилостивейшей государыни и обращение ее с подданными заслуживает с нашей стороны искренней признательности».

Генерал Чернышев с солдатской прямотой разъяснил, в чем должна состоять признательность: «Мы не можем лучше возблагодарить ее величество за признательную милость к народу, как возвратить ей похищенное у нее, то есть единодержавную власть, которой пользовались все ее предки».

Лаконичный по выразительности итог двум выступлениям подвел князь Черкасский: «Да здравствует наша самодержавная государыня Анна Иоанновна!»

Голицын и Долгорукие сдались, не оказав ни малейшего сопротивления: «Пойдем присоединимся к другим, и да будет так, как предопределено святым Провидением».

Осталась самая малость — объявить Анне Иоанновне о «всенародном» желании видеть ее на троне самодержавной императрицей. Но тут произошел сбой: от имени группы дворян в 87 человек, возглавляемой А. М. Черкасским, В. Н. Татищев зачитал челобитную, в которой не было сказано ни слова о самодержавии императрицы. За словесной верноподданнической шелухой просматривалась мысль, что вопрос о государственном устройстве еще не решен и поэтому челобитчики просят разрешения «собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилии и рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласным мнением по большим голосам форму правления государственного сочинить и вашему величеству ко утверждению представить».

Происшедшее вызвало переполох, оно оказалось неожиданным и для верховников, и для Анны Иоанновны. В зале начался шум. Князь Василий Лукич быстро сориентировался и публично задал вопрос князю Черкасскому: «Кто позволил вам присвоить себе право законодателя?» Тот не растерялся и парировал выпад, явно выиграв словесную дуэль: «Делаю это потому, что ее величество была вовлечена вами в обман; вы уверяли ее, что «Кондиции», подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства, но это было сделано без нашего ведома и участия».

Василий Лукич справедливо рассудил, что продолжать полемику в присутствии многочисленных свидетелей ни к чему, и предложил Анне Иоанновне уединиться, чтобы совместно с Верховным тайным советом обсудить челобитную. В это время в события вмешалась старшая сестра Анны Екатерина, женщина властная и решительная. Она подала императрице перо и чернильницу, заявив: «Сестра, теперь не время рассуждать и долго раздумывать, подпиши скорей». На челобитной появилась резолюция Анны Иоанновны: «Учинить по сему». Челобитчики удалились на совещание.

События, как видим, «раскручивались» в неугодном Анне Иоанновне направлении, и неизвестно, чем бы они завершились, если бы не решительный голос гвардейцев. Когда фельдмаршал В. В. Долгорукий предложил им присягнуть императрице и Верховному тайному совету, то они, согласно донесению Лефорта, «отвечали ему, что переломают ему все кости, если он снова явится к ним с подобным предложением». Угрозы гвардейцев следовали один за другим.

«Мы не желаем, — заявили они, — чтобы предписывали государыне законы; она должна быть такою же самодержицею, как были ее предки».

Став на колени, офицеры обратились к императрице: «Государыня, мы, верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству; но мы не потерпим ваших злодеев. Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы».

Подобная ситуация вполне устраивала Анну Иоанновну, тем более что воинственные возгласы офицеров подкреплялись заранее заготовленной челобитной от группы дворян, возглавляемой князем Трубецким, третьим фельдмаршалом, обойденным вниманием верховников. Ее подписали 166 человек.

Челобитная содержала вожделенные для Анны Иоанновны слова: «Всеподданнейше просим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от Верховного тайного совета и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить». Челобитчики далее просили ликвидировать Верховный тайный совет и восстановить Правительствующий сенат в значении, которое он имел при Петре Великом, но в составе 21 персоны.

После прочтения этой челобитной императрица разыграла сцену, венчавшую трагические события февраля 1730 года. «Как, — сказала она, обращаясь к Василию Лукичу Долгорукому, — разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию целого народа?» На этот демагогический вопрос присутствовавшие дружно ответили «нет». «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул?»

Обращаясь к шляхетству, Анна Иоанновна заявила: «Мое постоянное намерение было управлять моими подданными мирно и справедливо, но так как я подписала известные пункты, то должна знать, согласны ли члены Верховного тайного совета, чтобы я приняла предлагаемое мне моим народом?» Присутствовавшие при этом верховники в знак согласия покорно склонили головы: нехитрым приемом Анна Иоанновна освободила себя от многократно данной ею клятвы свято блюсти подписанные «Кондиции».

Остальное было делом техники: по повелению императрицы ей были вручены принесенные «из Верховного тайного совета «Кондиции» и ее письма. В протоколе Верховного тайного совета читаем слова, свидетельствующие о восстановлении в России абсолютной монархии: «И те пункты ее величество при всем народе изволила, приняв, изодрать». Это произошло в четыре часа дня 25 февраля 1730 года. Не до конца разорванный лист с «Кондициями•» и поныне хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Императрица вновь обратилась к шляхетству с «милостивыми словами», обещая быть для подданных матерью отечества и оказывать им всяческую милость. Одну из них она проявила немедленно — велела освободить из заточения П. И. Ягужинского, причем его должен был встретить фельдмаршал В. В. Долгорукий и вручить ему шпагу и «кавалерию».

Не обойдены были «милостями» и Долгорукие. Французский посол Маньян доносил 9 апреля 1730 года, что императрица проводила тайные совещания с обретшим здоровье Остерманом, после чего велела обнародовать указ об удалении от двора шести Долгоруких.

«Может быть, — добавил Маньян, — как думают многие, вскоре станет известным еще большее ухудшение их участи». Четырьмя днями позже более осведомленный де Лириа доносил о том, что предрекал опальным Маньян: «Чего ждали для фамилии Долгоруких, то случилось в прошедшую неделю. Эта фамилия совершенно убита». Далее следует перечисление фамилий Долгоруких и названия мест их ссылки.

Итак, «затейка» верховников потерпела неудачу. Причины ее интересовали как современников, так и историков. Упоминавшийся выше французский поверенный в делах при русском дворе Маньян объяснил неудачу попытки освободиться от «старинного рабства» тем, «что дурно взялись за дело». После подписания «Кондиций» русским оставалось лишь достичь согласия между собой об установлении такой формы правления, которая бы соответствовала «желаниям и интересам мелкого дворянства». Но, продолжал Маньян, согласие и единство между «знатнейшими фамилиями» отсутствовали, и их представители настаивали на том, чтобы Верховный тайный совет состоял из восьми или десяти человек.

Маньян выдавал следствия за причину: он правильно отметил отсутствие единства между двумя кланами верховников, их соперничество, упорное нежелание расширить состав Верховного тайного совета, но все эти находившиеся на поверхности явления имели глубокие корни, которые современнику обнаружить было затруднительно. «Затейка» и не могла завершиться успехом — прежде всего из-за отсутствия консолидации дворянства. Потребовались десятилетия, чтобы осуществленная Петром Великим ликвидация внутрисословных перегородок среди служилых людей по отечеству дала реальные плоды. Общее наименование их шляхетством в известной мере носило еще формальный характер, и хотя действовала Табель о рангах, отклонявшая породу как главный критерий служебной годности, Долгорукие не забывали, что они являлись потомками Рюриковичей, а Голицын — Гедиминовичей.

В «затейке» верховников прослеживаются два исключающих друг друга начала: с одной стороны, их стремление ограничить самодержавие давало историкам повод считать февральские события 1730 года конституционным движением; с другой стороны, эти же верховники действовали в интересах восстановления привилегий аристократии, что давало основание другим историкам писать об олигархических тенденциях. К слову сказать, обе оценки являются справедливыми, но их следует рассматривать не изолированно друг от друга, а в совокупности, как две стороны одной медали.

В стране веками формировалось и внедрялось рабство и холопство: крестьянин — холоп помещика, над помещиком возвышался воевода, последние смотрели с холопьей преданностью на родословных людей, а те не называли себя иначе как рабами либо холопами царя.

Аристократия попыталась разорвать цепь рабской зависимости от монарха, но действовала в эгоистических интересах, стремясь сохранить холопство в остальных звеньях. Источником представлений рядового шляхетства о том, что предпочтительнее подчиняться одному тирану, нежели восьмерым, являлось все та же холопская психология.

(Продолжение следует)

ШАРЛЬ РИШЕ

КУДА МЫ ИДЕМ?

ПОПЫТКА УЧЕНОГО В 1893 ГОДУ РАССКАЗАТЬ О СОБЫТИЯХ В МИРЕ В 1993-м

Предсказания и реальность. Фото Александра Утробина.

Обычно мы пишем о людях прошлых веков. А тут — человек прошлого века пишет о нас. Ученик Пастера, ученый с мировым именем, Шарль Рише рассказывает людям 1993 года, каким он видит их мир. Очерк, отрывки из которого мы предлагаем читателю, поразительным образом сочетает прозорливость науки с наивными представлениями уже почти позапрошлого века. Год завершился, и вы сами можете судить, насколько верными оказались предсказания.

Человек — тоже путешественник, но менее благоразумный. Он часто оглядывается назад, терпеливо изучает исторические памятники и измеряет расстояние, которое отделяет его от прошлого. Но очень редко приходит ему в голову обратиться к будущему...

Нельзя порицать людей за эту беспечность, так как большинству из них, если не всем, настоящая минута приносит бремя, достаточное для того, чтобы занять их умы и деятельность всецело, не оставляя места для умозрений. Деловым людям некогда мечтать. Что касается мыслителей, поэтов, ученых, то и у них есть свои повседневные задачи, более настоятельные, быть может, более полезные, чем гадания о будущем.

...Мы будем составлять эти гипотезы о будущем с возможной точностью и по методу почти научному. Мы возьмем кривые великих социальных явлений и продолжим их, следуя вероятному направлению.

* * *

За столетие население планеты увеличится следующим образом:

Россия	— с 110 млн.	до 340 млн.
Китай	— с 400	до 550
Индия	— с 275	до 350
США	— с 64	до 400
ВЕСЬ МИР	— с 1,5 миллиарда	до 2,5 миллиарда.

Цифры эти даны не наугад; они выверены на основании нормального ежегодного прироста населения в различных странах.

***

Русская цивилизация находится в зачаточном состоянии, не в городах, конечно, но в деревнях. Русский крестьянин резко отличается от фабричных рабочих и крестьян остальной Европы в отношении образования, гражданских чувств, благосостояния. Я не хочу сказать, что он ниже по уму и нравственности. Вовсе нет; он не хуже, он другой: ему чужды благодеяния и пороки утонченной цивилизации, и мысль об уменьшении своей семьи еще не приходила ему в голову и, по всей вероятности, не скоро еще придет, тем более что общинное владение в деревнях, повидимому, плохо вяжется с мальтузианской идеей. В результате население России будет расти гораздо быстрее, чем в других европейских государствах. В настоящее время оно составляет $2/7$ всего европейского населения, а через сто лет будет составлять $2/3$.

Итак, две цивилизованные страны достигнут наибольшего могущества в 1993 году: Соединенные Штаты, с одной стороны, и Россия — с другой. Их население, вероятно, будет равняться 600 миллионам, то есть превышать население всей остальной Европы.

Самым распространенным языком будет английский, да он и представляет много выгодных сторон. Он прост, удобопонятен и, если б не смешное произношение, был бы весьма приспособлен для быстрого распространения. ...Римский алфавит, употребляемый в английском языке, дает этому последнему несомненное преимущество перед русским; тогда как русский алфавит, с его особенными гортанными звуками, не подходит к чтению западных языков. Китайский язык, с его странным алфавитом, уродливыми буквами и бесконечным словарем, до такой степени нелеп, что не имеет права на распространение. Попытки оживить какой-нибудь мертвый язык (например, латинский) или выдумать новый (например, воляпюк или эсперанто) останутся химерами.

***

Хотя политика более, чем что-либо, подвержена невероятным превратностям, но можно предположить, что границы европейских государств останутся в том же виде, как и ныне.

Вопрос об Эльзасе и Лотарингии будет решен, и чудовищная несправедливость исправлена. Каким образом? Нельзя сказать наперед. Войною? К несчастию, это весьма вероятно. Или путем революции в Германии, где воцарится республика, которая отнесется к правам народов с большим уважением.

Единство Германии создано, и вряд ли она распадется... Но объединенная Германия не означает деспотическая Германия. В настоящее время это объединение, с датчанами (рабами) на севере, поляками (рабами) на востоке и эльзасцами (рабами) на западе, не представляет ничего великодушного и благородного, но если б исчезли пагубные мечты о военной гегемонии, разжигающие воображение некоторых немцев, — существование великого германского народа в центре Европы оказалось бы благом, а не язвой.

Что касается Австрийской империи, то вряд ли она выдержит европейскую войну (счастливую или несчастливую — все равно). Венгрия уже почти независима. В 1993 году она будет вполне независима так же, как и чешские земли, а может быть, и австрийская Польша.

Между Россией и Германией существуют еще на балтийских берегах несколько спорных провинций. Трудно представить, что из этого выйдет, так как ядро населения в них русское, и только немногочисленное сословие дворян — немцы; так как Россия с каждым годом становится сильнее Германии, благодаря быстрому приросту населения и завоеваниям в Средней Азии, то, по всей вероятности, современные границы сохранятся, и балтийские провинции останутся за Россией. ...Весьма вероятно, что Россия овладеет Константинополем, но возможны и другие решения Восточного вопроса — именно status quo, простейшее из решений, за которое будет стоять большинство европейских наций.

Во всяком случае, интересы России, скрытая сила которой громадна, влекут ее в Азию; известно, какие успехи она там сделала за последние 20 лет. Кавказ уже перейден, затронута Малая Азия. С окончанием Великой Сибирской дороги плодородные южные области Сибири населятся, как по волшебству. В Центральной Азии, Туркестане, Афганистане, Герате, Персии русское влияние прогрессирует безостановочно. Весьма возможно, что ввиду такой грандиозной мечты, как владычество над Азиатским миром, русская нация инстинктивно откажется от завоеваний на Западе и удовлетворится своими настоящими границами с этой стороны, тем более что нет причины не удовлетвориться ими: ни один русский не находится под иноземным владычеством; австрийские и немецкие славяне не русские, а чехи и поляки. Россия и Англия (слон и кит, по образному выражению Бисмарка) очутятся лицом к лицу, проглотив почти всю Азию.

Азия в конце XX века будет в руках России, которая овладеет севером и центром, Англии, которой будет принадлежать Индия, и Франции, которая, по всей видимости, сохранит власть над Индокитаем.

...Через сто лет Италия и Испания будут республиками. Последними монархиями останутся английская и русская.

***

...Настанет момент, когда народы поймут нелепость войны. Люди поймут наконец, что у них есть дела получше взаимной резни, что их общие враги — нищета, невежество и болезни; что их усилия должны соединиться против этих ужасных бедствий, а не против своих товарищей по нищете и несчастьям. В настоящее время война так ужасна, что почти невозможна... Время маленьких армий миновало. Вооружаются целые нации. И как вооружаются! Скорострельные ружья, чудовищные пушки, усовершенствованные гранаты, бесшумный и бездымный порох... так что большое сражение... может в несколько часов погубить триста тысяч человек! Понятно, что нации отступают перед такой перспективой. Но это еще не все. Вырабатываются новые орудия, вероятно, еще более опустошительные. Усовершенствование войны в конце концов сделает ее невозможной. Если изобретут летательные снаряды, они будут разносить опустошение всюду, и никакой город, как бы он ни был удален от границы, не будет в безопасности. Можно будет сжечь его в несколько часов.

Сейчас какое-то патриотическое бешенство овладевает всеми нациями. Никогда любовь к отечеству — в самом узком смысле, то есть в смысле ненависти к иноземцам — не заходила так далеко...

Об авторе: Шарль Рише (Charles Richet) (1850—1935), парижский биолог, лауреат Нобелевской премии 1913 года по медицине, профессор психологии Парижского университета, президент Парижской Академии наук с 1933 года, разностороний человек: в круг его интересов входили пацифистское движение, самолетостроение, оккультные науки и паранормальные явления; кроме того, Рише писал драмы и романы.

Ежедневная пресса, слепая всюду... содействует распространению самых смешных заблуждений, способных направить народы друг на друга.

К счастью, это мимолетная буря, и мы убеждены, что с преуспеваниями демократии эта отвратительная ненависть исчезнет. В конце XX века наступит если не химерический золотой век..., то, по крайней мере, ослабление ненависти. Тогда, может быть, серьезно подумают об учреждении третейского суда для разбирательства международных споров.

***

Будущую скорость поездов можно принимать в сто верст в час... Быстрота пароходов тоже усилится, но не так значительно... Итак, благодаря частью железной дороге, частью пароходам, кругосветное путешествие, для которого в 1875 году требовалось 80 дней, можно будет совершить в 40 и даже скорее...

Скорость летательных машин, без сомнения, превзойдет скорость локомотивов, однако не настолько, чтобы можно было надеяться, даже при самых оптимистических взглядах, заменить железнодорожные поезда воздушными. (Впрочем, Тьер в 1840 году говорил в палате депутатов: «Неужели вы думаете, что железные дороги вытеснят когда-либо дилижансы?» Депутаты расхохотались — до такой степени это предположение показалось им нелепым.)

Через сто лет, с развитием путей сообщения, каналов, железных дорог, с изобретением летательных машин, таможни будут фактически уничтожены. Если они и сохранятся где-нибудь, то окажутся такими бесполезными и смешными, что живо прекратят свое существование.

Кроме того, торговое объединение наций будет ускорено единством мер и монеты. Будут приняты 100-градусный термометр, килограмм, литр, вследствие чего крайне упростятся торговые сделки... К 2000 году метрическая система вытеснит все остальные... Надо полагать, что в 2000 году будет введена единная монета, с различными штемпелями (это неважно), но одной и той же стоимости.

***

Мир стремится к единству! Сравните состояние Европы сто лет тому назад, и вы увидите, какие успехи сделаны в этом направлении. К 2000 году эта великая революция еще не закончится, но уже настолько преуспеет, что людям того времени легко будет предвидеть ее конец.

***

Всеобщее голосование, прогрессивный и пропорциональный подоходный налог, уничтожение постоянных армий и учреждение международных судов, свобода синдикатов и стачек, обязательное и всеобщее образование — вот требования демократии; и так как она всемогуща, то и добьется всего этого.

Работники, буржуа, крестьяне — весь будущий мир примет демократический и утилитарный характер, в общем, это общество будет организовано так же, как современное. В нем соединятся недостатки и достоинства демократии, но те и другие будут доведены до крайности. Погоня за местами, интриги и кумовство, безжалостная борьба за существование, политики, добивающиеся народных голосов путем разных низостей, словом, правительство не особенно почетное, но принужденное ради сохранения власти воздержаться от мошенничества и удовлетворять элементам могущества.

...Сохранится ли религия у этого материалистического и утилитарного общества? Без сомнения, она примет существенно мирской характер. Но религиозные идеи не уничтожаются; как и национальный язык, они обладают почти непреодолимой способностью к сопротивлению.

В обществах XX века законы, конечно, будут почти те же...

...Роль женщины, вопреки предсказаниям некоторых великодушных людей, всегда будет ограничена домашним очагом. Только как исключение будут существовать женщины-врачи, авторы, художники. Число этих исключений возрастет, но даже в Америке женщина останется по преимуществу матерью семейства и охранительницей домашнего очага. Что касается объема ее политических прав, то это не особенно важно.

***

Нынешние экипажи заменятся, по крайней мере отчасти, паровыми и электрическими. Паровые конки будут разъезжать между деревнями.

Для современных построек будет употребляться железо, которое вытеснит все другие материалы. Даже в деревнях железные дома заменят деревянные избы или кирпичные постройки. Железные мосты будут перекинуты через большие реки. Железный тоннель пройдет под Ла-Маншем... Театры, дворцы, музеи и университеты — все это будут громадные железные здания; строительный камень, столь любезный сердцу нынешнего архитектора, выйдет из употребления. Да, этот век поистине будет веком каменного угля и железа, и тогдашние люди посмеются над нынешним упорством современных архитекторов, цепляющихся за песчаник и кирпичи.

...Что касается истории, то от нее, очевидно, нечего ждать значительных успехов. Если только не откроют, что маловероятно, обширной группы надписей, еще не известных, или папирусов, еще не разобранных, история, наука мертвая, будет преуспевать разве в разработке мелочей, не имеющих особенного значения.

...Электричество еще изумит наших потомков колоссальными открытиями, не только с точки зрения промышленной, но и с точки зрения экспериментальной и математической.

Станут ли люди счастливее? Не думаем. Счастье зависит не от внешних условий, а от нас самих, от нашего ума, от нашего психического состояния... Предохранять людей от холода, голода и болезней не значит доставлять им счастье, но это все, что мы можем сделать для них.

Laboremus! Laboremus! (Будем работать!) Вот наше последнее и точное заключение.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ЛИКИ ПЕТЕРБУРГА

Не удержаться от очередного реверанса в адрес фотографии — без нее наше представление о былом Петербурге было бы значительно туманнее, и порой старые снимки — единственный источник информации о жизни столицы Российской империи на рубеже веков.

В представлении многих Петербург начала XX века — холодный и чопорный город, этакая пародия на северные европейские столицы. Образ этот сформирован в большей степени литературой и фотографиями К. К. Буллы, ставшими в последние годы хорошо известными по выставкам и многочисленным публикациям. На самом же деле гигантский город — в начале века в Петербурге и ближайших пригородах проживало почти полтора миллиона человек — жил шумной и многоликой жизнью. Облик его, конечно же, определяло русское насе-

Спб. Невскій проспектъ.
Пассажъ.
St. Pétersbourg. Persp. Nevsky.
Le Passage.

Ст. С.-Петербургъ, Варшавскій вокзалъ.

С. Петербургъ
Николаевская наб.

С.-Петербургъ.—St.-Petersbourg. № 1.

Американскія горы на Марсовомъ полѣ
Montagne Américaine aux Champs de Mars

ление, но это был поистине многонациональный город. Достаточно сказать, что в Петербурге в это время функционировали церкви и молельные дома практически всех мировых конфессий, в том числе и крупнейший в Европе буддийский храм.

Мы познакомим читателей с несколькими открытками из коллекции петербургского филокартиста Николая Павловича Шмитт-Фогелевича. В настоящее время это наиболее полное, систематизированное, а главное, постоянно «работающее» собрание открыток по Петербургу. Николай Павлович не просто собиратель, а пытливый исследователь этой темы, соавтор каталога-справочника «Петербург — Петроград — Ленинград в открытках: 1895—1945». К его архиву обращаются практически все, кто так или иначе интересуется обликом города, его историей.

Но, пожалуй, самое главное, чем ценны открытки начала века, — это уникальная атмосфера города, зафиксированная благодаря деятельности многочисленных фотографов и издателей. Изобретение цинкографии и потребность в сохранении и тиражировании визуальной информации стали толчком к массовому производству фотооткрыток на рубеже веков.

Дополняя иллюстрацию в журналах и заменяя собой, смеем предположить, телевидение, открытка не была столь канонизирована и сюжетно ограничена, как сегодня; поэтому-то и дошли до нас запечатленные фотокамерой жанровые сцены и житейские ситуации. Разный «почерк» фотомастеров, особенности их творческих пристрастий позволили создать разносторонний и по-своему сочный «коллективный портрет» города.

Frühstück im Garten der St.Petersburger Deutschen Gesellschaft v. 1772.

Редакция благодарна
Николаю Павловичу
Шмитт-Фогелевичу
за помощь, оказанную
в подготовке материала.

Сдано в набор 23.08.93. Подписано к печати 25.10.93. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 80 000 экз. Заказ № 1059. Цена в розницу — договорная, 40 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.

23-1-14

«РОДИНА»

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ СЕНСАЦИЙ

6 номеров — 600 рублей (без стоимости доставки)

Каждый номер — это 112 страниц увлекательного чтения с иллюстрациями о нашем прошлом

Фото Виктора Грицюка

Уважаемые россияне! Вы хотите избежать ненужных трат за доставку?

Подписывайтесь на журналы «Родина» и «Источник» в редакции.

Переводите стоимость подписки с почтовыми услугами 1000 рублей («Родина») и 1500 рублей («Источник») на расчетный счет 60902155 во Внешторгбанке ЦОУ ЦБ РФ кор. счет 2161022 МФО 299112 код ЕЕ (с припиской за тот или иной журнал) и копию платежки с Вашим почтовым адресом направляйте нам:

121877, Москва, Новый Арбат, 19

Мы вышлем Вам журналы без посредников.

Индекс: 73325

Цена по подписке 40 руб. В розницу — договорная.